

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

2025
ЧАСТЬ IX

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (571) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Даниил Борисович Эльконин (1904–1984), советский психолог и педагог, автор оригинального направления в детской и педагогической психологии.

Даниил Борисович родился в селе Малое Перещепино Полтавской губернии в еврейской семье. Его старшим братом был советский живописец Виктор Эльконин. Даниил начал учиться в полтавской гимназии, но оставил ее в связи с тяжелым материальным положением семьи. Повзрослев, Эльконин работал делопроизводителем военно-политических курсов и воспитателем в колонии малолетних правонарушителей.

В 1924 году по командировке Наркомпроса УССР он поступил на психолого-рефлексологический факультет Ленинградского института социального воспитания (впоследствии объединенного с Ленинградским педагогическим институтом имени А. И. Герцена). По окончании ЛГПИ Даниил Борисович стал работать педологом-педагогом детской профамбулатории Октябрьской железной дороги, затем преподавал на кафедре педологии в ЛГПИ, где темой его работы (в сотрудничестве с Львом Выготским) были вопросы детских игр. Он также был учителем начальных классов в одной из ленинградских школ, преподавал в педагогическом институте, создавал школьные учебники по русскому языку для народностей Крайнего Севера. А в 1940 году Эльконин защитил кандидатскую диссертацию, посвященную развитию речи школьников.

После Великой Отечественной войны (которую он провел на фронте и был награжден орденами и медалями) Эльконин вопреки его желанию не был демобилизован. Он получил назначение в Московский областной военно-педагогический институт Советской Армии, где не только преподавал психологию, но и разработал основные принципы построения курса советской военной психологии.

В период борьбы с космополитизмом должно было состояться заседание комиссии, посвященное «разбору и обсуждению допускаемых подполковником Эльконым ошибок космополитического характера», которое было назначено на 5 марта 1953 года. Но именно в этот день умер Сталин, и заседание было отложено, а затем отменено. Подполковник Эльконин был уволен в запас.

В том же 1953 году Даниил Борисович стал штатным сотрудником Института психологии АПН РСФСР (ныне Психологический институт РАО), где и проработал до конца своей жизни. В институте он заведовал несколькими лабораториями, защитил докторскую диссертацию и был избран членом-корреспондентом АПН СССР. Многие годы он преподавал на факультете психологии МГУ.

Эльконин опубликовал несколько монографий и научных статей, которые были посвящены обзору проблем теории и истории изучения детства, его периодизации и психодиагностике. Он занимался такими вопросами, как психологическое развитие

детей в разном возрасте, психологией игры и вопросами учебной деятельности школьников, а также проблемой развития речи и обучения чтению детей. Основным вкладом Даниила Борисовича в советскую и мировую педагогику была разработка и внедрение новой системы обучения — развивающего обучения.

Даниил Борисович в своих работах опирался на идею о культурно-историческом развитии человека. Так, в восьми теоретических работах Эльконина было подробно раскрыто общее положение Льва Выготского. Данное положение (о том, что детство имеет конкретно-исторический характер) было также высказано Павлом Блонским и Алексеем Леонтьевым. Согласно положению Выготского, детство в разные исторические эпохи имеет разные закономерности и содержание. Исследователи пришли к выводу, что не существует одинакового детства. Именно поэтому важно понять теорию исторического развития детства, опираясь на историю психологии, этнографию, историю образования и т. д.

Эльконин считал, что все виды деятельности детей общественны по своей природе, содержанию и форме, поэтому ребенок с первой минуты рождения и с первых ступеней своего развития является общественным существом. Для Даниила Борисовича было неприемлемым положение «ребенок и общество», он считал правильным положение «ребенок в обществе». Также он считал ребенка активным субъектом в преобразовании и присвоении достижений человеческой культуры. Благодаря процессам преобразования ребенок воспроизводит и создает в себе человеческие способности. По данному вопросу Алексей Леонтьев и Даниил Эльконин придерживались единой точки зрения: ребенок в процессе преобразования деятельности осуществляет такую практическую или познавательную деятельность, которая адекватна, но не тождественна деятельности, которая воплощена в человеческой деятельности в предыдущем поколении.

Работы ученого были также посвящены психологии игры и проблемам периодизации игровой деятельности. В них он описал структуру игровой деятельности и выделил две ее стороны — познавательную и мотивационную. Эти стороны существуют в каждой ведущей деятельности, но развиваются неравномерно, чередуясь по темпу развития в каждом возрастном периоде.

Умер Даниил Борисович в 1984 году. Похоронен на Востряковском кладбище.

Каждые два года в Психологическом институте Российской академии образования проходят Эльконинские чтения, которые посвящены памяти Даниила Борисовича Эльконина.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Строкина В. Д., Дроздова М. Д. Оценка эффективности изменений в трудовом законодательстве относительно дистанционной работы	569
Строкина В. Д., Дроздова М. Д. Вопросы принудительного медицинского вмешательства	571
Строкина В. Д., Дроздова М. Д. Трудовые права курьеров онлайн-платформ: актуальные проблемы и способы защиты	573
Суфьянова К. Р. Исполнительное производство как стадия гражданского процесса	575
Сухарева Е. Д. Сравнение арбитражного процесса России и Австралии	577
Тебенькова А. И. Биометрические персональные данные в Российской Федерации	579
Терещук А. Ю. Влияние искусственного интеллекта на расследование преступлений	581
Тищенко К. С. Государственно-частное партнерство в сфере физической культуры и спорта: правовой анализ	584
Толмачева В. К. Недобросовестные практики в сфере банковских услуг	586
Трофимова А. Ю. Значение библиотек в развитии общественных институтов: законодательные основы	588
Устинова Е. Н. Сущность конституционно-правового принципа равенства прав	591
Федосов Е. Э. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве	593

Фетисова В. В., Нургатина М. М., Зуев С. А. Совершенствование механизмов охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве	596
Хажметов Э. М. Ответственность за нарушение антимонопольного законодательства	602
Хидирян Т. В. Пределы доказывания при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям	604
Худякова О. Н. Судебная экспертиза и права человека: соблюдение принципов справедливого разбирательства в делах о коррупции	606
Цуркан А. В. Взяточничество как угроза безопасности человека и государства	608
Чернова А. Е. Особенности проведения предварительного расследования преступлений коррупционной направленности	610
Чинкова А. Н. Проблемы квалификации состава кражи	613
Чуйкова К. А., Зубова Е. М. Юридическая ответственность судьи за вынесение неправосудного решения	615
Юмачикова В. Ю. Возможность временного ограничения выезда руководителя организации-должника из Российской Федерации при взыскании с него убытков в рамках исполнительного производства	618

ИСТОРИЯ

Амелина Т. В. Отчеты Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области Трушина А. А. как исторический источник	620
---	-----

ПОЛИТОЛОГИЯ

Трушин И. М.

Влияние мягкой силы Республики Корея
на страны Балканского полуострова 625

Шанин К. В.

Роль инновационных технологий
в реализации внешнеэкономической
политики Российской Федерации 627

ГЕОГРАФИЯ

Архипов Д. Э.

Современные подходы к графическому
и текстовому описанию границ населенных
пунктов для внесения сведений в ЕГРН 630

ЭКОЛОГИЯ

Ибрагимли Г. А.

Влияние климатических изменений
на уровень Каспийского моря и их
экологические последствия 633

Меркурьев Д. И., Шелякин Р. А.,**Клименко Н. И.**

Применение золы-уноса ТЭЦ 635

Минина К. Ю.

Административная ответственность
за экологические правонарушения 636

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Оценка эффективности изменений в трудовом законодательстве относительно дистанционной работы

Строкина Виктория Дмитриевна, студент;

Дроздова Мария Дмитриевна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор анализирует эффективность поправок в трудовом законодательстве по вопросам дистанционной работы.

Ключевые слова: трудовое законодательство, трудовая деятельность, удаленная работа, работник, работодатель.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что процесс формирования постиндустриальной экономики привел к необходимости усиления гибкости рынка труда. В связи с этим возникла необходимость поиска новых концептуальных подходов к организации социальных и трудовых отношений, которые позволили бы людям максимизировать свой трудовой потенциал, создавая комфортные условия для трудовой деятельности. В результате в российском обществе возник, так называемый феномен нетрадиционных или новых форм занятости (заемный труд, гибкая занятость, срочные контракты, удаленная работа и т. д.).

Новые нестандартные формы занятости — это феномен, который в России остается малоизученным. На данный момент не сформулировано даже точного определения этого понятия. Несмотря на это, новые формы занятости оказывают значительное влияние не только на сферу трудовых отношений, но и на общество в целом. Из-за них положение, как работников, так и работодателей значительно меняется, меняется сам статус рабочего места, что не может не влиять на экономику и политику. Новые формы занятости также влияют на стоимость труда, сумму налогов, уплачиваемых предприятием, отчислений в страховые фонды и т. д.

26 ноября 2020 года Госдума приняла в третьем чтении законопроект об особенностях удаленной работы. Теперь по закону удаленная работа может быть не только постоянной, но и временной (на срок не более шести месяцев), а также регулярной, подразумевающей комбинированную ситуацию. Кроме того, работодатель не имеет права уменьшать заработную плату работника при переводе, но может уволить работника, если он или она не выходили на связь в течение двух и более дней. Закон вступил в силу 1 января 2021 года [1].

В целом поправки в Трудовой кодекс РФ можно оценить положительно. Новый закон увязал связь с удаленной занятостью, которая на практике существовала, но ранее не регулировалась на законодательном уровне. Он разъясняет идею удаленной работы, ставит возможность взаимодействия удаленных сотрудников и работодателя через поток электронных документов, а также регулирует ряд юридических и технических вопросов, связанных с выполнением удаленной работы (конечные услуги, реструктуризация и расторжение трудового договора для удаленной работы, порядок уведомления работника и работодателя в документах, организационные услуги, охрана труда и управление и другие удаленные сотрудники). Это нововведение устраняет неуверенность в возможности заключения соглашения о взаимодействии с сотрудниками и дает работодателям и сотрудникам основные способы управления своими услугами [2].

Из анализа принципов ТК РФ следует, что понятие удаленной работы намного шире, чем понятие работы на дому. То есть можно работать удаленно не только дома и не столько дома, но и в любом подходящем месте за пределами территории работодателя, его филиала, представительства, другого структурного подразделения, а также в другом районе; вне рабочего места, места или объекта, прямо или косвенно под контролем работодателя, главное, чтобы сеть или другая информационная и коммуникационная сеть использовалась во время работы и в сотрудничестве с работодателем (ст. 312.1 ТК РФ).

Новая глава не предназначена для защиты чьих-либо интересов в отношении отношений с сотрудниками (работодателем или сотрудником). Разумеется, обе стороны получают выгоду от возможности не личного сотрудничества при заключении или изменении трудового договора и в системе его реализации, но с использованием элек-

тронного документооборота и / или взаимодействия через переписку в форме, предписанной рассматриваемым вознаграждением. При этом определенные преференции отданы работникам и работодателям. Например, важным нововведением является возможность работодателя и домашнего сотрудника указывать причины прекращения трудового договора, а также причины, предусмотренные трудовым законодательством. Данная статья направлена на защиту интересов работодателей, которые по отношению к широкому кругу работников связаны ограниченным перечнем причин прекращения трудовых отношений, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации. Закон также включает положения, улучшающие положение сотрудников.

Таким образом, было отмечено, что, если иное не предусмотрено договором найма на удаленную работу, режим рабочего времени и период отдыха удаленного сотрудника устанавливается им по своему усмотрению. Следует отметить, что работодатели должны очень серьезно отнестись к этому разделу закона. Дело в том, что отсутствие надлежащей трудовой этики для удаленного сотрудника в трудовом договоре может привести к спорам с последним, если он недоступен, когда это необходимо работодателю, неудобству из-за сроков и удаленного сотрудника и другим негативным последствиям для работодателя.

Из преимуществ закона следует отметить, что закон решает практически возникший вопрос о сфере ответственности работодателя по защите дистанционных работников. Фактически из-за благоприятных условий работодатель не может обеспечить рабочую среду, которая отвечает требованиям охраны труда, на каждом рабочем месте сотрудников, работающих за пределами помещений работодателя, а также выполняет многие другие обязанности, возложенные на него или нее.

Новый закон возложил на работодателя ряд обязанностей, среди которых, во-первых, диагностика и регистрация установленным методом несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; во-вторых, выполнение указаний должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять надзор за соблюдением трудового законодательства и других актов общего права, содержащих нормы трудового права, и выполнять указания государственных регулирующих органов в течение определенного периода; в-третьих, обязательное социальное страхование работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; в-четвертых, информирование работников о требованиях безопасности труда при работе с оборудованием и инструментами, рекомендованными или предоставленными работодателем. При этом следует отметить, что работодатель вправе взять на себя другие обязанности по охране труда в порядке, предусмотренном договором о дистанционной работе. Несомненным преимуществом закона, который может способствовать выбору работника, является положение, в котором говорится, что удаленная работа — это выполнение

работы за пределами рабочего места. Этот пункт должен фактически устранить любые вопросы о правомочности места, где удаленный сотрудник выполняет свои обязанности в качестве отдельного подразделения организации, что, в свою очередь, освобождает работодателя от налоговой регистрации на территории работника и последующих последствий для налогообложения [2].

Обмен электронными документами, предусмотренный поправками в ТК РФ, несомненно, является важным шагом вперед в применении новых технологий при работе по трудовому договору. При этом не будем забывать, что такой обмен обойдется как работнику, так и работодателю. В конце концов, это означает использование проверенных подписей, которые имеют право стороны трудового договора. Для приравнивания электронного документа к бумажному (часть 1 статьи 6 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи») необходима действующая подтвержденная подпись. При этом для подписания трудового договора и других документов с действующей подписью удаленный сотрудник должен будет пройти определенный процесс получения ключа: связаться с центром сертификации, получить действующий сертификат электронной подписи, который будет действовать в течение определенного периода, установить необходимое программное обеспечение и т. д.

Принятие изменений вызвало ряд вопросов о регистрации удаленных сотрудников. Таким образом, в настоящее время отсутствует информация от Минфина России и налоговых органов в случаях, когда работодателям может потребоваться регистрировать удаленные рабочие места как отдельные единицы по сравнению с обычными работниками. Соответственно, ожидается, что официальные разъяснения от компетентных органов укажут, когда удаленный персонал должен будет регистрироваться в качестве отдельного юридического лица и потребуются ли такая регистрация в любое время.

Отсутствие закона об удаленной работе в трудовом законодательстве Российской Федерации, несмотря на долгую историю использования удаленной работы на практике, привело к развитию компании с их планами по регистрации юридических отношений с сотрудниками. Пока неизвестно, будут ли эти программы свернуты в ближайшем будущем, хотя изменения уже произошли.

Как и особые условия ведения трудовых книжек для удаленных сотрудников, предусмотренные главой 49.1 ТК РФ, они представляются вполне разумными. Во-первых, сами стороны вправе предложить, как вести трудовую книжку. Если есть сомнения в том, как трудовой договор будет «работать», никто не мешает применять общие принципы и вести учет в обычном порядке. Во-вторых, трудовые книжки в целом как инструмент трудовых отношений теряют свою актуальность и должны постепенно выходить из цикла. Процесс будет долгим и достаточно болезненным, но неизбежным. Все понимают, что инструмент начала XX века нельзя было эффективно использовать в начале XXI, каким бы распространенным и надежным он ни казался.

Литература:

1. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. N 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях»
2. Данцкер И. Проблемы организации удаленной работы // Системный администратор. 2020. № 3 (208). С. 8–9.
3. Закалюжная Н. В. Нетипичные трудовые отношения в условиях цифровой экономики // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 1 (39). С. 202–208.
4. Мамонтова С. В. Трансформация труда в эпоху технологических перемен // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 2 (31). С. 172–179.
5. Мионов В. И., Новикова М. В. Дистанционная работа как явление на российском рынке труда: дифференциация и дискриминация (часть 1) // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 36–40.

Вопросы принудительного медицинского вмешательства

Строкина Виктория Дмитриевна, студент;

Дроздова Мария Дмитриевна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье авторы исследуют проблемы защиты прав и законных интересов лиц, принудительно госпитализированных в психиатрический стационар. Рассматриваются противоречия в российском законодательстве, регулирующем недобровольное освидетельствование и госпитализацию пациентов с психическими расстройствами. Предложены меры по совершенствованию законодательства, направленные на баланс между общественной безопасностью и защитой прав пациентов.

Ключевые слова: принудительная госпитализация, психиатрическая помощь, защита прав пациентов, судебный контроль, административное судопроизводство.

Защита прав и законных интересов лиц, принудительно госпитализированных в психиатрический стационар, является одной из насущных проблем в юридической практике.

Современное законодательство действительно не в полной мере учитывает жизненные обстоятельства, в которых освидетельствование или госпитализация психически больных лиц были бы необходимы даже без их согласия. В настоящее время законы дают такую возможность только при достаточно выраженных болезненных состояниях и не учитывают ситуаций, когда болезнь уже имеется, психически больной опасен, но непосредственных проявлений этой опасности не имеется.

Согласно ФЗ от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», условием любого медицинского вмешательства является добровольное согласие гражданина или его законного представителя [2]. Это относится и к людям, страдающим психическими заболеваниями. То есть, чтобы психиатр имел основания осмотреть кого-либо, человек должен сначала дать на это свое согласие, причем в письменном виде. Это обосновано в случае нетяжелых психических расстройств, но в случае с людьми, которые себя не контролируют возникают проблемы.

На этот случай есть другой закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав

граждан при ее оказании». Согласно данному закону психически больные лица могут быть освидетельствованы и госпитализированы в недобровольном порядке, то есть никто не будет спрашивать ни его согласия, ни согласия законных представителей [3], об этом также указано в статье 274 КАС РФ [1]. Это возможно, если больной уже наблюдается у психиатра и врач видит какие-то настораживающие изменения в его состоянии. Если человек ранее не состоял на диспансерном учете, его тоже могут обследовать и даже положить в психдиспансер, но для этого врачи должны на основании каких-то совершенных им действий заподозрить у этого человека наличие тяжелого психического расстройства. Эти действия должны говорить либо о том, что человек представляет для себя или окружающих непосредственную опасность, либо о том, что он не может самостоятельно удовлетворять жизненные потребности. Если без вмешательства психиатра ухудшение психического состояния пациента может принести существенный вред его здоровью, психиатрическая помощь тоже оказывается без разрешения.

Проблема в том, что у врачей даже в этих случаях зачастую имеются сложности. В соответствии со ст. 275 КАС РФ, психиатр принимает решение об освидетельствовании только по заявлению, поданному родственниками пациента, должностным лицом, врачом другой специальности или иными гражданами. Заявление должно быть

письменным, содержать подробные сведения, обосновывающие необходимость освидетельствования и указание на отказ лица или его законного представителя от обращения к психиатру.

Дальше психиатр по ряду критериев устанавливает, обосновано ли заявление. После этого мотивированное заключение отправляется в суд, который в течение трех дней выдает разрешение на освидетельствование. Исключения составляют случаи, когда больной непосредственно представляет опасность, например, бросается на людей. Тогда заявление принимают устно, и человека освидетельствуют так скоро, насколько это возможно.

Основания для госпитализации в недобровольном порядке те же самые, просто добавляется условие, что лечение пациента возможно только в условиях стационара. Тогда человека сначала кладут в стационар, и лишь затем, в течение 48 часов, комиссия проводит его освидетельствование. Если основания для госпитализации сохраняются, в суд направляют ходатайство. Суд, в свою очередь, решает, продолжать ли больному лечение в стационаре.

Заявление о госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке подается в суд представителем медицинской организации, в которой находится лицо, либо прокурором. Согласно ч. 2 ст. 35 N 3185–1 ФЗ, постановление судьи об удовлетворении заявления является основанием для госпитализации и дальнейшего содержания лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях [2]. Из содержания данных норм Закона следует, что госпитализация гражданина в психиатрический стационар без его согласия возможна лишь по решению суда.

Однако данное решение может быть оспорено. Проанализируем дело № 2а-3720/23 по административному иску Семенова Ю. К. к Клинической больнице № 1 и Московской областной станции скорой медицинской помощи о признании действий по недобровольной госпитализации в психиатрический стационар незаконными, компенсации морального вреда [4]. Определением от 19.10.2023 года суд перешел к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства. Истец утверждал, что 16.12.2020 года сотрудниками СМП с применением мер физического стеснения он был принудительно доставлен в Психиатрическую больницу, где находился на принудительном лечении вплоть до 11.03.2021 года.

Оспаривая доводы административного истца, представитель медицинского учреждения ссылался на наличие информированного добровольного согласия на госпитализацию, подписанного истцом при помещении его в больницу, что исключает возможность его недобровольной госпитализации. Решения суда о госпитализации истца без его согласия не выносилось. Что же касается ссылки административного истца на то, что подпись под информированным добровольным согласием на гос-

питализацию была выполнена не им, а другим лицом, то данное обстоятельство нельзя признать установленным. Необходимости в назначении по делу почерковедческой экспертизы суд не усматривает по указанным выше причинам, а также по причине пропуска административным истцом срока обращения в суд с настоящим иском с заявлением.

Как пояснил в суде сам административный истец, о недобровольности своей госпитализации он знал с первого дня своего пребывания в этой больнице. Тем не менее, после выписки из больницы в марте 2021 года он не принял никаких мер по обжалованию незаконной госпитализации. Пропуск сроков без уважительных причин послужил основанием отказа в удовлетворении иска и компенсации морального вреда. Однако, данное дело показывает спорный и проблемный характер подобных правоотношений.

Проведенный анализ правовых механизмов недобровольной госпитализации лиц с психическими расстройствами в Российской Федерации выявил ряд системных противоречий между необходимостью защиты общественной безопасности и обеспечением прав пациентов. Действующее законодательство, регламентированное ФЗ № 323 и Законом № 3185–1, устанавливает строгие процедуры для принудительного освидетельствования и госпитализации, требующие судебного одобрения. Однако данные нормы не полностью учитывают ситуации, когда пациент, страдающий хроническим психическим расстройством, потенциально опасен, но не демонстрирует явных угроз в текущий момент. Это создает правовой пробел, ограничивающий возможность своевременного вмешательства и повышающий риски для общества.

Ключевой проблемой остается сложность процедуры инициирования недобровольной госпитализации. Необходимость письменного заявления от третьих лиц, судебного рассмотрения и доказывания обоснованности действий создает барьеры для медицинских работников. При этом судебная практика, как иллюстрирует дело № 2а-3720/23, демонстрирует уязвимости в защите прав пациентов: споры о добровольности согласия, проблемы с документальным подтверждением и жесткие сроки обжалования могут привести к нарушениям, остающимся без правовой оценки.

Для совершенствования системы мы предлагаем:

1. Уточнение критериев недобровольной госпитализации, включая оценку потенциальной опасности при хронических расстройствах даже без актуальных проявлений.
2. Внедрение превентивного судебного контроля за всеми случаями принудительной госпитализации для минимизации риска злоупотреблений.
3. Стандартизация процедур документации в медицинских учреждениях, включая аудио- или видеofиксацию ключевых этапов, что повысит прозрачность и снизит число спорных ситуаций.

4. Упрощение процедуры восстановления пропущенных сроков при наличии уважительных причин.

Реформирование законодательства в указанных направлениях позволит найти баланс между защитой общества, правами пациентов и интересами медицинских ра-

ботников, обеспечив как безопасность, так и соблюдение правовых норм. Дальнейшие исследования целесообразно направить на анализ международного опыта и разработку моделей риск-ориентированного подхода в психиатрической практике.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/4b9267072f99d81169607d9652e18eb0e70f4141/
2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 7.04.2024) [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/12191967/>
3. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 N 3185-1 (ред. От 22.07.2024) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/
4. Дело № 2а-3720/23 по административному иску Семенова Юрия Константиновича [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/admin>

Трудовые права курьеров онлайн-платформ: актуальные проблемы и способы защиты

Строкина Виктория Дмитриевна, студент;

Дроздова Мария Дмитриевна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор исследует актуальные проблемы прав курьеров онлайн-платформ и способы, которыми они могут быть защищены.

Ключевые слова: трудовые права курьеров онлайн-платформ, доставка, социальные гарантии, самозанятые, правовой статус курьеров.

В современном мире доставка имеет огромную популярность и продолжает ее набирать все больше и больше с каждым днем. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), за последние 5 лет доля регулярных пользователей курьерской доставкой выросла вдвое — с 14 до 29 %. Возрастает спрос и на доставку из других стран, например, по информации Big Data МТС, в январе 2024 года пользователей российских сервисов доставки товаров из-за рубежа стало больше на 32 % по сравнению с январем 2023 года.

По прогнозам в 2025 году рынок доставки в России вырастет на 30 %, а доля курьеров, задействованных через онлайн-платформы, достигнет 70 %. Однако правовое регулирование их труда остаётся непроработанным: большинство оформлены как самозанятые, что исключает их из сферы действия Трудового кодекса, а следственно они лишены всех социальных гарантий, пенсионных отчислений и других льгот. Цель статьи — оценить актуальные проблемы данной темы и предложить меры для защиты прав курьеров онлайн-платформ.

Письмо Минтруда России от 30.05.2024 N 14-6/10/B-8769 [1] закрепляет основные права курьера, например:

— Продолжительность рабочего дня для курьера в возрасте от 14 до 15 лет не может превышать 4 часа, от 15 до 16 лет — 5 часов, от 16 до 18 лет — 7 часов, при совмещении работы с учебой продолжительность смены сокращается: для детей от 14 до 16 лет — до 2,5 часа, от 16 до 18 лет — до 4 часов.

— При осуществлении транспортировки корреспонденции для курьера в соответствии с возрастом допускается определенная норма нагрузки

— Курьер может осуществлять свою деятельность только в пределах города/поселка/населенного пункта, с использованием средств передвижения городского транспорта, служебного транспорта с водителем или средств индивидуальной мобильности

— Курьер имеет право на предоставление ему в течение рабочего времени специальных перерывов, обусловленных плохими погодными условиями, которые включаются в рабочее время. Продолжительность и порядок предоставления таких перерывов устанавливаются правилами внутреннего трудового распорядка.

— Компенсация за проезд. При доставке корреспонденции в другую организацию или заборе документов

курьер вправе получить компенсацию за проезд от работодателя в соответствии с трудовым законодательством и иные права.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что курьеры обладают рядом основных прав, однако ничего не сказано про гарантии, которые они получают.

Таким образом, наиболее актуальной и главной проблемой на наш взгляд является проблема «неопределенности» правового статуса курьеров. Как говорилось ранее, большинство курьеров оформлены как самозанятые или по гражданско-правовым договорам, что лишает их базовых трудовых прав и гарантий. У них отсутствуют оплачиваемые отпуск и больничные, нет пенсионных отчислений, страхования от несчастных случаев и многого другого.

Правовая неопределенность статуса курьеров — ключевой вызов в регулировании гиг-экономики. Большинство онлайн-платформ (например, «Яндекс.Еда», Delivery Club, «СберМаркет» и «Самокат») оформляют курьеров как самозанятых или заключают с ними гражданско-правовые договоры. Это позволяет компаниям минимизировать расходы на социальные гарантии, но лишает курьеров защиты, предусмотренной Трудовым кодексом РФ. Это имеет негативные последствия для курьеров, например, в случае болезни или травмы курьер теряет доход. Так, по данным опроса «Альянса курьеров России», 78 % респондентов продолжали работать с температурой из-за страха потерять заработок.

Считаем актуальным введение определенного статуса для курьеров, сочетающего в себе элементы трудового и гражданского права, который будет подразумевать социальные гарантии работников, такие как: обязательное страхование от несчастных случаев, минимальную почасовую оплату, право на оплачиваемый отпуск, больничный и т. д. Ведь «неопределенность» правового статуса курьеров — системная проблема, которая ставит под угрозу их базовые права и социальную стабильность. Решение данной проблемы требует пересмотра законодательства в контексте цифровой трансформации труда.

Также платформы используют алгоритмы для управления курьерами, что приводит к автоматическим штрафам за опоздание или низкий рейтинг, непредсказуемому распределению заказов и доходов, отсутствию оплаты времени простоя (встречаются случаи отказа агрегаторов компенсировать курьеру время подачи, время ожидания).

Распространенной проблемой для курьеров становится также беспричинная блокировка в сервисах на ограниченный период, либо пожизненная блокировка. Исходя из анализа судебной практики можно сделать вывод о том, что суды зачастую отказывают в удовлетворении исков о снятии ограничений и предоставлении доступа к сервисам агрегаторов (решение № 2–2847/2021 Пресненского районного суда) [2], так как самозанятый курьер должен строго соблюдать условия договора оферты на оказание услуг и нормы трудового кодекса при таком договоре не применимы.

Решение данной проблемы требует предоставление возможности курьеру устраиваться на работу по трудо-

вому договору, чтобы была возможность отстаивать свои права в комиссиях по трудовым спорам и суде в рамках трудового кодекса.

По опросу «Яндекс.Работа» (2024) [3], 45 % курьеров работают более 10 часов в сутки, 60 % испытывают хроническую усталость. Решением данной проблемы является введение ограничений на максимальное время работы в приложениях.

Так как курьерская доставка начала развиваться совсем недавно, то и способов защиты на сегодняшний день не так много, однако они существуют и мы считаем необходимым продолжать развивать данные направления среди курьеров, развивать новые направления и способы защиты.

К способам защиты трудовых прав курьеров можно отнести:

— Обращение в прокуратуру.

Например, в октябре 2024 года прокуратура Калининского района Санкт-Петербурга помогла работнику курьерской службы оформить трудовые отношения и взыскать зарплату. По обращению прокуратура провела проверку и установила, что с курьером не заключался трудовой договор. Тогда прокурор обратился в суд с иском о признании отношений между курьером и работодателем трудовыми и взыскании невыплаченной заработной платы. Требования прокуратуры были удовлетворены в полном объеме.

— Обращение в федеральную инспекцию труда.

Обращение сотрудника в инспекцию за защитой своих нарушенных прав может стать поводом для внеплановой проверки.

— Самозащита

Работник может самостоятельно предпринять действия для защиты своих прав, например, потребовать от руководства организации оказать содействие в исполнении должностных обязанностей.

Считаем необходимым также появление профсоюзов для курьеров, ведь профсоюзы представляют интересы сотрудников при проведении коллективных переговоров, обсуждении коллективного договора и при рассмотрении трудовых споров с работодателем. Однако данный способ защиты следует развивать после закрепления «нового статуса» курьера и оформления их по трудовому договору.

Таким образом, все вышеперечисленные проблемы приводят к системным нарушениям прав: 78 % курьеров работают даже при болезни, 45 % — более 10 часов в сутки. Алгоритмы платформ усугубляют проблему, вводя автоматические штрафы, неоплачиваемый простой и необоснованные блокировки, а суды часто игнорируют их интересы.

Решением данных проблем видим законодательное закрепление иного статуса (социальные гарантии + минимальная оплата), ограничение рабочего времени и право перехода на трудовой договор для защиты прав в рамках ТК РФ, а также считаем необходимым продолжать развивать способы защиты трудовых прав курьеров. Это критически важно для социальной стабильности и адаптации права к цифровой экономике.

Литература:

1. Минтруд России. Письмо от 30 мая 2024 г. № 14–6/10/В-8769 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минтруда России. — Дата обращения: 14.05.2025
2. Пресненский районный суд г. Москвы. Решение № 2–2847/2021 от 15.07.2021 // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru>. — Дата обращения: 14.05.2025
3. Яндекс.Работа. Опрос «Трудовые предпочтения россиян в 2024 году» [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Яндекс.Работа». — 2024. — URL: <https://rabota.yandex.ru/survey2024>. — Дата обращения: 14.05.2025.

Исполнительное производство как стадия гражданского процесса

Суфьянова Карина Радиковна, студент

Научный руководитель: Семёнова Елена Юрьевна, старший преподаватель

Уфимский университет науки и технологий

Актуальность выбранной темы обоснована тем, что в настоящем законодательстве исполнительное производство не выделяется нормами гражданского процессуального права в качестве отдельной стадии гражданского процесса. Как известно, решение суда, вступившее в законную силу, завершается его реализацией, ведь без этого не будет полноценно выполнена главная цель — защита нарушенных или оспариваемых прав. На основе анализа норм ГПК, указа Президента, федеральных законов и мнения ученых, определили, является ли исполнительное производство отдельной стадией, обеспечивающей основную цель гражданского судопроизводства, или нет.

Ключевые слова: гражданский процесс, исполнительное производство, стадия, гражданское судопроизводство.

Мало кого интересует вопрос, достаточно ли одного решения суда, чтобы обеспечить полное восстановление прав лица, обратившегося с иском в суд? Непосредственное осуществление защиты прав происходит путём не только вынесения судебного решения, но и его исполнения. Так, вынесенное решение обуславливает возникновение отдельных правоотношений, которые были утверждены решением, как единственным органом, способным осуществлять правосудие. Именно за правосудием люди и обращаются в суд, и, естественно, одного судебного процесса недостаточно для этого, ведь от вынесения решения должник не захочет исполнить возникшие обязательства, нужны какие-то меры обеспечения восстановления прав. И этой мерой и должно выступать исполнительное производство.

Именно на данной стадии, по сути, и происходит реальная защита нарушенных прав, которые были подтверждены решением суда. Его исполнение является показателем разрешения конфликта, возникшего между истцом и ответчиком, а также важным механизмом упорядочения общественных отношений.

Исходя из вышесказанных слов, целью данной статьи является анализ исполнительного производства как отдельной стадии гражданского процесса.

Прежде чем начать говорить об исполнительном производстве, необходимо вспомнить стадии гражданского процесса: первая стадия — возбуждение гражданского дела, далее — подготовка гражданского дела к судебному разбирательству, затем — судебное разбирательство, в ходе которого принимается решение суда. Если сто-

роны не согласны с решением, то идут стадии апелляционного производства, суда кассационной инстанции, суда надзорной инстанции и пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Так, гражданское процессуальное законодательство не указывает исполнительное производство в качестве отдельной стадии. Однако в Указе Президента РФ от 15 марта 2000 г. № 511 «О классификаторе правовых актов» [9], исполнительное производство является частью гражданского процессуального права.

Почему исполнительное производство должно завершать каждую из стадий гражданского процесса? Ответом на этот вопрос является факт необходимости исполнения решения суда, несмотря на то, какая инстанция рассматривала дело.

Исполнительное производство — деятельность судебных приставов-исполнителей и других участников правоотношений, которые складываются в процессе реализации судебных решений, исполнительных документов, к которым относятся, например, судебные приказы или удостоверения, выдаваемые комиссиями по трудовым спорам [1, с. 32].

Данное определение ещё раз подтверждает написанное выше — наличие судебных актов не означает, что их исполнят добровольно, должно быть наличие принуждения для достижения главной цели гражданского судопроизводства, о которой мы поговорим далее.

Так, цель гражданского судопроизводства устанавливается ст. 2 ГПК: «...защита нарушенных или оспа-

риваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов...» [10]. Она возможна лишь в результате исполнения судебного решения. С этим связан принцип обязательности судебного решения, который в полной мере проявляется только путём его последующего исполнения. Без исполнения решения суда нельзя сказать, что процесс является завершённым.

Можно сделать вывод, что исполнительное производство следует рассматривать как неотъемлемое условие для осуществления правосудия и достижения главной цели — защиты нарушенных прав, в противном случае возникает вопрос эффективности судебной системы.

Федеральный закон «Об исполнительном производстве» [11] относит к субъектам: взыскателя, должника, судебного пристава-исполнителя и иных лиц.

Понятие субъектов исполнительного производства нам нужно для того, чтобы ещё раз убедиться в необходимости выделить данную стадию как отдельную в гражданском процессе. Так, каждый из них обладает своими правами и обязанностями в зависимости от судебного решения, которые необходимо исполнить добровольно или принудительно, от этого зависит в целом цель гражданского судопроизводства. Если взыскатель не будет пользоваться полномочиями, предоставленными ему исполнительным лицом, то будет вопрос — зачем лицо в принципе обратилось с иском в суд, если не за восстановлением своих прав и законных интересов: например, возвращение долга, а в итоге отказывается от этого права. Обязанность должника по исполнению обязательства также в определенных случаях возможна только с наличием судебного решения, и иногда не в добровольном порядке, однако это всё ещё действенный способ для восстановления нарушенных прав должника, ведь для этого существуют судебные приставы-исполнители. Без них, в случае неисполнения обязательства в добровольном порядке, не было бы возможности восстановить нарушенные права больше никак.

Соответственно, все субъекты исполнительного производства связаны друг с другом, показывая, что их коммуникация не заканчивается только на стадиях гражданского судопроизводства до вынесения решения суда, но и после, ведь только этим действием восстановления прав не достичь — нужно что-то делать и после.

После вынесения судебного решения взыскателю выдается исполнительный лист, однако для его получения необходимо подать соответствующее заявление после вступления решения в законную силу. Таким образом, мы можем говорить о диспозитивности исполнительного производства, поскольку без желания истца-взыскателя, данная стадия может и не наступить. Это не противоречит цели гражданского судопроизводства, ведь лицу может быть достаточно всего лишь вынесенного решения, и для него будет совершено правосудие.

Рассмотрев только нормы гражданского процессуального законодательства, мы не можем сделать оконча-

тельный вывод относительно поставленного вопроса. Нужно также узнать мнение ведущих ученых, которые уже долгое время обсуждают выбранную тему.

Так, Боннер Алексей Тимофеевич определил исполнительное производство как «стадию, на которой происходит восстановление (защита) нарушенных субъективных прав и охраняемых законом интересов», что соответствует ст. 2 ГПК РФ. [2, с. 64]

Сергун Алла Константиновна придерживалась аналогичной точки зрения, говоря о неразрывной связи гражданского процесса с исполнением решения суда. [3, с. 66]

В своём учебнике «Гражданский процесс» Осокина Галина Леонидовна пишет об исполнительном производстве, как о шестой стадии гражданского процесса. [4, с. 102]

Куракова Надежда Витальевна писала, что, «несмотря на особенности правоотношений в исполнительном производстве, существенных отличий от гражданско-процессуальных правоотношений, нет, поэтому нет критериев для выделения исполнительного производства в отдельную стадию». [5, с. 34]

Гурвич Марк Алексеевич ещё в середине 20 века поднял данный вопрос, и писал об исполнительном производстве как об «иностранном клине», не входящим в состав деятельности по осуществлению правосудия. [6, с. 28]

Юков Михаил Кузьмич говорил об исполнительном производстве как о «вторичном образовании гражданского процессуального права». [2, с. 64]

Ярков Владимир Владимирович придерживается мнения, что по аналогии с уголовно-исполнительным правом может существовать и гражданское исполнительное право. [7, с. 22]

Исаенкова Оксана Владимировна считает, что наличие раздела VII гражданского процессуального кодекса может свидетельствовать о выделении исполнительного производства как отдельной отрасли права. [8, с. 306]

Ознакомившись с мнением нескольких ученых, по-разному относящихся к исполнительному производству, мы можем сделать вывод.

Так, в ходе рассмотрения данного вопроса мы:

- 1) определили все стадии, которые выделяет гражданское процессуальное законодательство;
- 2) дали понятие исполнительного производства;
- 3) определили, соответствует ли исполнительное производство целям гражданского судопроизводства;
- 4) определили субъекты исполнительного производства и их взаимодействие;
- 5) узнали мнение разных ученых.

На основе всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что нельзя однозначно дать ответ об исполнительном производстве, поскольку насколько тесно оно связано с гражданским процессом, настолько оно же и является самостоятельным. И даже ученые до сих пор не пришли к одному мнению, ведя дискуссии насчет этого ещё с середины прошлого века.

Литература:

1. Исполнительное производство: учебник и практикум для вузов / С. Ф. Афанасьев, О. В. Исаенкова, В. Ф. Борисова, М. В. Филимонова; под редакцией С. Ф. Афанасьева, О. В. Исаенковой. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 250 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19486-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/559853/p.106> (дата обращения: 27.03.2025).
2. Боннер А. Т. Исполнительное производство: отрасль российского права или стадия процесса? // «Законодательство». 2004. № 8. С. 64–75. (дата обращения 29.03.2025)
3. Казиханова С. С. Отношения, складывающиеся в исполнительном производстве, и предмет гражданского процессуального права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 12 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-skladyvayushiesya-v-ispolnitelnom-proizvodstve-i-predmet-grazhdanskogo-protsessualnogo-prava> (дата обращения: 29.03.2025).
4. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: Учебник / Г. Л. Осокина. — 3-е изд., перераб. — Москва: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. — 704 с.: ил.; ISBN 978-5-91768-323-2. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/367268> (дата обращения: 29.03.2025).
5. Куракова Н. В. Место исполнительного производства в системе права // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 12. С. 30–37
6. Гурвич М. А. Особые производства в гражданском процессе // Социалистическая законность. 1958. №. 8. С. 26–35
7. Ярков В. В. Исполнительное производство: современное состояние // Арбитражный и гражданский процесс. 202. № 12. — С. 22–26.
8. Исаенкова О. В. Дискуссия об исполнительном производстве// Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве/ Под ред. М. К. Треушникова. М., 2004. С. 305–313.
9. Указ Президента РФ от 15 марта 2000 г. № 511 «О классификаторе правовых актов» // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15256> (дата обращения 24.03.2025)
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 24.03.2025)
11. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения 24.03.2025)

Сравнение арбитражного процесса России и Австралии

Сухарева Екатерина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Паулов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

Сравнение арбитражного процесса в России и Австралии проводится с целью выявления основных характеристик и особенностей функционирования данной правовой категории в двух разных правовых системах. Особое внимание уделено проблемам, возникающим при взаимодействии российской и австралийской арбитражных практик.

Ключевые слова: *арбитражный процесс, сравнение, правовая система.*

Comparison of the arbitration process in Russia and Australia

Sukhareva Ekaterina Dmitriyevna, student

Scientific advisor: Paulov Pavel Aleksandrovich, candidate of law sciences, associate professor
Samara State University of Public Administration «International Market Institute»

A comparison of the arbitration process in Russia and Australia is carried out in order to identify the main characteristics and features of the functioning of this legal category in two different legal systems. Special attention is paid to the problems arising from the interaction of Russian and Australian arbitration practices.

Keywords: arbitration process, comparison, legal systems.

Россия и Австралия представляют собой два примера разных путей развития правового регулирования арбитража. Обе страны активно используют институт коммерческого арбитража, однако различия в законодательных основах, практике и институтах оказывают значительное влияние на порядок рассмотрения дел и конечные решения.

Первое, чем отличаются процессы этих стран — правовое регулирование. Так, в России действует федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации», определяющий порядок образования и функционирования третейских судов. Параллельно этому нормативно-правовые отношения регулируются положениями Арбитражного процессуального кодекса РФ. В Австралии основным актом является Закон о международном коммерческом арбитраже 1974 года, соответствующий модельному закону ЮНСИТРАЛ (Комиссии ООН по праву международной торговли), используемому многими государствами. [1, с. 143].

Наиболее острые вопросы, возникающие при сопоставлении двух правовых систем, связаны с двумя ключевыми областями: признание и исполнение решений, а также назначение арбитров и проведение процедуры доказательства.

Несмотря на то, что обе страны ратифицировали Нью-Йоркскую конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, на практике остаются серьезные барьеры для признания решений российских арбитражей в Австралии и наоборот. [2, с. 110]. Причиной низкой эффективности взаимного признания решения заключается: во-первых, из-за вопроса о независимости арбитражных судей. В России значительная доля арбитражных дел рассматривается государственными арбитражными судами, действующими в рамках официальной правовой системы. Эти суды нередко подвергаются критике со стороны иностранных юристов и бизнесменов, считающих их зависимыми от исполнительной власти. Таким образом, зарубежные контрагенты склонны подвергать сомнению легитимность решений российских арбитражей. В Австралии же доминируют частные арбитражные суды, чья независимость считается общепризнанной. Следовательно, австралийские предприниматели проявляют гораздо меньше сомнений касательно действительности решений местных арбитражей. Во-вторых, отсутствие единого подхода к проверке ре-

шений: Когда дело доходит до признания решения российского арбитража в Австралии, местные суды проводят тщательную проверку соответствия решения местным законам и порядку. Часто такая проверка включает оценку правомерности самого арбитражного процесса, факта уведомления сторон и соблюдения их законных прав. Аналогично, австралийские арбитражные решения порой становятся предметом оспаривания в России, особенно если речь идет о крупных инвестиционных проектах или корпоративных конфликтах.

Порядок назначения арбитров также демонстрирует значительные различия между Россией и Австралией. В России главным критерием является наличие определенного профессионального статуса и специальных квалификаций, таких как адвокатский стаж или ученая степень. В Австралии такой перечень требований отсутствует, и решающее значение имеет согласие сторон на кандидатуру конкретного лица. Это ведет к разным подходам в оценке профессионализма арбитров и возможностям их замены. Такая разница влечет за собой проблему несоответствия ожиданий сторон, участвующих в споре, особенно если одна из сторон ориентируется на российские стандарты, а другая привыкла к австралийским нормам.

Правила доказывания в ходе арбитражного разбирательства тоже подвержены значительным вариациям. В России традиционно большое внимание уделяется письменным доказательствам, официальному документообороту и экспертизе. Такие элементы важны и способствуют установлению истины, однако они требуют длительного сбора документов и серьезной юридической экспертизы. Австралия делает упор на устные показания свидетелей и экспертов, а также переговоры сторон, подчеркивая важность активного обсуждения обстоятельств дела в процессе переговоров. Подобный подход ускоряет решение вопроса, однако снижает значимость документального сопровождения спора. Эти различия приводят к различным подходам к оценке представленных доказательств, что сказывается на принятии итогового решения и удовлетворенности сторон результатами разбирательства.

Таким образом, несмотря на ратификацию Нью-Йоркской конвенции, практическое взаимодействие между российскими и австралийскими арбитражными институтами требует дальнейших усилий по сближению подходов и преодолению существующих различий в правовом регулировании.

Литература:

1. Власов, А. А. Арбитражный процесс: учебник для вузов / А. А. Власов — 2-е изд. — Москва: Юрайт, 2023—143–144 с.
2. Самойлов М. Н. Применение Нью-Йоркской конвенции к иностранным судебным решениям: анализ ошибочной практики российских судов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 2. — 110–128 с.

Биометрические персональные данные в Российской Федерации

Тебенкова Аделина Игоревна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается исторический путь закрепления института биометрических персональных данных в законодательстве Российской Федерации. В работе представлен перечень биометрических персональных данных.

Ключевые слова: биометрия, биометрические данные, биометрические персональные данные, геномная информация, развитие законодательства.

Согласно статье 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью [1]. С развитием информационных технологий и цифровизации возрастает необходимость в защите данных личности от несанкционированного доступа к ним и их незаконного распространения. Конституция Российской Федерации гарантирует право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, часть 4), закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23, часть 1), а также устанавливает запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1) [1].

Данные конституционные положения получили свое отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации, а также в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Так, в статье 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закреплены принципы правового регулирования отношений в сфере информации, среди которых: неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия [7]. Согласно статье 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации сбор, хранение, распространение и использование любой информации о частной жизни гражданина не допускается без его согласия, если иное прямо не предусмотрено законом, помимо этого пункт 2 данной нормы устанавливает, что «стороны обязательства не вправе разглашать ставшую известной им при возникновении и (или) исполнении обязательства информацию о частной жизни гражданина, являющегося стороной или третьим лицом в данном обязательстве, если соглашением не предусмотрена возможность такого разглашения информации о сторонах» [2].

Человек обладает уникальным набором биометрических данных. Относительно недавно в рамках правового поля им стало уделяться особое внимание. Первое законодательное упоминание о биометрических персональных данных содержалось в Федеральном законе от 21.12.2009 № 337-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»» [10]. Данным нормативно-правовым актом законодатель дополнил статью 7 Федерального закона от 15.08.1996 № 144-ФЗ «О порядке вы-

езда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [5]. С 2009 года основные документы, удостоверяющие личность гражданина России могут содержать электронные носители информации с записанными на них биометрическими персональными данными [10]. С 2023 года из перечня таких документов исключили внутрироссийский паспорт и свидетельство о рождении [12].

В 2006 году был принят Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», в котором закреплена специальная статья 11, названная «Биометрические персональные данные» [8]. Данной нормой законодателем было определено, что необходимо понимать под биометрическими персональными данными. Изначально они представляли собой сведения, которые характеризовали физиологические особенности человека и на основе которых можно установить его личность [8]. В актуальной на сегодняшний день редакции закона (от 28 февраля 2025 года) к таким данным также относятся сведения биологического характера [8]. По мнению, Н. И. Платоновой, использование понятий физиологические и биологические особенности идет вразрез с общепринятыми естественнонаучными определениями, поскольку происходит повтор части (физиологические) наряду с целым (биологические) [16].

В современном российском законодательстве отсутствует четкий перечень данных, признаваемых биометрическими. Согласно статье 3 Федерального закона от 29.12.2022 (ред. от 28.12.2024) № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» в настоящее время в Единой биометрической системе размещаются и обрабатываются такие виды биометрических персональных данных как изображение лица человека, полученное с помощью фото-видеоустройства и запись его голоса, полученная с помощью звукозаписывающих устройств [11]. Биометрические персональные данные могут обрабатываться только с согласия субъекта персональных данных [8]. Однако закон определяет исключения, когда такие действия могут быть совершены без согласия лица, а именно:

— в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии;

— в связи с осуществлением правосудия и исполнения судебных актов;

— в связи с проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрацией;

— в связи с проведением обязательной геномной регистрацией;

— в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, о безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-розыскной деятельности, о государственной службе, уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, законодательством о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, о гражданстве Российской Федерации, законодательством о нотариате [8].

Исходя из данного положения, следует обратиться к законодательству о государственной дактилоскопической и геномной регистрации. Так, согласно положениям статьи 1 Федерального закона от 25.07.1998 (ред. от 25.12.2023) № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», «дактилоскопическая информация — биометрические персональные данные об особенностях строения папиллярных узоров пальцев и (или) ладоней рук человека» [6]. Аналогичный вывод можно сделать относительно геномной информации. Федеральный закон от 03.12.2008 (ред. от 08.08.2024) № 242 «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», закрепляет, что «геномная информация — биометрические персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа» [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что биометрические персональные данные разбросаны по разным нормативно-правовым актам, и единой статьи, объединяющей вышеупомянутые виды и перечисляющей исчерпывающий перечень данных, не существует. Отсутствие четкого перечня сведений, подпадающих под категорию биометрических, может быть обосновано тем, что развитие биометрических технологий и систем биометрической идентификации настолько динамично, что законодатель на данном этапе не находит целесообразным в ограничении закрытым перечнем таких сведений. По мнению С. Д. Афанасьева, И. А. Терещенко, Д. А. Яцкевич законодательное определение биометрических персональных данных, не ограничивающее их конкретными характеристиками человека, является удачным, поскольку позволяет отнести к соответствующим категориям различные виды данных, однако, по мнению авторов, это одновременно порождает и правовую неопределенность в том, содержат ли конкретные данные биологические и физиологические характеристики человека [13].

Недостаточная конкретизация в законодательстве приводит к расширению дискуссионных положений в науке. В доктрине наиболее распространено мнение о том, что к биометрическим персональным данным следует относить: радужную оболочку глаз, отпечатки пальцев, голос, ДНК, изображение лица, рост, вес, рисунок вен и другие особенности человека. Некоторые авторы отдельно выделяют поведенческие биометрические персональные данные, относя к ним рисунок походки, жестикуляцию и иные поведенческие характеристики. Однако большинство относит их к физиологическим данным. В результате включения геномной информации в состав биометрической, в научной среде развернулись дискуссии. Одни авторы поддерживают такое определение, другие считают, что данную информацию необходимо выделить в отдельную категорию данных и обеспечить ей более высокий режим защиты, поскольку идентификация человека по этим сведениям позволяет получить дополнительную информацию о его биологических родителях, семье, национальности и расе.

Используемые в современном обществе технологии открывают новые горизонты и сферы развития правоотношений в области гражданского, уголовного, административного регулирования. С каждым годом использование биометрических данных среди субъектов возрастает. В связи с необходимостью создания безопасного механизма использования биометрических данных и предоставление реальной возможности пользоваться благами информационного общества, законодатель создает новые нормы в сфере биометрических персональных данных и конкретизирует уже имеющиеся. Например, в 2024 году Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен новой статьей 272.1, часть 2 которой устанавливает уголовную ответственность за преступление в сфере компьютерной информации, которая содержит биометрические персональные данные [4]. С 2024 года в Федеральном законе от 26.12.1995 (ред. от 30.11.2024) № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» в статье 49 закреплена возможность установления лица, принимающего дистанционное участие в заседании общего собрания акционеров, путем идентификации и аутентификации с использованием информации из Единой биометрической системы [3].

Таким образом, с 2006 года возросло число нормативно-правовых актов в сфере биометрических персональных данных. Российское законодательство, регулирующее данный институт, продолжает совершенствоваться вслед за развитием новых технологий и общественных правоотношений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст.1416.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 (ред. от 08.08.2024) № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Федеральный закон от 26.12.1995 (ред. от 30.11.2024) № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. 1996.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 28.02.2025) № 63 –ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 25. Ст.2954.
5. Федеральный закон от 15.08.1996 (ред. от 28.12.2024) № 144-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34.
6. Федерального закона от 25.07.1998 (ред. от 25.12.2023) № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» //Собрание законодательства Российской Федерации. 1998.№ 31. Ст. 3806.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 (ред. от 23.11.2024) № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165. Ст.14.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 (ред. от 28.02.2025) № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. 2006. № 165. Ст.7.
9. Федеральный закон от 03.12.2008 (ред. от 08.08.2024) № 242 «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008.№ 49. Ст. 5740.
10. Федеральный закон от 21.12.2009 № 337-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»» // Российская газета. 2009. № 247. Ст.16.
11. Федеральный закон от 29.12.2022 (ред. от 28.12.2024) № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. № 2023. № 1. Ст. 14.
12. Федеральный закон от 13.06.2023 № 212-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»» // Российская газета. 2023. № 131. Ст. 11.
13. Афанасьев, С. Д. Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия / С. Д. Афанасьев, И. А. Терещенко, Д. А. Яцкевич. — Текст: непосредственный // Закон. — 2022. — № 3. — С. 33–46.
14. Бессараб, Н. С. Геном человека: юридические аспекты / Н. С. Бессараб. — Текст: непосредственный // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2024. — № 6. — С. 50–60.
15. Кисиль, Т. В. Организационно-правовая основа формирования единой биометрической системы и ее использование при отождествлении личности / Т. В. Кисиль. — Текст: непосредственный // Закон и право. — 2024. — № 11. — С. 221–225.
16. Платонова, Н. И. Современные правовые подходы к пониманию биометрических данных / Н. И. Платонова// Информационное право. — 2016. — № 1. — С. 22–27.

Влияние искусственного интеллекта на расследование преступлений

Терещук Анастасия Юрьевна, студент

Научный руководитель: Гребенев Роман Вячеславович, младший научный сотрудник, ассистент

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье проводится анализ использования искусственного интеллекта в рамках правоохранительной деятельности. Уделяется внимание внедрению машинного интеллекта в иные области, способствующие предотвращению преступной деятельности. Особое внимание уделяется преимуществам использования ИИ, а также проблемы, с которыми могут столкнуться люди при взаимодействии нейронных сетей с персональными данными, включая нарушение конфиденциальности. В работе проводится анализ перспектив развития технологий искусственного интеллекта в криминалистике на длительной перспективе. Кроме того, сформулированы рекомендации, направленные на оптимизацию использования инструментов цифровизации в контексте правоохранительной деятельности с целью повышения её эффективности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правоохранительные органы, преступление, анализ данных.

The impact of artificial intelligence on crime investigation

Tereshchuk Anastasia Yurievna, student

Scientific advisor: Grebenev Roman Vyacheslavovich, junior researcher employee, assistant

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

The article analyzes the activity of artificial intelligence in the framework of law enforcement activities. Attention is being paid to the introduction of machine intelligence in other areas that contribute to the prevention of criminal activity. Particular attention

is paid to the advantages of using AI, as well as the problems that people may face when interacting with neural networks with personal data, including privacy violations. The prospects for the development of artificial intelligence in the coming years in the field of criminology are also being explored, as well as recommendations for ensuring the effective use of digitalization tools in law enforcement activities.

Keywords: *artificial intelligence, law enforcement agencies, crime, data analysis.*

Стремительное развитие технологий в современном мире оказывает влияние на большинство сфер деятельности. Так, цифровизация внедрилась в медицинскую, военную, образовательную и иные сферы общественной жизни. Взаимодействие искусственного интеллекта и юриспруденции стремительно растет. Началом этого стало принятие Указа Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором было дано определение понятия «искусственный интеллект» (ИИ). Под указанным термином понимается совокупность технологий, которые позволяют имитировать мышление человека при выполнении определенных интеллектуальных задач [8].

Общество ориентировано на постоянное развитие, в том числе и развитие уголовно-процессуальной системы права. В приказе МВД России от 17 января 2006 года № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» отражены такие задачи, как профилактика преступлений и оперативная раскрываемость, что подчеркивает важность формирования эффективной системы деятельности работников внутренних дел [7]. В правоохранительной деятельности довольно сложно заменить всех специалистов искусственным интеллектом, ввиду наличия у человека особых мыслительных процессов для принятия соответствующих решений. Однако, развивающаяся цифровизация может оказывать содействие разным работникам при осуществлении тех или иных задач.

Некоторые ученые выделяют несколько подходов внедрения ИИ в вышеуказанную сферу. Первый подход заключается в том, чтобы заменить человека полностью машинным интеллектом, а второй направлен на выполнение конкретных задач, например, обработка информации больших объемов, обнаружение или пресечение преступной деятельности и т. д. Второй подход является наиболее оптимальным для осуществления содействия правоохранительным органам, так как искусственный интеллект обладает больше вспомогательными функциями, позволяющими автоматизировать деятельность сотрудника, тем самым увеличив его время на выполнение более значимых задач в области по борьбе с преступностью. Так, например, ИИ может анализировать тестовые и аудио-сообщения пользователей сети Интернет в социальных сетях в рамках расследования преступления и поиска доказательственной базы. В том числе, он может осуществлять деятельность, направленную на предотвращение или обнаружение мошеннических действий или иные цифровые преступления. В таком случае не будет считаться

нарушением тайны переписки, так как этот процесс реализуется для защиты государства и населения.

В некоторых странах установлены такие камеры видеонаблюдения, которые помогают распознавать татуировки человека, что позволило с 2014 по 2018 года найти и задержать более 17 лиц, находящихся в розыске. В том числе, в камеры видеонаблюдения могут быть введены более усиленные технологии по распознаванию людей, что позволит отслеживать лиц, пропавших без вести или скрывающихся в других регионах. Эта техника может быть проставлена в большем количестве в аэропортах, лесах, на железнодорожных вокзалах и трассах, а также в других местах, обладающих наибольшей вероятностью нахождения таких людей, они помогут не только в поиске пропавших лиц, но также смогут идентифицировать подозреваемых.

Искусственный интеллект, проводя анализ большого количества информации, например, материалы уголовного дела или доказательственная база, облегчают работу сотрудников правоохранительных органов, экономя их время.

Таким образом, внедрение машинного интеллекта в деятельность правоохранительных органов является большим преимуществом, так как позволит увеличить скорость раскрываемости преступлений, обработку и анализ данных, что значительно снизит нагрузку с сотрудников органов внутренних дел и повысит эффективность их работы.

Однако, несмотря на все положительные качества искусственного интеллекта, которыми он может обладать в качестве вспомогательного субъекта органов внутренних дел, существует ряд недостатков, проявление которых может оказать влияние на судьбу человека. Так, с развитием цифровизации, возрастает количество лиц, имеющих возможность вскрыть машинный интеллект и выкрасть из него секретные данные. В связи с этим могут получить распространение персональные данные людей, могут быть использованы для совершения противоправных деяний, таких как шантаж, угроза распространения данных, что нарушает не только безопасность человека, но может подорвать безопасность государства. Так называемые хакеры могут не только извлечь информацию, но и изменить ее, например, изменить данные о преступном лице, выдав его за другого человека. Все эти возможные инциденты свидетельствуют о том, что прежде, чем вводить машинный интеллект в деятельность органов, отвечающих за безопасность населения и государства, необходимо провести тщательный анализ на работоспособность аппарата, а также его соответствия цифровизации.

По мнению автора, информационные технологии могут осуществлять следующую деятельность:

1. Составление списка подозреваемых: при совершении человеком преступления, информационные технологии будут составлять список лиц, ранее судимых за подобные деяния, чтобы сотрудникам осуществить проверку указанных лиц, что ускоряет работу органов по анализу круга подозреваемых. Также, по итогам составления списка, может быть осуществлена автоматическая рассылка повесток для явки в отделение правоохранительных органов. В том числе, камеры видеонаблюдения могут быть направлены на идентификацию этих лиц и осуществлять повышенный контроль за их передвижением.

2. Внедрение в камеры ИИ информации о поведении людей, осуществляющих сбыт наркотических веществ: такие камеры видеонаблюдения могут быть установлены в парках, лесах, спальных районах с повышенной криминальностью и иных местах, где могут появляться сбытовики наркотических средств. Указанные камеры будут анализировать поведение лица (его походку, тревожность, оглядывание по сторонам) и иные действия, характеризующие лицо о его деятельности. По выявлению такого лица камера будет передавать сигналы органам внутренних дел.

3. Внедрение в компьютеры правоохранительных органов таких технологий, которые смогут спрогнозировать внешность человека в разных его состояниях. Например, Валерий Николаевич Андреев, известный как «Орский маньяк», по предварительным данным последний раз был замечен в 2021 году в городе Одинцово, однако не найден до сих пор. По истечении нескольких лет внешний облик данного гражданина мог сильно измениться (потерял вес, отрастил бороду или усы, изменил цвет волос и т. д.), в связи с этим нейросети могли бы создавать портрет этого мужчины по разным характеристикам, после чего все фотографии загружались бы в базы данных, камеры видеонаблюдения и иные устройства, которые могут идентифицировать личность. Это облегчило бы задачу органам внутренних дел по выявлению таких скрывшихся преступников.

Говоря о перспективах развития искусственного интеллекта, необходимо отметить проект МВД о внедрении систем искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность. В 2025 году планируется выделение денежных средств на разработку системы «Клон», направ-

ленная на выявление подделок видеозаписей, и системы «Конъюнктура», которая будет осуществлять прогнозирование негативных событий и чрезвычайных ситуаций и моделировать сценарии реагирования на них [5].

Исследуя опыт зарубежных стран, хочется привести пример Индии, где полицейские используют «умные» очки. Они, а именно встроенная в них камера, помогают сформировать портрет человека и сравнить его с базой данных. Если портрет человека совпадает с данными правоохранительных органов, то тогда камера передает своеобразный сигнал. Полагаю, что такая технология эффективна и удобна, но не для всех. Вероятнее всего, с трудностями сталкиваются люди, имеющие проблемы со зрением, и носящие дополнительные очки для улучшения своего зрения. Кроме того, в случае попадания на них влаги или иных жидких веществ, возможно замыкание проводов или удар тока, что может сильно сказаться на здоровье и жизни сотрудника. В связи с этим, перед введением такого искусственного интеллекта, создателям необходимо досконально проработать систему безопасности данных, которые могут содержаться в таких устройствах, а также провести разные эксперименты, чтобы удостовериться, что подобные устройства не нанесут физический вред человеку.

Подводя итоги проведенной работы, можно сделать вывод о том, что корректное введение искусственного интеллекта как средства содействия деятельности сотрудников правоохранительной деятельности, оказывает преобразующее влияние на процесс расследования преступлений, что в свою очередь делает работу органов более эффективной и ускоренной. Машинные технологии освобождают человека от более мелких и однообразных задач, предоставляя возможность распределять свои ресурсы на решение более сложных вопросов. Однако внедрение требует большого количества как финансовых затрат, так и затрат времени на улучшение нормативно-правовой базы, регулирующих такие технологии. В том числе, создателям необходимо принять все меры, чтобы обеспечить сохранность и конфиденциальность персональных и иных данных, утечка которых может оказать негативное влияние не только на безопасность человека, но и государства в целом. Таким образом, наибольшее достижение в использовании искусственного интеллекта при расследовании преступлений будет достигнуто при взаимодействии технического прогресса, человека и закона.

Литература:

1. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-kriminalistike-sostoyanie-i-perspektivy-ispolzovaniya> (дата обращения: 31.03.2025).
2. Бортновская, К. А. Искусственный интеллект — использование в работе правоохранительных органов / К. А. Бортновская, И. С. Васильев // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского, Москва, 21 апреля 2022 года / Под общей редакцией Д. А. Па-

- шенцева, Н. М. Ладнушкиной. — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. — С. 16–20. — EDN ХЕУННУ (дата обращения: 31.03.2025).
3. Васильева, Ю. Д. О влиянии технологий искусственного интеллекта на раскрытие и расследование преступлений / Ю. Д. Васильева // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: Сборник научных трудов Международного научно-практического форума, Москва, 27 июня 2024 года. — Москва: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2024. — С. 69–72. — EDN EWNRRZX (дата обращения: 31.03.2025).
 4. Гельманова З. С., Бакаев Т. К. Внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел // In The World Of Science and Education. 2024. № 15 декабрь ЮН. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnost-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 31.03.2025).
 5. Курамбаева, А. В. Особенности использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений / А. В. Курамбаева, А. В. Тарасов // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: Материалы IV международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Донецк, 16–17 мая 2024 года. — Донецк: Донбасский государственный университет юстиции, 2024. — С. 232–235. — EDN OVRHDE (дата обращения: 31.03.2025).
 6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
 7. Яровенко В. В., Шаповалова Г. М., Исмагилов Р. А. Отдельные проблемы применения системы распознавания лиц в правоохранительной деятельности // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy-primeneniya-sistemy-raspoznaniya-lits-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 02.04.2025).
 8. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Государственно-частное партнерство в сфере физической культуры и спорта: правовой анализ

Тищенко Кристина Сергеевна, студент

Научный руководитель: Шитов Денис Геннадьевич, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается государственно-частное партнерство (ГЧП) как механизм привлечения инвестиций в сферу физической культуры и спорта. Автор уделяет особое внимание анализу правовых основ данного института, закрепленных в действующем законодательстве, включая Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и Федеральный закон № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве...». Рассматриваются основные модели реализации ГЧП (концессии, соглашения о ГЧП, договоры аренды с инвестиционными обязательствами), а также налоговые и неналоговые меры стимулирования инвесторов. Отдельное внимание уделено проблемам долгосрочной окупаемости проектов и факторам, влияющим на стабильность финансирования спортивных объектов. В тексте обосновывается, что комплексное нормативное обеспечение и продуманные механизмы ГЧП позволяют повысить качество спортивных услуг, доступность инфраструктуры и эффективность расходования бюджетных средств. Сделан вывод о необходимости последовательного совершенствования правовой базы, унификации процедур отбора и контроля проектов, а также расширения взаимодействия между государством и бизнесом для дальнейшего развития спортивной отрасли в России. Таким образом, данная статья подчеркивает важность ГЧП для поступательного развития отечественной спортивной сферы и акцентирует внимание на потенциальных выгодах совместного участия государства и бизнеса.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, физическая культура, спорт, концессия, правовое регулирование, инвестиции, налоговые льготы.

Государственно-частное партнерство (далее — ГЧП) в современной России рассматривается как один из наиболее действенных механизмов стимулирования инвестиционной активности и развития социальной инфра-

структуры. Сфера физической культуры и спорта в этом отношении не является исключением: создавая условия для привлечения частных инвестиций, государство способно повышать качество спортивных услуг, доступность

инфраструктуры и в целом укреплять социально-экономический потенциал страны [1, с.2; 3].

Актуальность правового анализа ГЧП в спорте обусловлена несколькими факторами. Во-первых, действующее законодательство РФ предопределяет особую роль спорта и физической культуры в формировании здорового образа жизни граждан, прямо отражая это в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) [1, с.2]. Во-вторых, комплексный нормативно-правовой базис, регламентирующий способы и формы участия частных инвесторов в проектах создания или модернизации спортивных объектов, закреплён Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве...» (в ред. от 30 ноября 2024 г.) [2, с.4]. Наконец, анализ современной правоприменительной практики в регионе и муниципалитете позволяет выявить наиболее эффективные формы ГЧП в отрасли.

ГЧП подразумевает взаимодействие органов власти и бизнеса при строительстве, модернизации, а также эксплуатации объектов спортивного назначения. Согласно Федеральному закону № 224-ФЗ, реализация соглашений возможна в форме концессий, соглашений о ГЧП, договоров аренды с инвестиционными обязательствами и иных разновидностей, позволяющих государству и частной стороне совместно финансировать и управлять проектом [2, с.4]. Для сферы физической культуры и спорта важна не только финансовая поддержка, но и обеспечение доступности спортивных сооружений для населения, а также рост качества услуг. В этом смысле ГЧП даёт шанс оптимально разделить риски и выгоды между всеми заинтересованными участниками, учитывая социальный характер спорта.

Основополагающим нормативным актом, регламентирующим участие публичных структур в развитии спортивной отрасли, выступает Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте...». В нем закреплён широкий спектр полномочий органов власти, включая организацию и проведение физкультурных мероприятий, формирование программ развития отрасли и иные функции [1, с.2]. Данный закон устанавливает приоритетность бюджетного финансирования, однако отмечается и необходимость привлечения внебюджетных источников. С этой целью Федеральный закон № 224-ФЗ и комплекс подзаконных актов детализируют формы реализации ГЧП, в частности, определяют статус концедента (как публичной стороны) и концессионера (как частного партнёра), механизмы распределения прав собственности и порядок предоставления земельных участков под реализацию спортивных проектов [2, с.4].

Практика показывает, что при запуске проектов ГЧП в спортивной сфере необходимо учитывать региональные особенности: экономический потенциал, уровень обеспеченности спортивными сооружениями и наличие местных программ развития физической культуры. Исследования подтверждают, что в субъектах РФ с высокой плотностью

населения и существенной бюджетной поддержкой чаще всего создаётся благоприятная среда для частных инвестиций в инфраструктуру [3]. При этом не менее значимо корректно выстраивать правовые механизмы, предусматривающие гарантии прав инвесторов, а также понятные условия возврата вложенных средств.

Нормативная база РФ предоставляет различные налоговые льготы и субсидии, применимые к проектам ГЧП в спортивной отрасли. Существуют положения об освобождении отдельных спортивно-оздоровительных услуг от НДС, возможности льготного подключения спортивных объектов к сетям инженерной инфраструктуры и механизмы предоставления государственных гарантий под инвестиционные проекты [4]. Кроме того, региональные органы власти вправе устанавливать пониженную ставку налога на прибыль и сниженные ставки арендной платы за использование государственных объектов в случае, когда инвестор реализует социально значимые инициативы.

Одной из наиболее востребованных схем финансирования становится концессия, когда строительство спортивного объекта производится за счет частных средств, а по завершении государство сохраняет право собственности, предоставляя концессионеру долгосрочное право эксплуатации для получения прибыли (например, от платных услуг или рекламных контрактов). Другая модель — соглашения о ГЧП, при которых объект может быть в частной собственности партнёра с обязательствами предоставления социально доступных услуг населению [2, с.4]. В обоих случаях юридические и финансовые вопросы, затрагивающие операционные расходы, обеспечение доступности, сроки окупаемости и возврат инвестиций, регулируются условиями соглашения с учётом положений действующего законодательства.

Несмотря на положительные результаты ряда реализованных проектов, практика показывает, что вопросы долгосрочной стабильности и окупаемости инвестиций в сфере спорта остаются сложными. Зачастую инвесторы оценивают рискованность вложений в социальные объекты выше, чем в коммерческие проекты, особенно если не отлажен механизм софинансирования или отсутствуют прозрачные правила предоставления субсидий [3]. Дополнительные трудности могут возникать из-за ограниченных бюджетных средств и приоритетности иных направлений государственной политики. Тем не менее укрепление правовых гарантий, унификация процедур и прозрачность отбора проектов способны повысить инвестиционную привлекательность спортивной инфраструктуры [4].

Государственно-частное партнёрство в сфере физической культуры и спорта следует рассматривать как важный инструмент консолидации ресурсов и управленческих компетенций государства и бизнеса. При должном нормативном обеспечении и грамотно выстроенных механизмах ГЧП позволяет обеспечить качественный рост спортивной инфраструктуры, увеличить экономическую отдачу от спортивных проектов и сделать физи-

ческую культуру доступнее для широких слоев населения. Правовой анализ показывает, что современные законодательные акты, прежде всего Федеральные законы № 329-ФЗ и № 224-ФЗ, формируют фундамент для дальнейшего развития ГЧП. Однако требуется дальнейшая детализация подзаконной базы и внедрение стандартов,

исключающих риски дисбаланса интересов публичной и частной сторон. Таким образом, именно комплексный подход в правовом регулировании и финансовом стимулировании станет залогом успешной реализации проектов ГЧП в российском спорте на долгосрочную перспективу [1, с.6; 2, с.3].

Литература:

1. Артемьев Н. В., Колбасин Д. А., Артемьев А. Н. Потенциал государственно-корпоративного финансирования физической культуры и спорта в Российской Федерации // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. — 2024. — № 1 (48). — С. 36–44.
2. Ларина О. И. Государственно-частное партнерство в сфере физической культуры и спорта // Управление. — 2018. — № 4 (22). — С. 21–28.
3. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007.
4. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» (в ред. от 30 ноября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015.

Недобросовестные практики в сфере банковских услуг

Толмачева Виктория Константиновна, студент

Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В представленном исследовании раскрывается авторская концепция природы недобросовестных практик в финансовом секторе. Особое внимание уделяется методологии их выявления в рамках поведенческого надзора, осуществляемого Банком России. Отмечается существенный правовой пробел — отсутствие законодательного определения недобросовестных практик, что создает значительные сложности в идентификации нарушений потребительских прав. Данная проблематика требует скорейшего нормативного закрепления четких критериев оценки подобных действий участников финансового рынка.

Ключевые слова: банковские услуги, защита прав гражданина, клиенты, кредитный договор, мошенническая схема, недобросовестные практики, потребители, права клиента, участник правоотношения, финансовый рынок.

В современной экономической реальности наблюдается устойчивая динамика расширения сегмента финансового рынка, ориентированного на взаимодействие с конечными потребителями. Однако параллельно с ростом данного сегмента фиксируется тревожная тенденция — увеличение количества случаев применения недобросовестных, а в некоторых случаях и откровенно противоправных практик, мошеннических схем, существенно ограничивающих права и законные интересы пользователей финансовых услуг [1].

В условиях обострения указанных проблемных аспектов государственные институты Российской Федерации, включая органы финансового регулирования, активизировали разработку и внедрение комплексного пакета регуляторных мер. Данные инициативы направлены на качественную трансформацию системы надзора и контроля в финансовой сфере [8].

Немаловажную роль в этой связи играет Банк России, который является регулятором финансовой сферы. Так, в настоящее время сформирован новый вид надзора Банка России за поведением субъектов финансового рынка (поведенческий надзор), который специально направлен на защиту прав потребителей финансовых услуг.

Современная система финансового надзора особое внимание уделяет противодействию недобросовестным и противоправным практикам, которые существенно снижают доверие граждан к финансовым институтам. Особенно остро эта проблема затрагивает розничных потребителей, чья уязвимость перед профессиональными участниками рынка обусловлена информационной асимметрией и недостатком специальных знаний. Данный вид надзора, безусловно, играет огромную роль для участников гражданского правоотношения, в том числе кли-

ентов и банков, и является необходимой составляющей в данной сложно-функционирующей структуре.

Характерной особенностью таких правоотношений является связь публичного и гражданского права, принципиальное неравенство сторон: с одной стороны выступают физические лица, использующие финансовые продукты для личных нужд, с другой — профессиональные участники рынка, обладающие экспертизой и действующие в рамках специального правового статуса. Эта диспропорция создает предпосылки для злоупотреблений и требует особых механизмов защиты прав потребителей.

В научной литературе подчеркивается особая природа лично-доверительных отношений в банковских договорах. Л. Г. Ефимова определяет такие отношения через два взаимосвязанных критерия: неразрывную связь обязательств с личностью сторон, исключающую правопреемство, и возможность одностороннего расторжения при утрате доверия.

Особое значение эта концепция приобретает применительно к расчетным операциям и договорам банковского счета. Как отмечает исследователь, данные правоотношения содержат элементы предварительных соглашений, что усиливает их лично-доверительный характер и требует особого правового регулирования [3].

Особый статус банковской деятельности объективно формирует повышенный уровень доверия со стороны клиентов по сравнению с другими коммерческими организациями. Данное доверие подкрепляется комплексом специальных правовых механизмов, среди которых следует выделить:

- Режим банковской тайны (ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности»), обеспечивающий конфиденциальность информации о клиентских операциях и создающий дополнительные гарантии защиты персональных данных;
- Систему страхования вкладов, предусматривающую гарантированное возмещение (до 1,4 млн руб., а в отдельных случаях — до 10 млн руб.), что существенно снижает риски частных вкладчиков (ФЗ № 177-ФЗ от 23.12.2003).

Особое доверие вызывают кредитные организации с государственным участием, что обусловлено их финансовой устойчивостью и прямой поддержкой со стороны публичных институтов [9]. Концентрация активов в данном сегменте подтверждает эту тенденцию: на 10 крупнейших банков приходится свыше 70 % совокупных активов сектора, при этом доля государственных кредитных учреждений продолжает увеличиваться [10].

Таким образом, доверительные отношения клиента к банку представляют собой комплексное социально-экономическое явление, формирующееся под влиянием объективных (нормативно-правовых, институциональных) и субъективных (психологических, индивидуальных) факторов. Сущность данного феномена заключается в уверенности потребителя в наличии специальных гарантий, обеспечивающих снижение финансовых рисков при взаимодействии именно с кредитными организациями, в отличие от иных субъектов экономической деятельности.

Однако в ряде случаев, используя доверительное отношение своих клиентов, банки ведут себя недобросовестно.

Современные исследователи предлагают различные трактовки недобросовестных практик в банковской сфере. И. Е. Михеева определяет их как формально законные действия, которые тем не менее ухудшают положение потребителей финансовых услуг, подчеркивая значение фактических последствий для клиентов [7].

Г. А. Малов расширяет это понятие, включая любые банковские операции на срочном рынке, направленные на получение неоправданной выгоды за счет контрагентов, где ключевыми становятся критерии нарушения прав и наличия корыстного мотива [6].

И. Ю. Дендиберя формулирует гражданско-правовые аспекты недобросовестности, акцентируя внимание на информационной асимметрии и заведомой неспособностью исполнить обязательства [2].

Особый вклад вносят А. В. Канаев и О. А. Канаева, исследующие практику мисселинга через призму искажения условий сделок, игнорирования риск-профилей клиентов и применения агрессивных методов продаж [4].

Объединяющим элементом этих концепций выступает понимание недобросовестных практик как действий, нарушающих баланс интересов сторон финансовых отношений и эксплуатирующих уязвимое положение потребителей. Различия в подходах отражают многоаспектность проблемы и необходимость комплексного правового регулирования.

Современный финансовый рынок характеризуется многообразием недобросовестных практик, существенно нарушающих права потребителей. Наиболее распространенные формы таких нарушений включают:

- Скрытые комиссии и платежи — случаи, когда финансовые организации умышленно не раскрывают полную информацию о дополнительных расходах, связанных с использованием их продуктов. Подобные действия вводят потребителей в заблуждение относительно реальной стоимости услуг.
- Навязывание сопутствующих услуг — практика принудительного включения в договор дополнительных платных продуктов, не являющихся необходимыми для клиента и не соответствующих его реальным потребностям.
- Использование сложных юридических формулировок — намеренное составление договоров с запутанными и неоднозначными условиями, затрудняющими понимание реальных обязательств и рисков для потребителя.
- Искажение существенных условий — предоставление заведомо ложной информации о ключевых характеристиках финансового продукта либо умышленное сокрытие важных фактов, влияющих на принятие решения.
- Несанкционированные списания — операции по списанию денежных средств без надлежащего согласия клиента или с нарушением установленных договором условий.
- Ограничение права на отказ — создание искусственных препятствий для расторжения договора или невыплата причитающихся клиенту компенсаций.

— Недостаточное информирование — непредоставление полных и достоверных сведений о рисках, возможных убытках и других существенных аспектах использования финансового продукта [5].

Эти практики объединяет общая характеристика — эксплуатация информационного преимущества финансовых организаций и асимметрии в знаниях между профессиональными участниками рынка и рядовыми потребителями. Подобные действия не только нарушают права клиентов, но и подрывают доверие ко всей финансовой системе в целом.

Таким образом, рост финансового рынка сопровождается распространением недобросовестных и противо-

правных практик, эксплуатирующих уязвимое положение потребителей. В ответ на эти вызовы Банк России развивает систему поведенческого надзора, сочетая цифровые технологии анализа данных с нормативными мерами защиты. Однако эффективное противодействие требует комплексного подхода: совершенствования законодательства, усиления финансовой грамотности населения и формирования этических стандартов деятельности кредитных организаций. Дальнейшее укрепление доверия к финансовой системе возможно лишь при условии сбалансированного регулирования, учитывающего как интересы рынка, так и права конечных потребителей.

Литература:

1. Банк России защищает интересы потребителей на финансовом рынке: следит за соблюдением финансовыми организациями обязательных условий договора, препятствует навязыванию услуг, сокрытию от клиентов существенной информации, введению их в заблуждение и другим недобросовестным практикам // URL: https://cbr.ru/protection_rights/
2. Дендиберя М. Ю. «Вексельная Схема» Как Инструмент Недобросовестной Финансовой Практики Кредитных Организаций // Вестник Хабаровского Государственного Университета Экономики И Права. 2022. № 2 (109). С. 50–55.
3. Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика. М.: НИМП, 2001. С. 120.
4. Канаев А. В., Канаева О. А. Недобросовестная коммерческая практика (мисселинг) как барьер для ESG-трансформации российского банковского бизнеса // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Экономика. 2022. № 4 (38). С. 581–606.
5. Литовко А. С. Недобросовестные практики продаж финансовых продуктов в рамках поведенческого надзора Банка России // Юридические исследования. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedobrosovestnyie-praktiki-prodazh-finansovyh-produktov-v-ramkah-povedencheskogo-nadzora-banka-rossii>
6. Малов Г. А. Недобросовестные практики поведения банков на срочном рынке: правовые аспекты // Право и экономика. 2015. № 3. С. 65–71.
7. Михеева И. Е. Недобросовестные практики страхования при потребительском кредитовании // Банковское право. 2020. № 4. С. 37–43.
8. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 г. // СПС Консультант Плюс
9. Финансовый супермаркет Банки.ру // URL: <https://journalopen-broker.ru/economy/kontrolNruetiTiye-gosudarstvom-rossiyskie-banki/>
10. Якунин С. В. Доминирование банков с государственным участием в России: современные тенденции // Финансовый журнал. 2019. № 3. С. 73.

Значение библиотек в развитии общественных институтов: законодательные основы

Трофимова Анастасия Юрьевна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

Библиотеки в современном российском обществе играют значительную роль в развитии многих институтов общества. Автор статьи исследует зависимость эффективности решения задач, которые ставят перед библиотеками государство и общество, от законодательного регулирования деятельности библиотек.

Современные российские библиотеки в сложившихся реалиях играют ключевую роль в обеспечении свободного доступа к знаниям, что имеет фундаментальное

значение для общественного прогресса и развития. Представим несколько аспектов, подчеркивающих важность библиотек в этом контексте деятельности.

1. Универсальный доступ: Библиотеки предоставляют универсальный доступ к разнообразным информационным ресурсам, включая книги, журналы, электронные ресурсы и другие формы знаний. Это позволяет людям с различным уровнем образования и социальным статусом получать доступ к информации без каких-либо ограничений.

2. Образование и самообразование: Библиотеки поддерживают процессы образования и самообразования, предоставляя ресурсы для учебы, исследований и развития профессиональных навыков. Это особенно важно для тех, кто не имеет доступа к высшему образованию или требует дополнительных материалов для самостоятельного обучения.

3. Развитие критического мышления: Библиотеки способствуют развитию критического мышления и информационной грамотности. Пользователи могут оценивать достоверность и актуальность информации, а также развивать умение анализа и интерпретации различных источников.

4. Сбережение культурного наследия: Библиотеки являются хранилищами культурного наследия, сохраняя книги, рукописи, архивы и другие материалы. Это обеспечивает доступ будущих поколений к богатству культурной информации и традиций.

5. Доступность для всех слоев общества: Библиотеки создают пространство, доступное для всех слоев общества, вне зависимости от социального положения, возраста или финансового статуса. Это способствует сближению и содействует социальной инклюзии.

Обеспечение свободного доступа к знаниям через библиотеки поддерживает ценности образования, инноваций и культурного обмена, что в конечном итоге способствует развитию общества в целом.

Если говорить о библиотечной сфере как библиотечном сервисе, то пользователь библиотек в современном информационном обществе должен получать информацию буквально в «один клик».

Достижение этого показателя работы современных библиотек России напрямую увязано с интеграцией существующих и создающихся библиотечных сервисов в качестве дополнительного модуля в цифровой профиль гражданина России.

Еще одним направлением, позволяющим повысить значимость и эффективность российских библиотек в достижении задач, которые ставят перед ними российское государство и общественные запросы, является развитие системы профессионального библиотечного сообщества на разных уровнях деятельности библиотек.

Основной задачей современного, действующего библиотечного законодательства становится не только обеспечение перевода в цифровую форму всей информации библиотечных фондов, но и поиск, и нахождение оптимальных форм существования и развития как традиционных, так и электронных библиотек.

На сегодняшний день стоит важная задача законодательного закрепления принципа максимальной откры-

тости, достоверности и доступности для граждан России библиотечной информации.

Отсюда, мы констатируем необходимость как теоретических разработок научных подходов к регулированию деятельности библиотек и оборота библиотечной информации в условиях перехода к цифровому обществу, так и развития самого библиотечного законодательства в Российской Федерации на федеральном, региональном, местном и локальном уровнях регулирования.

В цифровую эпоху библиотеки сталкиваются с рядом вызовов, которые требуют адаптации и изменений в их деятельности. Приведем примеры некоторых из них.

1. Цифровая трансформация: Библиотеки должны адаптироваться к цифровой среде, что включает в себя создание электронных коллекций, цифровых архивов и предоставление доступа к электронным ресурсам. Это требует технических навыков, инвестиций в технологии и обновление инфраструктуры.

2. Управление большим объемом данных: С ростом цифровых материалов библиотеки сталкиваются с проблемой управления большим объемом данных. Это включает в себя каталогизацию, хранение, обеспечение безопасности и обработку данных, что требует эффективных систем и стратегий управления информацией.

3. Охрана цифрового контента: Защита авторских прав и предотвращение незаконного распространения цифрового контента становятся приоритетными. Библиотеки должны реализовывать технологии цифровой защиты и соблюдать законы об авторском праве.

4. Изменение потребительского поведения: Пользователи всё больше предпочитают цифровые формы контента, что вызывает необходимость пересмотра предоставляемых услуг и создание привлекательных цифровых платформ и сервисов.

5. Финансовые ограничения: Внедрение цифровых технологий и поддержание актуальных электронных ресурсов требует дополнительных финансовых ресурсов. Библиотеки сталкиваются с вызовом обеспечения устойчивого финансирования для цифровых проектов.

6. Кибербезопасность: С увеличением цифровых аспектов деятельности библиотек возрастают риски кибератак и утечек данных. Обеспечение кибербезопасности становится неотъемлемой частью эффективного функционирования библиотек в цифровой среде.

Неравномерный доступ: В условиях цифровизации существует риск усиления неравенства в доступе к информации. Некоторые группы населения могут столкнуться с трудностями в получении цифровых ресурсов из-за ограниченного доступа к технологиям.

Библиотеки, чтобы успешно справиться с этими вызовами, должны постоянно совершенствовать свои стратегии, внедрять инновации и сотрудничать с другими учреждениями и организациями в цифровой области.

Меры по соблюдению законодательных требований в сфере библиотечной деятельности представляют собой систему практик и политик, направленных на обеспе-

чение соответствия библиотечных операций действующему законодательству. Вот более подробный анализ этих мер:

Формирование коллекции в соответствии с авторским правом: Библиотеки внимательно следят за соблюдением авторских прав при формировании своих коллекций. Это включает в себя приобретение лицензий на электронные ресурсы, учет сроков действия авторских прав и соблюдение правил копирования и распространения.

Разработка политик конфиденциальности: С учетом цифрового хранения данных библиотеки создают строгие политики конфиденциальности, регулирующие доступ и использование персональных данных пользователей. Это соответствует законодательным требованиям о защите конфиденциальности.

Внедрение систем контроля доступа: Для обеспечения безопасности цифровых ресурсов библиотеки внедряют системы контроля доступа. Это включает в себя идентификацию пользователей, шифрование данных и другие меры, предотвращающие несанкционированный доступ.

Обеспечение информационной безопасности: Библиотеки внедряют меры по обеспечению информационной безопасности для защиты от киберугроз и нежелательного воздействия. Это включает в себя регулярные аудиты безопасности и обновление программных средств.

Соблюдение стандартов каталогизации и описания: Библиотеки придерживаются стандартов каталогизации и описания, таких как ГОСТ Р «Библиографическое описание», что обеспечивает стандартизацию и удовлетворение требований по предоставлению информации.

Обучение персонала и пользователей: Библиотеки проводят обучение своего персонала и пользователей по вопросам соблюдения законодательства. Это включает в себя обучение по правилам пользования цифровыми ресурсами, авторскому праву и этическим стандартам.

Участие в профессиональных сообществах и обмен опытом: Библиотеки активно участвуют в профессиональных сообществах, обмениваются опытом и получают актуальную информацию о изменениях в законодательстве. Это позволяет им быть в курсе последних изменений и адаптироваться к новым требованиям.

Соблюдение законодательных требований становится неотъемлемой частью библиотечной практики, особенно в условиях быстрого развития цифровых технологий и изменений в правовых нормах.

В современный период деятельности российских библиотек одной из проблем, встречающихся в их повседневной деятельности, являются ограничения, налагаемые исключительным правом на произведения науки, литературы или искусства, которые легально закреплены в российских законах. Для решения этой проблемы необходимо введение дополнительных ограничений прав авторов и правообладателей, когда речь

идет о некоммерческом использовании произведений библиотеками и архивам. Примером может служить ограничения авторского права в законодательстве Европейского Союза, которые содержатся, например, в Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2001/29/ЕС от 22 мая 2001 г. «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе», так называемая «Директива 2001 г.» [1].

Важный вклад в понимание роли библиотек в современном обществе с учетом правового контекста в России основывается на нескольких ключевых аспектах:

1. **Сохранение культурного наследия:** Библиотеки играют важную роль в сохранении и передаче культурного наследия. В России законодательство в области культуры подчеркивает необходимость сохранения и доступа к культурным ценностям. Библиотеки служат хранилищем для книг, рукописей, картин, фотографий и других материалов, сохраняя историческое и культурное наследие страны.

2. **Обеспечение свободного доступа к информации:** В контексте правовых норм России, библиотеки играют важную роль в обеспечении свободного доступа к информации. Федеральные законы поддерживают принцип открытости и свободного обмена знаниями, что подчеркивает важность библиотек как мест, где граждане могут свободно получать доступ к знаниям.

3. **Формирование информационной грамотности:** Законы о библиотечной деятельности в России также уделяют внимание образовательным функциям библиотек. Библиотеки активно участвуют в формировании информационной грамотности среди населения, обучая пользоваться различными источниками информации и развивать критическое мышление.

4. **Защита авторских прав:** Правовой контекст в России также охватывает вопросы защиты авторских прав. Библиотеки соблюдают законы об авторском праве при формировании коллекций, предоставлении доступа к материалам и обеспечении соблюдения прав интеллектуальной собственности.

5. **Содействие социальной инклюзии:** в соответствии с принципами социальной инклюзии, библиотеки в России разрабатывают и реализуют программы, направленные на обеспечение доступа к знаниям для всех слоев общества. Это включает в себя работы с детьми, молодежью, пожилыми людьми и другими уязвимыми группами населения.

6. **Содействие цифровой трансформации:** в условиях цифровой эпохи библиотеки, соблюдая законы и стандарты, активно внедряют цифровые технологии. Это включает в себя создание электронных библиотек, доступ к цифровым ресурсам и развитие онлайн-сервисов, что способствует более широкому распространению знаний.

Итак, важный вклад библиотек в понимание и развитие современного общества в России осуществляется

через сочетание культурного, образовательного и информационного воздействия, с учетом требований законодательства и правовых норм.

На сегодняшний день стоит важная задача законодательного закрепления принципа максимальной открытости, достоверности и доступности для граждан России библиотечной информации.

Литература:

1. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2001/29/ЕС от 22 мая 2001 г. «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе»// Официальный журнал Европейского Союза, NL 167, 22.6.2001, стр. 10.

Отсюда мы констатируем необходимость как теоретических разработок научных подходов к регулированию деятельности библиотек и оборота библиотечной информации в условиях перехода к цифровому обществу, так и развития самого библиотечного законодательства в Российской Федерации на федеральном, региональном, местном и локальном уровнях регулирования.

Сущность конституционно-правового принципа равенства прав

Устинова Екатерина Николаевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует содержание конституционно-правового принципа равенства прав.

Ключевые слова: принципы права, равенство прав, конституция, право, обязанность.

Принципы права можно определить как совокупность общеобязательных нормативно закрепленных основополагающих положений, которые существуют на определенном уровне развития общественных отношений, идеологии и правосознания, являются элементом права и выступают критерием правомерного поведения.

Производными от принципов права являются отраслевые конституционно-правовые принципы. Конституционно-правовые принципы — это основополагающие идеи и нормы, которые определяют его содержание и направление конституционного законодательства.

Принцип равноправия означает равную свободу всех членов общества, одинаковый набор правовых возможностей. В него входят следующие составляющие: равенство конституционных прав и свобод независимо от фактических различий людей, равенство перед законом, равенство перед судом, равноправие мужчины и женщины [1].

Важнейшим конституционно-правовым принципом является равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, закрепленный в 19 статье Конституции Российской Федерации [2]. Перечень обстоятельств, которые не могут быть условиями ограничения равенства прав и свобод остаётся открытым, что является довольно расплывчатой формулировкой.

Следующим элементом является принцип равенства перед законом и судом. Принцип равенства перед законом обеспечивает равную защиту перед законом, который

должен применяться ко всем одинаково, без особых предпочтений и привилегий.

Равенство перед судом — положение, которое гарантирует всем равные возможности для обращения в судебные органы для защиты своих прав, независимо от его социального статуса и других признаков, при этом суд является беспристрастным органом, обеспечивающим состоятельность и равноправие сторон без предвзятого отношения.

Е. Н. Булычев отмечает, что согласно данному принципу, «к нарушителям одних и тех же норм должно быть равное отношение со стороны правоохранительных органов, кроме этого, для всех лиц должен существовать равный доступ к механизмам защиты их нарушенных прав» [3].

Далее необходимо рассмотреть концепцию формального и фактического равенства, позволяющую обратить внимание на выявляемые проблемы реализации исследуемого принципа.

Формальное равенство устанавливает для всех участников правовых отношений равные меры должного поведения, независимо от их способностей, поддерживает социальную справедливость, закрепляет единые правовые способы и средства реализации предоставляемых им прав.

Однако у рассматриваемой концепции существуют и возражения. Так, В. М. Сырых считает, что логика не знает дихотомического деления понятия «равенство» на формальное и фактическое, для нее равенство может быть только реальным, фактическим [4]. Таким образом, он предполагает, что равенство — это факт реальной жизни,

который не подлежит оспариванию. В. С. Нерсисянц, в свою очередь, утверждает, что правовое равенство абстрагировано от фактических различий и потому по определению носит формальный характер [5].

Г. Н. Комкова, полагает, что необходимо разделять понятия «равноправие» и «социальное равенство», поскольку один термин означает равные права и свободы, закрепленные в международных документах и основных законах государств, а другой — равенство в социальных статусах разных лиц, которого достичь весьма сложно [6].

Таким образом, одни авторы считают, что правовое равенство выражается в формальном правовом равенстве, то есть в закреплении в законах соответствующих положений. Другие утверждают, что разделение равенства на фактическое и формальное приводит к выводу, что устранение фактических различий между субъектами общественных отношений невозможно.

Если учесть тот аспект, что формально, с точки зрения права, все люди равны, то фактически они различаются физическими и умственными способностями, имеют свои особенности, обладают разными навыками, уровнем жизни и так далее. В основе социального неравенства лежат естественные различия между индивидами — различия в силе, способностях, склонностях [7].

Приведенные обстоятельства делают осуществляемые права неодинаковыми. Исходя из чего, необходимо не просто провозглашение равенства прав, а гарантии их реализации, направленные на защиту прав от посягательств.

С учетом этого, принцип равенства в полной мере реализуется в равенстве прав и свобод одинаковых категорий граждан, ведь отдельные категории граждан могут отличаться объемом прав, что обусловлено описанными выше обстоятельствами. Принцип равноправия в полной мере раскрывается в ст. 19 Конституции Российской Федерации. Данный принцип прослеживается в содержании многих статей, это выражено в формулировках «равные обязанности» (ч. 2 ст. 6), «равны перед законом» (ч. 4 ст. 13), (ч. 2 ст. 14), «равный доступ» (ч. 4 ст. 32), «наравне» (ч. 3 ст. 62) [2].

Однако равноправием является не только предоставление равных прав и свобод, но и равенство обязанностей. Согласно статье 6 Конституции Российской Федерации, все граждане несут равные обязанности. Похожий смысл можно обнаружить и в ст. 62, согласно которой равные обязанности несут иностранные граждане и лица без гражданства.

В ч. 2 ст. 17 выделяется понятие «основные права и свободы человека», которые принадлежат каждому от рождения. Как пишет С. А. Авакьян, «основными правами и свободами являются те, которые наиболее полно соответствуют природе человека и гражданина, выражают его положение в системе социально-общественных связей и закреплены в конституции» [8]. В Конституции Российской Федерации эти права и свободы определяются по форме «каждый имеет право», например ч. 2 ст. 6, ч. 1 ст.

20, ч. 1 ст. 22 и др. Они обладают свойственной всей конституции высшей юридической силой и лежат в основе иных прав и свобод гражданина, определяемых в российском отраслевом законодательстве. К примеру, ст. 4 Уголовного кодекса Российской Федерации установлено, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности на равных началах независимо от каких бы то ни было обстоятельств [9].

Во многих статьях Конституции указывается, что обладателями прав и свобод является каждый, эта формулировка подразумевает граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства. Круг носителей таких прав определяется словами: «все», «каждый», «лицо», «никто». Это относится ко всем без исключения и дает равную правовую защиту. Например, согласно части 1 статьи 29, каждому гарантируется свобода мысли и слова. В тех случаях, когда права и свободы принадлежат только российским гражданам, на это прямо указывается: «граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе» (ч. 4 ст. 32) [2].

В отдельный конституционно-правовой принцип особенно выделяется равенство прав и свобод мужчины и женщины, нашедший свое отражение в ч. 3 ст. 19 Конституции. В ней также упоминается о равных возможностях для реализации прав.

В. А. Виноградов склонен считать, что женщины по российскому законодательству имеют больше социальных гарантий, чем мужчины (например, пособие по родам), что обусловлено естественным разделением полов [1]. Природой заложена способность женщины к деторождению, которую она вынуждена совмещать с обязанностями, возложенными на нее обществом, что обуславливает дополнительные права женщины и ее особый статус.

Неравенство между мужчиной и женщиной возможно устранить обеспечением равного статуса для всех людей во всех сферах общественной жизни. Однако, по мнению С. А. Авакьяна, в обеспечение принципа юридического равенства стоило бы поднять на конституционный уровень некоторые гарантии для женщин (проведение государственной политики по обеспечению женского равноправия, повышению заботы о работающих женщинах, о матерях и т. д.) [8].

По мнению Е. И. Козловой и О. Е. Кутафина, положение о равноправии мужчин и женщин выделено в отдельный абзац, поскольку призвано сделать дополнительный акцент на проблеме дискриминации женщин. Однако, в целом, правоведы не склонны считать, что правовой статус женщины в настоящее время хоть в чем-то умален по сравнению с правовым статусом мужчины [10].

Таким образом, исследуемый конституционно-правовой принцип является сложной категорией, требующей всестороннего рассмотрения и комплексного подхода к пониманию. Принцип равенства является многоаспектным: в некоторых случаях он сводится к равенству ответственности субъектов правоотношений, в других — к равенству оснований возникновения прав и обязанно-

стей или к равенству возможностей. Также существует необходимость выделения проблемы реализации данного

принципа, что продиктовано состоянием существующей правовой действительности.

Литература:

1. Виноградов В. А. Конституционное право Российской Федерации — М.: Юрайт, 2016. — С. 214.
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм. от 14.03.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#I0.
3. Булычев Е. Н., Принцип равенства и проблемы его закрепления в Конституции Российской Федерации // Евразийская адвокатура. — 2016. № 2 (21). С. 57.
4. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3 — М.: Юстицинформ, 2004. — С. 51.
5. Нерсисянц В. С. Философия права — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. — С. 20.
6. Комкова, Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина в России: понятие, содержание, механизм защиты: специальность 12.00.02 «конституционное право, муниципальное право»: дисс. на соискание ученой степени доктора юридических наук / Комкова Галина Николаевна; Саратовская государственная академия права. — Саратов, 2003. — 384 с.
7. Мутагиров Д. З. Права и свободы человека — М.: Юрайт, 2022. — С. 266.
8. Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1 — М.: Норма, 2020. — С. 588.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 25.03.2022 (ред. от 21.04.2025) // [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>.
10. Козлова Е. И., Кутафин О. Е., Конституционное право России. — М.: Проспект, 2009. — С. 74.

Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве

Федосов Евгений Эдуардович, сотрудник аналитического отдела Управления уголовного розыска
Управление МВД Российской Федерации по Смоленской области

Данная работа посвящена анализу проблемы понимания понятия «добросовестность» в современном гражданском праве.

Implementation of the principle of good faith in modern civil law

Fedosov Yevgeny Eduardovich, employee of the analytical department department of criminal investigation
Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Smolensk Region

This work is devoted to the analysis of the problem of understanding the concept of «good faith» in modern civil law.

Проблема понимания понятия «добросовестность» в современном гражданском праве не является новой, над её решением работали ещё такие видные деятели науки как, Новицкий И. Б. [10], Брагинский М.И и Витрянский В. В. [1], Дождев Д. В. [5]. и другие. Однако решения, единого подхода к этому вопросу так и не было найдено.

Следует отметить то, что при изучении данного вопроса необходимо также обратиться работам юристов, не только современности, но и предшествующих периодов. Актуальность этого исследования заключается в том, что во-первых: добросовестность является ценностью гражданского права, его благом, которое обеспечивает взаимные интересы участников гражданских правоотношений [9], во-вторых понятие добросовестности

достаточно подробно регламентируется Гражданским Кодексом России, а именно статьями 6, 10, 53, 234, 602, 662 [11] и др., однако данные статьи не содержат в себя определения понятия «добросовестность», что является «почвой» для различных точек зрения относительно единого понимания «понятия» добросовестность в российском праве.

Данное обстоятельство вызывает определённые дискуссии между правоведом, которые не утихают до сих пор. В подтверждение данной мысли приведу несколько примеров. Например: Василенко В. Е. в своей работе «Некоторые доктринальные подходы к проблемам разумности и добросовестности в гражданском законодательстве России» пишет: «Одним из перспективных на сегодняшний день направлений цивилистической науки

следует признать формулирование критериев определения понятия добросовестности и разумности, также их последующее нормативное закрепление» [4].

Так, Новицкий И. Б. считал, что добрая совесть включает в себя такие элементы, как: знание о другом, об его интересах, знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении [10]. Петражицкий Л. И. же отрицал присутствие нравственных начал в добросовестности [14]. Некоторые правоведы, такие как Емельянов В. И. и Витрянский В. В. считают, что выработать общее понятие добросовестности не представляется возможным [6], [1]. Скловский К. понимает под доброй совестью исходную позицию лица, уважающего своего контрагента, видящего в нём равного себе [8]. Таким образом, можно сказать, что круг точек зрения по вопросу понимания понятия «добросовестность» достаточно обширен.

Проблема добросовестности в гражданском праве актуальна во всех странах. Испокон веков считалось, что добросовестность является неотъемлемым качеством, признаком правоотношений. Как в отношениях между государствами, так и между частными лицами. Исторически категория добросовестности уходит своими корнями к эпохе Древнего Рима, к существовавшей в то время так называемой категории «добрых нравов» — *bona fides*. Ещё римский юрист Ульпиан писал в своих сочинениях: «изучающему право прежде всего необходимо надо прежде всего узнать, откуда происходит слово *jus* (право); оно получило свое название от *justitia* (правда, справедливость), ибо, как превосходно определяет Цельс, право есть *ars* (искусство, практически реализуемое знание и умение, наука) *boni* (добра) и *aequi* (равенства и справедливости)» [12].

В римском праве на принципе «*bona fides*» были основаны многочисленные институты [7]. Такие как опека, поручительство, имущественные отношения между супругами, договоры купли-продажи, договоры аренды, подряда, перевозки, найма и многие другие институты. Также существовал особый вид судебных исков, при помощи которых защищались данные отношения.

В результате рецепции римского права категория добросовестности нашла своё отражение во многих зарубежных правовых порядках. Однако, следует отметить тот факт, что и российское законодательство также не является исключением.

Проблема добросовестности актуальна и для российского правового порядка. В частности об этом свидетельствует тот факт, что в настоящее время в этой области существует обширный ряд работ, посвящённый данной проблематике, среди них можно выделить следующие:

1. Принцип добросовестности в обновлённом гражданском законодательстве (Рыженков А. Я.)
2. Презумпция добросовестности в вещных правоотношениях (Булаевский Б. А.)

3. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве (Вердиян Г. В.) [15].

Следует подчеркнуть, что здесь приведены лишь некоторые работы.

Об актуальности проблемы добросовестности свидетельствует также и российское законодательство, так статья 10 ГК РФ [11] посвящена пределам осуществления гражданских прав. В ней закреплены положения, согласно которым не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, не допускаются действия в обход закона с противоправной целью. Также законодательство запрещает иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, так называемое злоупотребление правом. необходимо отметить, что одним из важнейших положений вышеуказанной статьи является то, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, что конечно же не всегда находит отражение в действительности. Также следует отметить, что понятие добросовестности «носит» двойственный характер с одной стороны добросовестность, является принцип гражданского права, с другой стороны это презумпция.

Перейдём непосредственно к анализу норм гражданского законодательства, посвящённых понятию «добросовестность». Как уже было сказано выше, одной из основных норм гражданского законодательства, регулирующих вопрос добросовестности является статья 10 ГК РФ [11], в которой закреплены пределы осуществления гражданских прав.

Одним из основных положений данной статьи является то что законодательством запрещается осуществление прав, если их осуществление связано исключительно с целью причинения вреда другому лицу, действия в обход закона либо иное противоправное поведение. То есть, это положение является нормой-запретом.

Но в тоже время часть 5 статьи 10 ГК РФ [11] является презумпцией, так как согласно ей добросовестность участником правоотношений предполагается. Добросовестность участника предполагается пока не будет доказано обратное. В вопросе о том, что же понимать под недобросовестным поведением необходимо выделить два ключевых момента: первое — цель, под которой понимается причинение вреда другим участникам правоотношений, второе — достижение своих целей в обход существующего законодательства, что заведомо является противоправным и не может считаться добросовестным поведением участника правоотношений.

Также следует отметить, что законодатель не сформулировал определения добросовестности, вместо это он перечисляет те действия, которые являются недобросовестными, но в тоже время не проводит чёткого разграничения между ними. Однако, если обратится к части 3 статьи 10 ГК РФ [11], можно сделать вывод о том, что злоупотребление правом является общим понятием, а действия в обход закона и действия, совершаемые

с целью причинения вреда его разновидностями. То есть говорить однозначно относительно понятия «добросовестность», как и относить статью 10 ГК РФ только к норме-запрету или презумпции не представляется возможным.

Теперь обратимся к статье 6 ГК РФ [11], основным положением данной статьи является то, что при применении законодательства по аналогии, следует руководствоваться требованиями добросовестности, разумности и справедливости, но как говорилось выше, единое понимание добросовестности отсутствует, то есть участникам гражданских правоотношений следует руководствоваться общепринятыми нормами морали. Как известно, моральный кодекс является неписанным, и для его прояснения можно обратиться либо к так называемому общественному мнению, либо к экспертам [7]. Но современное общество состоит из множества различных социальных групп, представления о добросовестности в которых могут существенно различаться, так же, как и мнения экспертов. Одним из возможных решений вопроса может стать разработка поправки в Гражданский Кодекс, при внесении её на общественное обсуждение.

Примером подобной практики может стать обсуждение Федерального закона «О полиции» в 2010 году [13].

Таким образом из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод о том, что во-первых понятие «добросовестности» законодательно не определено, что порождает определённые дискуссии в научном сообществе, и проблемы при рассмотрении конкретных дел в судах, во-вторых спектр точек зрения по вопросу понимания добросовестности достаточно широк, некоторые учёные считают, что добросовестность — это правовая презумпция [3], другие правоведы считают добросовестность специальным принципом гражданского права [2], точки зрения учёных-юристов порой диаметрально противоположны, так ставится под сомнение сама возможность выработки единого определения добросовестности, в-третьих на основании вышеизложенного можно сказать, что принцип добросовестности — это обязанность участника гражданского правоотношения при использовании прав и исполнении обязанностей должным образом заботиться о соблюдении прав других участников правоотношения.

Литература:

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001.
2. Бронникова М. Н. Проблемы применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 1.
3. Булаевский Б. А. Презумпция добросовестности в вещных правоотношениях // Известия ИГЭА. 2013. № 6.
4. Василенко Е. В. Некоторые доктринальные подходы к проблемам разумности и добросовестности в гражданском законодательстве России // Государство и право № 5.
5. Дождев Д. В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2000.
6. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002.
7. Рыженков А. Я. Принцип добросовестности в обновлённом гражданском законодательстве // Гражданское право. Жилищное право. 2013. № 3.
8. Скловский К. К вопросу о применении понятий добросовестности и основы правопорядка и нравственности // Хозяйство и право. 2005. № 8.
9. Шелер М. Избранные произведения. М., 2000.
10. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ww.center-bereg.ru/b13498.htmlw (дата обращения: 3.11.2015г.)
11. Гражданский Кодекс РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=173467> (дата обращения: 3.11.2015г.)
12. Домиций Ульпиан. Биография. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.epwr.ru/quotauthor/txt_41.php (дата обращения: 4.11.2015г.)
13. Обсуждение закона «О полиции». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ria.ru/trend/police_law_discussion_07082010/ (дата обращения: 15.11.2015г.)
14. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002. С. 235.
15. Вердиян Г. В. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве // Финансы: теория и практика. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-dobrosovestnosti-v-sovremennom-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 16.05.2025).

Совершенствование механизмов охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве

Фетисова Виолетта Витальевна, студент;
Нургатина Милана Маратовна, студент;
Зуев Сергей Алексеевич, студент
Челябинский государственный университет

Охрана прав и свобод человека и гражданина является одним из фундаментальных принципов правового государства, особую значимость приобретая в сфере уголовного судопроизводства ввиду потенциальных рисков их нарушения. Несмотря на развитость законодательной базы и наличие процессуальных гарантий, практика применения норм вызывает необходимость постоянного совершенствования механизмов защиты прав личности. В данной статье освещаются ключевые направления такого совершенствования. Анализируются пути повышения эффективности совершенствования охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, права человека и гражданина, охрана прав, совершенствование механизмов, процессуальные гарантии, судебный контроль, адвокатура, правовая помощь.

Постоянное улучшение механизмов обеспечения прав и свобод человека и гражданина выступает важнейшим направлением регулярного процесса совершенствования законодательства. Имея проблемы в реализации данного принципа, нельзя говорить о совершенной системе уголовного судопроизводства. Согласно положениям Конституции РФ — наша страна является правовым государством, а следовательно, перечисленные выше факторы должны соответствовать заявленному в Основном законе.

Важно отметить, что учеными и практиками на постоянной основе проводятся тщательные исследования по выявлению актуальных проблем развития и реализации принципа охраны прав и свобод человека в уголовном процессе. Связано это с рядом факторов. Во-первых, во время уголовного судопроизводства, на всех его стадиях, права человека могут быть так или иначе (в большей или меньшей степени) нарушены. Во-вторых, огромное количество важнейших аспектов, малейшие несоблюдения которых могут привести к нарушению самого принципа охраны прав и свобод человека. Также сюда стоит отнести и защиту каждой личности от произвола, обеспечение своевременного и справедливого разбирательства и др. Помимо прочего, важно учесть, что Конституции большинства стран, в том числе и России, закрепляют фундаментальные права и свободы человека и гражданина, которые должны соблюдаться и в уголовном процессе. Следовательно, все вышеуказанное подводит нас к выводу о том, что проблематика реализации рассматриваемого принципа не просто имеет место быть, а должна быть своевременно выявлена и решена.

К примеру, мнения ученых касаются причин возникновения проблем реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина должным образом разнятся. По мнению Ю. И. Рожковой, к таковым можно отнести [4, с. 201]:

1. Динамичное развитие уголовного законодательства, а с ним — и уголовно-процессуального. Из-за высокой за-

груженности следователи, дознаватели, прокуроры и судьи не всегда успевают изучить нововведения, что приводит к проблемам в их применении и, как следствие, к нарушению прав и свобод граждан. Не стоит забывать, что человеческий фактор играет огромную роль даже в делах осуществления правосудия и правоохранительной деятельности.

2. Квалификация кадров. На сегодняшний день система правоохранительных органов испытывает кадровый голод. Как итог, нехватка кадров в правоохранительных органах может привести к набору неквалифицированных сотрудников, которые не обладают достаточными знаниями и навыками для обеспечения принципа охраны прав и свобод граждан. Данная причина тесно связана с вышеназванной.

3. Противоправные действия со стороны правоохранительных органов. Нельзя не отметить того факта, что и в системе тех органов, которые бы, как казалось, должны защищать права и свободы человека в первую очередь, также возникают действия, противоречащие закону. Рожкова И. Ю. к таким в особенности относит коррупцию, подчеркивая следующее — «коррупция в правоохранительных органах может привести к тому, что сотрудники будут брать взятки и закрывать глаза на нарушения, что напрямую нарушает принцип охраны прав и свобод граждан» [4, с. 202].

4. Деформация правового сознания. Неверное понимание правовых норм, низкий уровень правовой культуры населения и иное — всё это может привести к нарушению толкования и применения правовых норм, связанных с охраной прав и свобод граждан.

5. Правовой нигилизм. Правовая пассивность, неосведомленность и скептическое отношение к праву, часто возникающие из-за неудовлетворенности социальным положением или личными предубеждениями на счет работы правоохранительных органов и действия закона, могут привести к нарушению принципа охраны прав и свобод граждан.

Рассмотреть некоторые проблемы стоит более подробно, т. к. они выступают актуальными на сегодняшний

день, а также по поводу данной проблематики сложилась широкая правоприменительная практика, которая только подкрепляет факт существования недочетов в рамках реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Согласно УПК РФ, на суд, прокурора, следователя, дознавателя, возложена важнейшая обязанность — разъяснение подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их прав, обязанностей и ответственности. Не просто так именно эти лица осуществляют процесс толкования права для сторон, ведь помимо их априори установленного статуса, предполагается, что они имеют достаточное количество специальных знаний для ответов на возможные вопросы. Эти лица обеспечивают возможность осуществления этих прав, при этом важно учитывать наличие научной методологии в их деятельности. Как отмечают правоведы, «важно учитывать тот факт, что отсутствие такой научной процедуры в ходе уголовного процесса будет являться основанием для отмены судебного акта, а также вынесенных по делу решений» [5, с. 288].

УПК РФ содержит достаточно обширный перечень тех мер, которые могут быть применимы для охраны участников процесса и их близких:

- Использование псевдонимов вместо настоящих имен потерпевших, их представителей, свидетелей и их близких (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

- Контроль и запись телефонных и других переговоров потерпевших, свидетелей и их близких по их заявлению или по решению суда (ч. 2 ст. 186 УПК РФ).

- Опознание подозреваемого/обвиняемого в условиях, исключающих визуальный контакт с опознающим (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

- Закрытое судебное разбирательство (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ).

- Допрос свидетеля в суде без визуального контакта с другими участниками процесса и без оглашения его настоящих данных (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

- Иные меры безопасности, предусмотренные статьей 11 УПК РФ (ч. 3).

Круг лиц, которым могут угрожать опасные противоправные деяния, и которым может быть оказана помощь широк, и включает помимо самих участников процесса, как уже было сказано, их близких родственников — супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки, а также близких участникам уголовного судопроизводства лиц. Согласно ч.3 ст.5 УПК РФ, под близкими лицами следует понимать иных лиц, за исключением близких родственников и родственников, состоящие в свойстве с потерпевшим (или же свидетелем), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему (свидетелю) в силу сложившихся личных отношений. Возникает некая проблема — не всегда близкие лица попадают под защиту, ведь факт не-

обходимости сохранения благополучия тех, кто не связан родственными узами, доказать в той мере, которая необходима, не всегда предоставляется возможным. Для родственников лиц-участников, железным аргументом всегда будет являться любая документация (свидетельства о рождении, браке, и др.), в то время, когда близкие лица таковой не всегда имеют, либо же имеют вовсе.

Проблемным аспектом является и тот факт, что в Законе, а также в доктрине, нет какого-либо перечня «близких лиц». Данное понятие также раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в котором указывается, что «в случае признания потерпевшим одного из близких лиц, в постановлении или определении должны быть приведены сведения, на основании которых судом сделан вывод о том, что указанное лицо является близким погибшему». Открытым остается вопрос, какие сведения будут исчерпывающе отражать «близость» лица к погибшему, потерпевшему. В трактовке, данной в Постановлении, подчеркивается, что жизнь, здоровье и благополучие таких лиц дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, что, опять таки, подразумевает достаточно широкое понимание данного определения «близкие лица».

Заметим также и проблему правовосстановительной роли изучаемого принципа. Охрана прав и свобод человека и гражданина, как следует из ст.11 УПК РФ, реализуется не только по ходу всего уголовного судопроизводства, «но и при причинении лицу вреда в связи с нарушением его прав судом или должностными лицами» [2, с. 69]. В рамках реализации процессов реабилитации, используется отдельная, 18 Глава УПК РФ. Данная проблема на современном этапе приобретает актуальность, в связи с рядом определенных факторов. Во-первых, это механизм реализации компенсаций за моральный и материальный вред. Во-вторых, возрастающее количество судебных ошибок на сегодняшний день. И, конечно, же, на фоне перечисленного возникает огромное количество наработок в доктрине уголовного права и процесса, касаемо данной темы.

Помимо прочего, отметим, что на сегодняшний день некоторые ученые также выделяют и существование проблемы закрепления факта признания лица реабилитированным. Ст. 134 УПК РФ носит название «Признание права на реабилитацию», в связи с чем возникает вопрос того, когда лицо признают реабилитированным, если по норме закона закрепляется лишь момент возникновения самого права на возмещение вреда. Однако, согласно норме ст. 5 УПК РФ, под реабилитированным следует понимать «лицо, имеющее в соответствии с УПК РФ право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием». Нельзя отрицать и возможного факта возникновения проблем толкования закона из-за соответствующего наименования нормы.

Обратим внимание на ч.6 ст. 168 УПК РФ. Отказ в возбуждении уголовного дела — распространенная прак-

тика в рамках уголовного процесса. Однако и данное положение нормы закона порождает проблематику, которая затрагивает права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Важно понимать, что по своему процессуальному положению в уголовном судопроизводстве, прокурор может отменить постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела [3, с. 1167]. При этом, прокурор не имеет полномочий самостоятельно возбудить уголовное дело. В научном поле уже давно обсуждается, что такая ситуация создает правовую неопределенность и затягивает процесс принятия процессуального решения. Как следствие — затянутые сроки весо-мо влияют на права и свободы человека и гражданина в рамках уголовного процесса.

Решение следователя об отказе в возбуждении уголовного дела может быть незаконным, в свою очередь, отсутствие у прокурора эффективных средств для его отмены порождают нарушения права лица на доступ к правосудию. Как отмечает Корнилова И. А., «это происходит потому, что в такой ситуации не принимается итоговый акт по стадии возбуждения уголовного дела, который открывает стадию предварительного расследования и создает основу для последующего судебного разбирательства» [3, с. 117].

В подобных условиях не реализуется конституционное право на судебную защиту, а право на доступ к правосудию ограничивается или даже блокируется.

Таким образом, существующие проблемы в правоприменении в уголовном судопроизводстве препятствуют реализации конституционной гарантии судебной защиты, нередко ограничивают и даже блокируют право заинтересованных лиц на доступ к правосудию.

Уже было упомянуто выше, что важной составляющей исследуемого принципа является также и презумпция невиновности. Проблемы реализации таковой также имеют место быть.

Во-первых, это давление со стороны СМИ и общественности: СМИ часто освещают уголовные дела «сенсационно», создавая негативный образ обвиняемого и формируя общественное мнение о его виновности. К примеру, это может повлиять на присяжных и судей, затрудняя объективное рассмотрение дела. Также, для обеспечения презумпции невиновности необходимо сбалансировать право на справедливое судебное разбирательство с необходимостью эффективного расследования и собиранием доказательств.

Нельзя отрицать и того факта, что обвиняемые, особенно малообеспеченные и незащищенные слои населения, могут не иметь доступа к эффективной юридической помощи. Следовательно, их права и свободы ущемляются, возникает затруднение представления ими доказательств своей невиновности.

Уделить внимание также стоит и ряду проблем связанных с охраной прав и свобод тех лиц, которые считаются психически нездоровыми. Во-первых, психически больные лица являются полноценными участниками уголовного су-

допроизводства со своими интересами в деле, как и другие участники процесса. Они находятся в более уязвимом положении, чем все остальные участники уголовно процесса, в связи с тем, что не могут в полной мере (или не могут вообще) отдавать себе отчет о происходящем.

Во-вторых, после установления факта психического расстройства, но до вынесения судом соответствующего постановления, эти лица фактически лишены возможности защищать свои законные интересы, если закон не предусматривает правил их возможного поведения в таких случаях.

Важна и проблема психологического фактора, иными словами — проблема правосознания общества. Отметим, что соблюдение прав человека не только не снижает эффективности уголовного преследования, а наоборот — способствует укреплению доверия общества к правоохранительным органам и судам. Если ситуация складывается иначе, то несправедливое отношение к обвиняемым, задержанным, подозреваемым и т. д. может привести к отчуждению граждан от правоохранительных органов, подорвать их веру в закон, что пагубно сказывается на правовой культуре общества.

Отметим, как проявляется эта проблема на деле. Во-первых, часто мы сталкиваемся с тем, что граждане в недостаточной мере осознают свои права и свободы в уголовном процессе. Как было выяснено выше, на практике редко, но все же встречаются случаи, когда эти права не разъясняются лицам. Возникает вопрос, ведь многие люди никогда не задумывались и не интересовались, какие права могут быть предоставлены им при аресте, допросе или во время всего хода уголовного процесса, что может привести к нарушениям законных интересов и данного принципа.

Итак, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что перечень актуальных проблем реализации исследуемого принципа достаточно широк, ведь охрана прав и свобод человека и гражданина проходит через всё уголовное судопроизводства, затрагивая множество аспектов. В свою очередь, нами были выделены некоторые актуальные проблемы:

— Противоречия в законодательстве: несогласованность, некорректные формулировки статей и пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве создают трудности в обеспечении эффективной защиты прав и свобод граждан.

— Низкая правовая грамотность: недостаточные знания граждан о своих правах и обязанностях в уголовном судопроизводстве делают их уязвимыми для нарушений. Помимо прочего, сюда также стоит отнести и низкий уровень правовой культуры населения, который необходимо повышать на постоянной основе и всеми возможными силами.

— Затягивание уголовного процесса: длительные сроки расследования и судебного разбирательства, а также высокие финансовые затраты могут стать серьезным препятствием для защиты прав и свобод граждан.

— Несоблюдение прав подозреваемых и обвиняемых: нарушения прав подозреваемых и обвиняемых, такие как незаконные задержания, обыски и пытки, продолжают оставаться проблемой. Каждый день новостные порталы уведомляют нас о произвольных действиях некоторых лиц в правоохранительных органах, что также требует должной превенции.

— Недостаточные гарантии для потерпевших: система уголовного судопроизводства не всегда обеспечивает потерпевшим надлежащую защиту их прав и компенсации за причиненный вред (как с реабилитацией, что было выделено нами выше в отдельную проблему).

Рассмотрим пути решения проблем некоторых уже упомянутых нами проблем охраны прав и свобод человека и гражданина.

Во-первых, как было рассмотрено выше, близкие лица (формулировка ч.3 ст.5 УПК РФ) не всегда получают надлежащую защиту в ходе уголовного судопроизводства, поскольку бывает трудно доказать необходимость защиты тех, кто не связан родственными узами, с достаточной степенью убедительности. Для решения данной проблемы, целесообразным представляется внести правки в статью УПК РФ, расширить перечень близких лиц и конкретизировать на примерах следующим образом:

— Лица, находящиеся в длительных, устойчивых и близких фактических отношениях (партнеры в гражданском браке, сожители);

— Персоны, которые в силу сложившихся личных отношений дороги потерпевшему (свидетелю), это:

1. Друзья и подруги;
2. Коллеги по работе или учебе;

— Лица, оказывающие потерпевшему (свидетелю) постоянную заботу или помощь (например, домашний персонал, который также может находиться под угрозой при определенных условиях и обстоятельствах дела; сиделки у пенсионеров и др. лица);

— Лица, находящиеся с потерпевшим (свидетелем) в зависимости (например, инвалиды, престарелые).

Установление критериев для определения лиц, которые в силу сложившихся личных отношений дороги потерпевшему (свидетелю) также является необходимым составляющим совершенствования положения ч.3 ст.5 УПК РФ.

Можно прийти к выводу — расширение и конкретизация перечня близких лиц позволит обеспечить более эффективную защиту прав и интересов потерпевших и свидетелей в уголовном процессе.

Следовательно, формулировка ч.3 ст.5 УПК РФ будет представлена следующим образом: близкие лица — иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, находящиеся с потерпевшим (свидетелем) в зависимости, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений, включая лиц, оказывающих потерпевшему (свидетелю) постоянную заботу или помощь, а также персоны, которые в силу сложившихся личных отношений дороги потерпевшему (свидетелю):

друзья, подруги, коллеги по работе и иные лица состоящие в личных отношениях с потерпевшим (свидетелем).

Также выше было отмечено о том, что разъяснение прав и свобод является важной деятельностью в ходе осуществления и реализации исследуемого принципа, а следовательно, также имеет некую проблематику.

Ряд ученых предлагает расширить круг лиц, упомянутых в ст.11 УПК РФ путем «обязывания начальника подразделения дознания разъяснять права, обязанности и ответственность участникам уголовного судопроизводства, а также последствия согласия лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, дать показания» [3, с. 116]. Представляется целесообразным согласиться с данными предположениями.

Одной из важнейших проблем в рамках реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в нашей стране сегодня является размер компенсации в рамках реабилитации (незаконного уголовного преследования). Нет четкого определения минимального размера таковой, решение часто зависит только от личного убеждения суда. В ранее существовавших стандартах ЕСПЧ обусловлено, что истец сам может проводить определенные расчеты и предоставлять их в суд, хотя на практике данный аспект редко учитывается судами. Современные условия развития отечественной судебной системы позволяют использовать существующие ранее наработки практики ЕСПЧ, но все же стоит помнить о приоритете российских норм закона. Получить значительные суммы компенсации за незаконное уголовное преследование на этапе первой инстанции считается почти невозможным, что также можно выявить и на основании проанализированной выше судебной практики.

Отметим, что для решения проблемы отсутствия в УПК РФ единой нормы, устанавливающей минимальный размер компенсации за незаконное уголовное преследование, можно предпринять следующее:

Добавить в УПК РФ отдельную статью — 137.1 «Минимальный размер компенсации», устанавливающую, как следует из названия, тот самый минимальный размер компенсации за незаконное уголовное преследование. Такой размер может быть установлен в виде фиксированной суммы или в виде кратного размера причиненного вреда. При разработке статьи также следует учитывать следующие факторы, которые следует внести в разрабатываемую норму:

— Размер компенсации должен быть соразмерен причиненному вреду;

— Минимальный размер компенсации должен быть достаточным, чтобы покрыть основные материальные и моральные издержки лица, связанных с незаконным уголовным преследованием;

— Размер компенсации не должен быть чрезмерно высоким, чтобы не создавать стимулов для необоснованных заявлений о незаконном уголовном преследовании, а также не порождать волну обращений и жалоб касемо

компенсаций, ведь данный фактор усилит нагрузку на судебную систему и повысит временные и финансовые затраты, что нецелесообразно;

Многими правоведами также поднимался вопрос о разработке и принятии отдельного закона, который был бы посвящен вопросам компенсации в рамках осуществления реабилитационных мероприятий, но на сегодняшний день эти споры проходят в рамках иной отрасли — гражданского права, что выходит за рамки исследования, поэтому целесообразным представляется остановиться на внедрении отдельной статьи в УПК.

Также для разрешения данных вопросов на практике правоприменители могут использовать разъяснения ВС РФ, анализировать судебную практику.

Что касается лиц, которым назначены меры принудительного медицинского характера, то эта проблема является постоянной в рамках уголовного процесса. Уязвимые лица чаще подвергаются нарушению своих прав и свобод в рамках уголовного судопроизводства. В частности, П. А. Колмаков провел достаточный объем научных исследований, и в своих научных работах выделил определенный перечень, который можно взять за основу решения следующей проблемы — умаления прав и свобод лиц с проблемами психического состояния в уголовном процессе.

Для этого следует установить в действующем законодательстве права психически нездоровых лиц, в отношении которых ведутся уголовные дела.

Некоторые правоведы также высказывают позицию о внесении в УПК РФ конкретных сроков медицинского лечения, но это не просто нецелесообразно в рамках данного Кодекса, но и вовсе не признается необходимым.

Таким образом, целесообразным представляется внести правки в ч.1 ст. 437 УПК РФ Участие лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и его законного представителя, обозначив права не только представителя, но и самого лица.

Лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные статьями УПК права, если его психическое состояние позволяет ему их осуществлять, при этом, включить в данную часть стоит следующий перечень прав [1, с. 227]:

1. Знать, в каком общественно опасном деянии его обвиняют;
2. Получать копию постановления о прекращении уголовного дела или о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера;
3. Представлять доказательства, если лицо может делать это самостоятельно;
4. Заявлять ходатайства и отводы, если лицо может делать это самостоятельно;
5. Давать показания и объяснения по обстоятельствам дела, если лицо может делать это самостоятельно;

6. Пользоваться помощью переводчика бесплатно;
7. Иметь защитника.

Многие правоведы выдвигают и актуальную мысль о том, что «равными процессуальными правами должны обладать и потерпевшие от принудительных мер медицинского характера» [2, с. 70]. С данным мнением можно согласиться, ведь в противном случае, пострадавшие лица не смогут защитить свои нарушенные права.

В контексте научных исследований предлагается рассмотреть возможность предоставления психически больным лицам полного спектра прав, сопоставимого с правами обвиняемых и подсудимых в уголовном процессе. Необходимо отметить, что из-за специфики правового статуса и индивидуальности психически больных лиц их права и обязанности должны быть аналогичными, но не идентичными правам и обязанностям обвиняемых и подсудимых. Согласно мнению юристов, психически больные должны иметь основные права, аналогичные тем, что имеют подозреваемые, обвиняемые и подсудимые. Тем не менее, определенные права, такие как право на амнистию и помилование, могут быть неуместны из-за особенностей их психического здоровья. Следовательно, вопрос о расширении прав психически больных граждан требует тщательного анализа. При принятии решения о предоставлении им определенных прав законодатель должен учитывать возможные последствия для общества и учитывать возможные негативные последствия для других лиц. Кроме того, при защите прав психически больных необходимо учитывать также права жертв их преступлений, чтобы обеспечить равенство всех граждан перед законом. Необходимо рассмотреть возможность устранения этого пробела в законодательстве.

В научной среде также обсуждается проблема терминологии [2, с. 69]. Как упоминалось ранее, ст.134 УПК РФ носит название «Признание права на реабилитацию». Правоведы придерживаются мнения, что «дабы более полно отразить суть изложенного в этой статье и подчеркнуть момент, когда лицо признается невиновным и не причастным к преступлению, представляется целесообразным переименовать её» в «Порядок реабилитации». Такое наименование представляется более целесообразным — оно лучше раскрывает содержание статьи, а также отражает непосредственный момент признания лица реабилитированным. С данным мнением нельзя не согласиться, ведь все последующие восстановительные меры, отраженные в Главе 18 УПК РФ, являются следствием уже состоявшейся реабилитации.

Таким образом, личная и имущественная безопасность человека и гражданина, а также безопасность близких им лиц являются важнейшими личными и законными интересами человека. Их защита невозможна без реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина.

Правоведы считают, что «просто необходимым является реформирование УПК РФ в аспекте установления определенного размера компенсации» [1, с. 227]. С его мнением нельзя не согласиться, ведь судебные решения

выносятся от имени Российской Федерации, а следовательно, субъективные представления судьи о компенсации и её размере не всегда будут целесообразными. «В противном случае в данной категории дел будет наблюдаться неравенство на практике» — справедливо отмечает правовед. Данная позиция также прослеживается в указанных выше делах о реабилитации и возмещении вреда за уголовное преследование.

Согласно ст. 25 УПК РФ, уголовное дело может быть прекращено в случае заявления потерпевшего в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, примирившегося с потерпевшим и возместившего ущерб. В доктрине уголовного процесса, как нами было замечено, «некоторые авторы выступают за расширение возможности использования примирительной процедуры между потерпевшим и преступником».

Из ст. 25 УПК РФ целесообразным будет исключить формулировку «небольшой или средней тяжести». Затрагиваются права человека здесь следующим образом — право на примирение зависит напрямую от тяжести преступления, хотя это не просто нецелесообразно, это и умаляет права и свободы участников уголовного процесса.

Следует рассмотреть, как действует данная статья в данный момент, на конкретном примере. Отец, находясь в нетрезвом виде, ссорится с сыном и избивает его. Всё это видит мать, пытается разнять двух мужчин — у неё не выходит, и она, в защиту своего ребенка, бежит за ножом на кухню и наносит своему мужу удар в спину. Тем самым, она умышленно причиняет ему тяжкий вред здоровью. Возбуждается дело по ч. 1 ст. 111 УК РФ, однако после выздоровления отец полностью раскаивается в своем поведении, обосновывая это тем, что его действия спровоцировали жену на причинение тяжкого вреда. В итоге, он пишет заявление о примирении с обвиняемой, надеясь, что дело будет закрыто. Однако, согласно норме данной статьи, дело не прекращается, ведь преступление было тяжким.

Целесообразным является предложить убрать из формулировки ст. 25 УПК РФ фразу «небольшой или средней тяжести» в отношении тех лиц, кто впервые совершил

преступление и способствовал деятельному раскаянию. Именно такое решение будет способствовать гуманному отношению к лицам, впервые совершившим преступление, а также снизит нагрузку на судебную систему.

Обобщая всё вышесказанное, подведем итог. Пути решения актуальных проблем в сфере охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе включают следующие направления деятельности:

- Улучшение правовой грамотности населения;
- Из вышеупомянутого выделяется следующее — повышение профессионализма сотрудников правоохранительных органов;
- Реформирование системы уголовного судопроизводства. Необходимо внести изменения в УПК РФ, чтобы устранить пробелы и противоречия в законодательстве, которые могут привести к нарушениям прав человека, какие конкретно — было описано выше с подробными пояснениями.

Помимо прочего, некоторые ученые также выделяют и направления совершенствования развития правовой помощи, ведь она должна быть доступна для всех граждан, независимо от их финансового положения, а также укрепление независимости судебной власти, дабы они могли беспристрастно рассматривать дела и защищать права человека.

Следует отметить, что на сегодняшний день, стремительный рост использования технологий, таких как видеозапись, электронные базы данных и др. могут помочь предотвратить и расследовать нарушения прав человека в уголовном процессе, но исследований касаясь данной тематики в рамках науки уголовного процесса еще недостаточно много.

Также подчеркивается, что Россия должна тесно сотрудничать с международными организациями и экспертами по правам человека, чтобы обмениваться передовым опытом и лучшими практиками в области охраны прав и свобод человека в уголовном процессе, дабы в перспективе улучшить все аспекты, которые были упомянуты выше, а также не допустить новых нарушений в сфере охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Голубев В. Б., Секретарева Т. М. К вопросу о соблюдении прав человека в уголовном процессе / В. Б. Голубев, Т. М. Секретарева // Марийский юридический вестник. — 2011. — № 8. — С. 227–237. — Текст: непосредственный.
2. Гурова, А. А. Актуальные проблемы обеспечения принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / А. А. Гурова // Пермский период. — 2022. — № 1. — С. 69–71. — Текст: непосредственный.
3. Корнилова, И. А. Проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / И. А. Корнилова // Молодой ученый. — 2021. — № 39 (381). — С. 116–120. — URL: <https://moluch.ru/archive/381/84261/> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Рожкова, Ю. И. Проблемы охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / Ю. И. Рожкова // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 14 ноября 2019 года. — Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. — С. 201–207. — Текст: непосредственный.

5. Сафаров, В. Р. Реабилитация в уголовном судопроизводстве / В. Р. Сафаров, З. М. Рафикова // Наука и образование в условиях мировой нестабильности: проблемы, новые этапы развития: материалы II международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 апреля 2022 года / Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования. Том Часть 2. — Ростов-На-Дону: Манускрипт, 2022. — С. 288–291. — Текст: непосредственный.

Ответственность за нарушение антимонопольного законодательства

Хажметов Эльдар Мусабиевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует меры противодействия нарушениям антимонопольного законодательства, в частности в сфере недобросовестной конкуренции, опираясь на соответствующие нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: ответственность, антимонопольное законодательство, конкуренция, доминирующее положение, участники рынка.

Федеральный закон предусматривает меры противодействия нарушениям антимонопольного законодательства, такие как запрет на соглашения между участниками рынка, ограничивающие конкуренцию, запрет на установления доминирующего положения и многие другие нарушения исследуемой области.

Так, в ч. 2 ст. 34 Конституции РФ, устанавливается конституционный «запрет на недобросовестную конкуренцию, и в соответствии с которым не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию».

Обратимся к исследованию недобросовестной конкуренции.

Штрафы за недобросовестную конкуренцию в соответствии с пунктом 1 статьи 14.33 КоАП РФ на должностных лиц и индивидуальных предпринимателей приравниваются к ним в размере от 12 до 20 тысяч рублей, на юридических лиц — от 100 до 500 тысяч рублей. Отдельно пункт 2 исследуемой статьи устанавливает меры ответственности за недобросовестную конкуренцию с использованием результатов интеллектуальной деятельности и эквивалентных средств индивидуализации юридических лиц, продуктов, работ и услуг.

Более суровые меры ответственности предусмотрены в Уголовном кодексе Российской Федерации в ст.-ст. 178, 180 и 183, а также в статьях 146 и 147 УК РФ. При этом, напрямую ответственность за недобросовестную конкуренцию не установлена уголовным законодательством, перечисленные статьи лишь косвенно имеют к этому отношение. Однако, несмотря на это, нарушение антимонопольного законодательства не должно оставаться безнаказанным и неотвратимость наказания за определенные правонарушения предусмотрена, в зависимости от степени и тяжести вреда, принесенного данным правоотношениями в уголовном и административном законодательстве.

Мерой ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, которая характерна для данной категории выступает предписание, суть которого заключается в том, что оно обязывает нарушителей устранить совершенные противоправные действия.

Аналогичные цели характерны и для предупреждения, выдаваемого при выявлении признаков нарушения статей 14.1, 14.2, 14.3, 14.7, 14.8 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Особенностью данного института является то, что к ответственности может привлекаться как отдельное физическое лицо, так и организация в целом, остановимся на каждом вопросе подробно.

Прежде всего, исследуя данную область, мы говорим о нормах административно-процессуального права, ввиду специфики деятельности. Положения КоАП РФ в совокупности в антимонопольном законодательстве и образуют порядок привлечения к ответственности, его условия и основания.

При разрешении споров в отношении недобросовестной конкуренции и регулировании антимонопольной деятельности в целом, применяются нормы, зафиксированные в административно-процессуальном кодексе Российской Федерации, которые регламентируют порядок подготовки к процессу, перечень лиц, участвующих в деле, непосредственно процесс судебного разбирательства и многое другое. Обращаясь к участникам процесса, отметим, что одной из сторон всегда выступает антимонопольный орган (помимо других государственных органов власти, участвующих в процессе).

При рыночной конкуренции каждый субъект должен обладать возможностью оспаривать недобросовестные действия со стороны конкурентов, потому что это важно для обеспечения честной конкуренции и защиты интересов всех участников рынка. В частности, участники рынка должны иметь доступ к правовым механизмам, по-

звляющим им оспаривать недобросовестное поведение. Для обеспечения такого права, государственные органы и регулирующие организации должны обеспечивать соблюдение законов и норм, направленных на защиту конкуренции.

Большинство санкций, закрепленных в КоАП РФ имеют имущественный характер, то есть направлены на финансовые ограничения для виновных субъектов, санкции, предусмотренные УК РФ, также носят имущественный характер, но могут содержать и более серьезные последствия — исходя из целей и задач уголовного наказания и самого общественного отношения, которому причинен ущерб. Отличие существует и в том, что уголовное наказание налагается только по решению суда — суд единственный субъект, который может установить уголовную санкцию к нарушителю, в то время как административное наказание может быть назначено и уполномоченным должностным лицом.

Таким образом, нормы административно-процессуального права обеспечивают эффективное регулирование антимонопольной деятельности, способствуя защите конкуренции и поддержанию справедливых условий на рынке.

Как считают ряд исследователей Алешин Д.А, Артемьев И.Ю «за нарушение норм антимонопольного законодательства возможно наступление административной, гражданской и уголовной ответственности».

Полагаем, что административная ответственность в защите исследуемых правоотношений сводится к нескольким видам ответственности, которая выражается также в наказании в виде штрафов, ограничения деятельности или ликвидации компании, она предусматривается для юридических и физических лиц, которые нарушили правила конкуренции на рынке, занимая доминирующее положение, создавая картельные соглашения, злоупотребляя своими правами и дискриминируя других участников рынка, размер штрафов за нарушение антимонопольного законодательства может оказаться достаточно значительным, особенно для крупных компаний.

Ст. 3.2 КоАП РФ устанавливает закрытый перечень административных наказаний, то есть никакие другие наказания не могут быть применены в отношении лица, совершившего административное правонарушение:

- 1) Предупреждение;
- 2) Административный штраф;
- 3) Конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения;
- 4) Лишение специального права, предоставленного физическому лицу;
- 5) Административный арест;

Литература:

1. Алешин, Д. А. Конкурентное право России: учебник / Д. А. Алешин, И. Ю. Артемьев. — Москва: Дом Высшей школы экономики, 2012. — 375 с.

6) Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства;

7) Дисквалификация;

8) Административное приостановление деятельности;

9) Обязательные работы;

10) Административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни проведения.

Вышеназванные административные наказания подлежат применению для физических лиц (субъектов административной ответственности), для юридических лиц применяются лишь некоторые из них — предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения и административное приостановление деятельности.

За нарушение антимонопольного законодательства применяются следующие наказания:

1) Ст. 14.9 КоАП РФ «ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления».

2) ст. 14.31 «злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке».

Вышеприведенные примеры демонстрируют, что чаще всего применяются административный штраф и дисквалификация — для физических лиц.

Итак, следующие виды антимонопольных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ находятся в главе 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций»:

1) Статья 14.9 КоАП РФ «Ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления».

2) Статья 14.31 КоАП РФ установлена ответственность за злоупотреблением доминирующим положением на товарном рынке.

3) ст. 14.32 КоАП РФ — заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности.

Так, в Постановлении от 15 августа 2022 г. по делу № А75–1275/2022 Восьмого арбитражный апелляционный суд (8 ААС) указано:

Поводом к возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 14.9, 14.31, 14.31.1 — 14.33 КоАП РФ, в силу части 1.2 статьи 28.1 КоАП РФ является принятие комиссией Управления решения по делу № 086/01/11–11/2019, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации, выразившийся в заключении недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством соглашения.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.
3. Уголовный кодекс: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2025).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон № 195-ФЗ от 31.12.2001 (с изменениями на 7 апреля 2025 года) // Российская газета. — 2001. — № 256.
5. Восьмой арбитражный апелляционный суд (8 ААС). Постановление от 15 августа 2022 г. по делу № А75-1275/2022. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/D7eB0XlrjKoR/> (дата обращения: 07.04.2025).

Пределы доказывания при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям

Хидирян Тигран Ваагович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Данному вопросу было уделено немало внимания со стороны ученых. С одной стороны, институт прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям является актом реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, поскольку прекращение уголовного дела по ряду нереабилитирующих оснований происходит только с согласия обвиняемого. Данная процедура позволяет снизить нагрузку с судов путем предоставления возможности прекращения уголовного дела органам предварительного расследования. Однако, вместе с тем, поспешное решение и отказ от рассмотрения вопроса вины обвиняемого в суде, лишает его права на справедливое и объективное судебное разбирательство, что противоречит таким уголовно-процессуальным принципам, как осуществление правосудия только судом и презумпция невиновности.

Статья 27 УПК РФ указывает на то, что постановление о прекращении уголовного дела выносится следователем как в отношении подозреваемого, так и обвиняемого. Однако существенное различие между процессуальным положением подозреваемого и обвиняемого заключается в том, что в соответствии со статьей 171 УПК РФ следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления. В качестве подозреваемого может привлекаться лицо, по основаниям, указанным в ч.1 ст. 46 УПК. При этом следователь, вынося постановление о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям уравнивает положения подозреваемого и обвиняемого, что в корне неверно. Поэтому нерешенной остается проблема о прекращении статуса подозреваемого, поскольку, в одном случае, у следствия имеются прямые доказательства совершения лицом преступления, что является основанием для его привлечения в качестве обвиняемого, в другом, при отсутствии доказательств, к подозреваемому могут применяться те

же процедуры для освобождения от уголовного преследования, что и в отношении обвиняемого. В качестве подтверждения тому служит Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017г. № 30-П, в котором указывается на неопределенность статуса подозреваемого, поскольку уголовно-процессуальный закон определяет лишь начальный момент, с которого лицо становится подозреваемым, неопределенность правового статуса этого лица в ситуации фактического уголовного преследования — без его юридического оформления и, соответственно, без предоставления прав по защите от него — может сохраняться вплоть до истечения сроков давности уголовного преследования (статья 78 УК Российской Федерации и пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации).

Если рассматривать данную проблему в историческом контексте, стоит обратить внимание на Устав уголовного судопроизводства 1864 г. В статье 20 данного акта говорится о том, что примирение в таком деле, которое по закону может быть прекращено миром, освобождает обвиняемого от личной ответственности и признается с тем вместе за отречение от вознаграждения, если обиженный не оставил за собой права на иск гражданский. То есть законодатель исключал уголовную ответственность лица в связи с примирением сторон, но, вместе с тем, не отрицал его вины. Пункт 2 статьи 772 Устава предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, актом амнистии и иными нереабилитирующими основаниями. При этом, как отмечено в статье 772, лицо вправе потребовать у суда определения его виновности и того наказания, которое суд назначил бы если бы подсудимый не был освобожден от уголовной ответственности. Таким образом, законодатель сохранял за обвиняемым право на решение вопроса наличия или отсутствия его вины в суде.

Данная процедура частично нашла свое отражение и в современном уголовно-процессуальном законодатель-

стве, а именно в статье 27 УПК РФ, в которой указано, что подозреваемый, обвиняемый вправе возражать против прекращения уголовного дела по ряду нереабилитирующих оснований, в частности при амнистии, примирении сторон и других. И, в таком случае, уголовное дело будет продолжено в обычном порядке. Однако подобная возможность не реализуется при некоторых других обстоятельствах, например, при освобождении от уголовного преследования в связи с истечением сроков давности.

На сегодняшний день в науке по данной проблеме сложились различные мнения. Так, профессор Манова Н. С. в своей работе «Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм» отмечает, что, прекращая уголовное дело по нереабилитирующим основаниям, дознаватель и следователь констатируют в итоговом процессуальном документе факт виновного совершения лицом общественно опасного деяния. И, несмотря на то что в таком решении отсутствует категорическая формула о признании лица виновным в совершении преступления, это не меняет существа дела. Прекращая уголовное дело по указанным основаниям, следователь, дознаватель и прокурор разрешают вопросы вины и ответственности. Таким образом, освобождение лица от уголовного преследования направлено не на отрицание факта совершения данным лицом преступления, а на реализацию права на освобождение от уголовной ответственности по определенным законодателем основаниям, не затрагивающим вопросы его виновности.

Несколько иная точка зрения описана в работе профессора Ю. И. Бытко «О неконституционности норм УПК, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности за давностью». В данной статье автор обращает внимание на наличие противоречия между положениями статьи 78 УК РФ, закрепляющей истечение сроков давности, как основание для освобождения от уголовной ответственности с одной стороны, некоторыми статьями УПК РФ, в частности, статьями 24, 27, 212 и другими. В данных статьях УПК РФ истечение сроков давности является основанием не для освобождения от уголовной ответственности, а для прекращения уголовного преследования, а это понятия отличающиеся, хотя и взаимосвязанные между собой. Статья 49 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип презумпции невиновности. Это значит, что лицо не может считаться виновным, пока его вина не будет доказана судом. Освобождение от уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям является нарушением права человека, поскольку данный процесс происходит без доказывания виновности лица, что понижает его социальный статус и ведет к ряду ограничений в профессиональной и иной деятельности. Именно исходя из этого, профессор Ю. В. Бытко считает необходимым не только прекращение уголовного преследования в отношении лица, но и его освобождение от уголовной ответственности.

Проблема доказывания при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям находит

свое отражение и в судебной практике. Их иллюстрацией может служить Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.06.2022 № 39-П 22 «О возобновлении производства по жалобе, поданной в порядке ст.125 УПК РФ, признании незаконным постановления следователя о прекращении уголовного дела о побоях (ч. 1ст. 116 УК РФ) в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод при производстве по уголовному делу». Суть дела заключается в том, что в отношении гражданки Лашун А. А. было вынесено постановление о прекращении уголовного дела в связи с декриминализацией деяния. Гражданка посчитала, что в отношении нее был нарушен конституционный принцип презумпции невиновности, поскольку постановление следователя было мотивировано тем, что вина гражданки Лашун А. А. подтверждена собранными по делу доказательствами. То есть присутствует прямое противоречие со ст. 49 Конституции РФ, поскольку вопрос виновности лица может решить только суд. Суды как первой, так и апелляционной инстанции отклонили жалобу гражданки, и она обратилась в Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ). 7 декабря 2021 года было вынесено постановление ЕСПЧ по делу «Лашун против России», в соответствии с которым было установлено нарушение положений п.2 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе, в связи с мотивировкой постановления следователя по данному уголовному делу. Как отметил ЕСПЧ, формулировки следователя явно выходили за рамки познаний, имевшихся в отношении гражданки Лашун А. А., не оставляя сомнений в ее виновности.

Таким образом, практика показывает, что при прекращении уголовного дела следователем по нереабилитирующим основаниям констатация следователем в результате доказывания виновности обвиняемого вступает в прямое противоречие с принципами уголовного судопроизводства, международно-правовыми нормами и иными актами, и это есть не что иное, как нарушение права человека на рассмотрение дела судом.

Конституционный Суд Российской Федерации, в своих постановлениях, неоднократно подчеркивал тот факт, что постановление следователя по своему процессуальному значению не может приравниваться к приговору суда. В частности, В Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18П указывается, что правосудие в Российской Федерации может осуществляться только судом. Следовательно, положения УПК, предусматривающие прекращение уголовного дела органами предварительного расследования, противоречат положениям Конституции РФ, признание лица виновным или невиновным осуществляется исключительно приговором суда.

Также, в Постановлении Конституционного суда от 19 мая 2022 г. № 20-П говорится о том, что все неустранимые сомнения в виновности лица должны толковаться в его пользу. Следовательно, пока не будет выяснен факт совершения преступления конкретным лицом, оно не может

считаться виновным. Данное положение распространяется в том числе и на освобождение от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в п. 5 статьи 213 обязывает следователя в постановлении о прекращении уголовного дела и уголовного преследования указывать результаты предварительного следствия с указанием данных о лицах, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование, но никаким образом, не констатировать виновность обвиняемого, поскольку согласно статье 8 УПК РФ, это является исключительной прерогативой суда. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина не может осуществляться в полной мере при наличии анализируемых противоречий в законодательстве. Как результат, на сегодняшний день, при прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям ор-

ганами предварительного расследования зачастую не разъясняются последствия подобной процедуры, поскольку в положениях статьи 213 УПК РФ данное требование отсутствует. Тем не менее, информация о последствиях очень важна, поскольку результатом данного процесса фактически является констатация вины обвиняемого, следовательно он не сможет реабилитироваться в глазах общественности и будет сталкиваться с рядом ограничений в своей служебной и профессиональной деятельности. Единственным выходом из подобной ситуации на сегодняшний день может стать obligation органов предварительного расследования в разъяснении последствий прекращения уголовного дела при реабилитирующих основаниях, поскольку только в этом случае обвиняемый сможет взвесить все «за» и «против» и выразить соответствующую позицию.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного суд РФ в своем постановлении от 21.11.2017г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского»
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Устав уголовного судопроизводства 1864г.
6. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / Н. С. Манова; Под ред. В. М. Корнукова. — Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2003. — 224
7. «О неконституционности норм УПК, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности за давностью Ю. И. Бытко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 2. — С. 127.
8. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.06.2022 № 39-П 22 «О возобновлении производства по жалобе, поданной в порядке ст.125 УПК РФ, признании незаконным постановления следователя о прекращении уголовного дела о побоях (ч. 1ст. 116 УК РФ) в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод при производстве по уголовному делу».
9. Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. N 18-П по делу о проверке неконституционности статьи 6 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина Сушкова.

Судебная экспертиза и права человека: соблюдение принципов справедливого разбирательства в делах о коррупции

Худякова Ольга Николаевна, студент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В статье рассматривается влияние судебной экспертизы на соблюдение прав человека в уголовных делах коррупционной направленности. Автор анализирует практику назначения и оценки экспертных заключений с позиции стандартов справедливого судебного разбирательства, закреплённых в статье 6 Европейской конвенции. Отмечаются риски нарушения прав на защиту, равноправие сторон и независимость эксперта. Предлагаются меры по укреплению процессуальных гарантий и институциональной независимости экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, права человека, справедливое разбирательство, коррупция, защита, независимость эксперта, ЕСПЧ.

Judicial expertise and human rights: observance of principles of fair trial in corruption cases

Khudyakova Olga Nikolayevna, student
St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

The article examines the impact of forensic expertise on the protection of human rights in corruption-related criminal cases. The author analyzes the practice of appointing and assessing expert opinions in light of the fair trial standards enshrined in Article 6 of the European Convention. The risks of violating the rights to defense, equality of arms, and expert independence are identified. The paper proposes measures to strengthen procedural safeguards and the institutional independence of expert activities.

Keywords: forensic expertise, human rights, fair trial, corruption, defense, expert independence, ECHR.

Введение

Коррупционные преступления, в силу своей социальной опасности и скрытого характера, требуют глубокого и всестороннего расследования. Государство, реализуя стратегию противодействия коррупции, активно использует судебную экспертизу как инструмент доказывания. Однако эффективность этой деятельности должна оцениваться не только с точки зрения выявления преступлений, но и через призму соблюдения прав и свобод участников уголовного процесса.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в контексте международных стандартов прав человека, прежде всего положений статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей каждому право на справедливое судебное разбирательство. В современных условиях правоприменения судебная экспертиза зачастую оказывает решающее влияние на исход дела, формируя основу обвинительного заключения. В связи с этим возникает необходимость анализа её процессуального положения с точки зрения соблюдения прав обвиняемого, прежде всего — права на защиту, на равенство сторон и на независимый суд. [1]

Материалы и методы

Исследование базируется на всестороннем изучении нормативно-правовой базы Российской Федерации, практики правоприменения, статистических сведений, а также на анализе экспертных заключений, представленных в делах о коррупции. В ходе работы использовались системный подход, методы сравнительно-правового и эмпирического анализа.

Результаты

Анализ показал, что в делах о коррупции судебная экспертиза часто становится ключевым доказательством, формирующим основу обвинения. При этом в практике выявляются системные нарушения принципов справедливого разбирательства. В частности, защита нередко сталкивается с отказом в проведении повторной или альтернативной экспертизы, ограничениями в доступе к материалам, а также с невозможностью допроса эксперта.

тернативной экспертизы, ограничениями в доступе к материалам, а также с невозможностью допроса эксперта.

Кроме того, заключения зачастую подготавливаются в учреждениях, подведомственных следственным органам, что ставит под сомнение независимость экспертов. Судебная практика, как правило, не подвергает критической оценке содержание и методику экспертиз, воспринимая их как объективные по умолчанию. Это создаёт дисбаланс между сторонами и может нарушать права обвиняемого. [2]

Обсуждение

Анализ представленных результатов показывает, что система назначения и использования судебной экспертизы в делах о коррупции подвержена ряду рисков нарушения прав человека. Эти риски обусловлены как нормативными пробелами, так и устоявшейся практикой, в которой экспертное заключение воспринимается как непререкаемое доказательство.

Одним из главных нарушений является ограничение права на защиту, выражающееся в отказе судов в удовлетворении ходатайств о повторной экспертизе, необоснованном отклонении вопросов, предлагаемых защитой, а также в отсутствии возможности допроса эксперта. Это подрывает равноправие сторон и нарушает состязательность процесса. [3]

Серьёзную озабоченность вызывает проблема независимости эксперта. При том, что по УПК РФ эксперт обязан действовать объективно, на практике он часто работает в рамках структур, прямо подчинённых следственным органам. Это создаёт очевидный конфликт интересов и снижает доверие к заключениям. Европейский суд по правам человека неоднократно указывал, что подобная ситуация несовместима с принципами справедливого разбирательства.

Нарушение презумпции невиновности проявляется тогда, когда заключение эксперта носит категоричный обвинительный характер и воспринимается судом как окончательная истина. Особенно это заметно в приговорах, где основная доказательственная нагрузка ложится на выводы эксперта, а не на показания свидетелей или материалы следствия. При этом суды редко подвергают крити-

ческой оценке методику исследования и обоснованность выводов.

Таким образом, экспертные заключения, особенно в делах о коррупции, оказывают непропорциональное влияние на процесс доказывания и могут трансформироваться из вспомогательного доказательства в решающий фактор исхода дела, нарушая фундаментальные права человека. [4]

Выводы

Судебная экспертиза в делах о коррупции должна быть не только высокопрофессиональной, но и процессуально безопасной для участников процесса. Это означает, что её назначение, производство и оценка должны соответствовать международным стандартам прав человека, в первую очередь — требованиям статьи 6 Европейской конвенции. [5]

Для устранения выявленных нарушений необходимо предпринять комплексные меры. Во-первых, следует законодательно закрепить право стороны защиты на проведение альтернативной судебной экспертизы. Это обеспечит состязательность и позволит оспаривать односторонние выводы.

Во-вторых, необходимо разграничить функции эксперта и суда, исключив из экспертной практики правовые

суждения, квалификационные выводы и оценку виновности. Эксперт должен отвечать на технические, а не юридические вопросы.

В-третьих, требуется обеспечить институциональную независимость экспертных учреждений. Создание самостоятельных экспертных организаций, не подведомственных следственным органам, позволит устранить конфликт интересов и повысит доверие к экспертным заключениям.

В-четвёртых, необходимо внедрить обязательную оценку допустимости и достоверности экспертного заключения в приговоре суда, с указанием обоснования доверия или отказа от доверия к экспертным выводам. Это усилит контроль за качеством экспертиз и снизит вероятность их использования в ущерб правам обвиняемого.

Наконец, следует расширить обучение судей, адвокатов и следователей в части правовых основ экспертизы и стандартов ЕСПЧ, чтобы повысить уровень правовой культуры и процессуальной осведомлённости всех участников.

Таким образом, соблюдение принципов справедливого разбирательства при использовании судебной экспертизы в делах о коррупции — важнейшее условие укрепления законности, доверия к правосудию и реального противодействия коррупции.

Литература:

1. Кунышева, А. А. Судебно-экономическая экспертиза в расследовании коррупционных преступлений / А. А. Кунышева. — Текст: непосредственный // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. — 2020. — № 3. — С. 1398–1404.
2. Попова, Е. В. Некоторые аспекты назначения судебных экспертиз при расследовании коррупционных преступлений в сфере здравоохранения / Е. В. Попова. — Текст: непосредственный // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2019. — № 5–2. — С. 201–204.
3. Федюнин, А. Е. Проблемы противодействия коррупции в сфере экспертно-криминалистической деятельности / А. Е. Федюнин. — Текст: непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2016. — № 3. — С. 232–236.
4. Полстовалов, О. В. Основания криминалистического исследования коррупции / О. В. Полстовалов. — Текст: непосредственный // Правовое государство: теория и практика. — 2015. — № 1. — С. 114–117.
5. Чеснокова, Е. В. Стандартизация в судебной экспертизе как системная деятельность, препятствующая коррупции / Е. В. Чеснокова. — Текст: непосредственный // Закон и право. — 2019. — № 2. — С. 148–150.

Взяточничество как угроза безопасности человека и государства

Цуркан Анна Викторовна, студент магистратуры
Ростовский филиал Российской таможенной академии

В настоящее время взяточничество является наиболее острой проблемой, затрагивающей как отдельных граждан, так и государство в целом. Взяточничество представляет собой одну из форм коррупции, проявляющаяся в различных областях развития общества и государства, например, таких, как экономика, политика и социальные отношения.

Многочисленные формы проявления и механизмы функционирования взяточничества объединяют в себе различные практики, где основным элементом выступает передача материальных ценностей с целью получения выгоды от должностного лица. Так, можно выделить три основных вида взятки: дача взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве. [3]

Специфика борьбы со взяточничеством заключается в том, что наказание должно производиться не только за получение взятки, но и за действия, которые способствуют взяточничеству. Следует отметить, что необходимо совершенствовать не только правовые аспекты регулирования взяточничества, но и правовую, антикоррупционную культуру в обществе, так как само осознание существующей проблемы уже шаг к ее искоренению. [4]

Современные ученые отмечают, что в ходе исследований влияние взяточничества на социальную составляющую общества становится все заметнее, что в свою очередь приводит к «нормализации» взяток, вместо того чтобы это становилось редким исключением. Вместе с этим можно наблюдать, как коррупция способствует росту социального неравенства и напряженности, поскольку поддерживаются интересы только определенных групп населения, игнорируя потребности большинства. В таких условиях граждане теряют доверие к институтам власти, снижается социальная стабильность. Это все приводит к росту общественного недовольства и потенциальным социальным конфликтам, которые могут угрожать безопасности общества и государства. [5]

Формирование у людей уверенности, что достижение целей зависит не от законного труда, а от неправомερных приемов в виде взятки — это следствие проводимых из раза в раз коррупционных схем взяточников, что в долгосрочной перспективе приводит к повышению уровня маргинализации и преступности населения: факт взятки, особенно на государственном уровне, порождает намерения у людей решать проблемы альтернативными путями, расходящимися с законом. При этом, появляется убеждение, что коррупция — это неотъемлемая часть жизни, которая не поддается изменению. Это мнение становится оправданием для собственных действий, и может передаваться из поколения в поколение, что создает коррупционную культуру, способствующую деградации общества.

Хотелось бы отметить, что, нарушая основополагающие принципы законности и порядка, взяточничество способствует появлению подходящих условий для создания еще более незаконной деятельности, только уже на более высоком уровне, нежели между лицами, не входящими в государственную структуру. Создание еще большего количества коррупционных схем приводит к подрыву эффективности действий правоохранительных органов и распространению организованной преступности, которая поражает все слои общества, в том числе и государственный аппарат, что приводит к стойкой потере уверенности в честности правосудия и наличии возможности защитить свои права и свободы.

В настоящее время борьба с коррупцией имеет первостепенное значение несмотря на то, что некоторые методы

борьбы с ней иногда оказываются недостаточными из-за совершенствования коррупционных схем. Хотелось бы отметить, что именно комплексный подход, направленный на профилактику, выявление и наказание виновных, является главным звеном в системе противодействия коррупции. Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», принятый в Россию в 2008-м году, стал одним из ключевых шагов в этой области. Он определяет основные принципы и механизмы борьбы с коррупцией и кодифицирует действия государственных органов, направленные на устранение взяточничества. Законодательство акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода в борьбе с со взяточничеством, который включает как предупреждающие, так и реактивные меры. [1]

Предупреждающие меры могут представлять собой внедрение антикоррупционной культуры, просвещения граждан, а также повышение квалификации государственных служащих, что позволит снизить уровень антикоррупционных практик с самого основания. Общественная правовая культура играет важную роль в формировании устойчивой негативной реакции на взяточничество. Это включает в себя внесение правок в образовательные программы и повышения осведомленности населения о негативных последствиях коррупции.

Реактивные меры, как правило, обеспечивают выявление, расследование коррупционных дел, а также наказание виновных. Такие способы могут реализовываться только на базе твердого законодательства и качественной работе правоохранительных органов.

Ключевыми элементами комплексной стратегии являются прозрачность и гласность в деятельности государственных органов. Применение таких методов не только способствует информированию граждан о методах работы власти, но и позволяет существенно укрепить доверие между населением и государством. [2]

Подводя итоги, следует отметить, что взяточничество — многогранная и сложная проблема, которая может затрагивать любые области функционирования государства и общества. Разрушительная сила данного вида коррупции, являющимся одним из самых опасных, оказывает влияние на каждого человека, что приводит к появлению опасных групп как внутри государственного управления, так и вне его. Подрыв доверия общества к государству не единственное следствие наличия взяточничества, и чтобы искоренить данное явление необходимо прибегать к комплексному подходу. Только совместными усилиями можно добиться эффективного развития и безопасности, что является необходимым условием для прогресса в жизни и развитии как отдельных граждан, так как государства в целом. Важно помнить, что борьба с коррупцией — это не только задача государственных органов, но и обязанность каждого гражданина.

Литература:

1. Быков, А. В. Комплексный механизм противодействия коррупции в России / А. В. Быков. — Текст: непосредственный // Общество и право. — 2017. — № 3 (61). — С. 90–92.

2. Василевич, Г. Комплексный подход к противодействию коррупции — залог успеха / Г. Василевич, С. Василевич. — Текст: непосредственный // Общество и инновации. — 2020. — № 2. — С. 131–148.
3. Курочкина, А. О. Уголовно-правовая характеристика взяточничества как предмет преступления / А. О. Курочкина. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2023. — № 12 (69). — С. 336–340.
4. Пимкина, Д. О. Коррупция: понятие и виды / Д. О. Пимкина. — Текст: непосредственный // Россия в глобальном мире. — 2021. — № 19 (42). — С. 27–35.
5. Платов, Е. В. Коррупция как социальное явление в обществе / Е. В. Платов. — Текст: непосредственный // Наука. Общество. Государство. — 2019. — № 2 (26). — С. 36–40.

Особенности проведения предварительного расследования преступлений коррупционной направленности

Чернова Ангелина Евгеньевна, студент
Ростовский филиал Российской таможенной академии

В статье рассматриваются особенности проведения предварительного расследований коррупционных преступлений, что актуально в условиях растущего внимания к проблеме коррупции в обществе и необходимости улучшения правоприменительной практики. Автор анализирует ключевые этапы расследования, включая сбор доказательств, проведение допросов и экспертиз. Также внимание уделяется специфике коррупционных преступлений, которые требуют особого подхода и интеграции современных технологий в процесс расследования. Рассматриваются существующие проблемные точки в правоприменительной практике, включая проблемы с координацией действий различных структур и влияние коррупционных схем на эффективность работы правоохранительных органов.

Ключевые слова: предварительное расследование, коррупционные преступления, правоохранительные органы, доказывание, специфика расследования, комплексный подход.

Коррупция — одна из основных угроз современному обществу, подрывающая доверие граждан к власти и институтам гражданского общества. Для борьбы с коррупцией необходимо обеспечить эффективное предварительное следствие преступлений коррупционной направленности, которое позволит выявлять преступления на стадии подготовки к преступлению, пресекать на самых ранних стадиях.

Предварительное следствие играет ключевую роль в раскрытии коррупционных преступлений, так как именно на этапе досудебного процесса собираются улики и доказательства. Осуществление компетентными органами такого следствия требует не только профессионализма сотрудников следственных органов, но и качественной законодательной базы [3].

Предварительное следствие в уголовных делах о коррупции играет ключевую роль в раскрытии и расследовании преступлений данной направленности. Понятие предварительного следствия включает в себя комплекс мероприятий и действий, направленных на сбор и проверку информации, установление обстоятельств преступления, а также выявление и пресечение преступной деятельности в сфере коррупции.

Особенности предварительного следствия в уголовных делах коррупционной направленности связаны с особыми характеристиками этого вида преступлений. Вследствие скрытого и дезинформирующего характера коррупци-

онной деятельности, следственные органы сталкиваются с трудностями при сборе доказательств и выявлении преступного сговора [3]. Необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий, использование сложных методов и технологий, а также взаимодействие с другими службами является неотъемлемой частью процесса предварительного следствия в уголовных делах о коррупции.

Одним из наиболее важных первоначальных действий по делам о коррупционных преступлениях является обыск. По данной категории преступлений часто проводятся групповые обыски на рабочих местах и в жилых помещениях нескольких субъектов коррупционных преступлений. Промедление с обыском может привести к безвозвратной утрате важных доказательств. Однако необходимо установить конкретное время обыска, чтобы исключить сопротивление со стороны коррупционеров и передачу важной информации и сообщений соучастникам [1].

Для осуществления обыска необходима существенная уголовно-процессуальная и тактико-криминологическая подготовка. Процессуальная подготовка предполагает обеспечение соблюдения нормативной базы при проведении обыска. Также в период тактической подготовки органу предварительного расследования предстоит проанализировать все накопленные к этому моменту доказательства и информацию, полученную в результате специальной следственной деятельности. Объем и про-

должительность подготовительных мероприятий зависят от времени, которым располагает на это соответствующие правоохранительные органы [2].

Кроме того, особенности предварительного следствия в уголовных делах о коррупции также проявляются в необходимости защиты информации и материалов расследования от возможных утечек или воздействия со стороны заинтересованных лиц. Обеспечение сохранности доказательств, анонимность свидетелей, выполнение процессуальных и оперативных мер безопасности становятся неотъемлемой частью работы следственных органов в делах коррупционной направленности [4].

Большая часть свидетелей по делам о коррупционных преступлениях становятся известными из материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, другая категория устанавливается в результате проведения специальных следственных действий, третья — устанавливается в процессе осуществления первоначальных следственных действий. Они выделяются, в основном, из категории лиц, обученных служебным отношениям, в связи с которыми имели место коррупционные действия, лиц, информированных о служебной деятельности лиц, занимающих ответственную должность (знакомые, друзья, родственники и т. п.), а также от людей, состоящих в определенных отношениях с коррупционерами (коррупционерами и потенциальными информаторами). Определение тактической схемы допроса свидетелей по делам о коррупционных преступлениях зависит от следующих факторов:

- 1) отношения допрашиваемого к расследуемому преступлению (руководитель или подчиненный коррупционера прямо или косвенно связан с расследуемым преступлением);
- 2) последствия, которые могут наступить для свидетеля в случае дачи им правдивых показаний;
- 3) объем информации, которой располагает свидетель;
- 4) наличие родственных связей с коррупционером;
- 5) оказание воздействия на свидетеля с целью склонить его к сокрытию определенных сведений [5].

В случае коррупционных преступлений допрос этих лиц, конечно, является обязательным. Эта деятельность будет подчиняться следующим тактическим правилам: знание людей, которых следует допрашивать; составление плана допроса и других предварительных мероприятий; установление места, где будет производиться допрос, вызов и доставление лиц, времени, когда это будет осуществляться.

Допрос будет проводиться, прежде всего, по известным тактическим правилам в зависимости от этапов, через которые проходит допрос. Особенно на этапе постановки вопросов необходимо настаивать на выяснении конкретных обстоятельств, при которых были получены деньги, товары, где они были размещены (спрятаны), других конкретных моментов, которые могут доказывать факты и которые могут быть установлены. Необходимо

выяснить, как он познакомился с преступником, как установились отношения, какой у него интерес, возможные предыдущие договоренности (если таковые были) относительно места и времени, когда они должны были встретиться, суммы денег (товаров), которые он должен был передать, характеристики их происхождения. Круг вопросов, подлежащих выяснению в процессе допроса свидетелей, и тактика проведения данного действия зависят от уровня их информированности и взаимоотношений с субъектами коррупционных преступлений [7].

Общие вопросы, которые должны быть выяснены при расследовании места совершения коррупционного преступления, связаны с составными элементами коррупционных преступлений, а именно:

- 1) личность, качество и участие лиц в совершении коррупционных преступлений;
- 2) неправомерные действия и бездействие этих лиц, в том числе связанные с исполнением ими своих обязанностей;
- 3) цель преступной деятельности;
- 4) деньги или выгоды, составляющие предмет преступной деятельности [2].

Процесс осмотра места преступления требует особых физических и умственных усилий, представляя собой деятельность, требующую от ее исполнителей поддержания в течение длительных периодов времени напряженной умственной концентрации. С другой стороны, ненадлежащее ее выполнение может привести к пропуску доказательств и поставить под угрозу результаты. Достижение целей осмотра места преступления требует использования воображения, спонтанности и использования опыта, полученного в этой области, а интерпретация следов и постепенная разработка версий представляют собой непрерывный процесс, идущий параллельно реальному проведению расследования.

Таким образом, понимание особенностей и специфики предварительного следствия в уголовных делах о коррупции является важным аспектом для успешного раскрытия и наказания преступлений данной направленности. Только грамотное и профессиональное проведение следственных действий позволяет добиться результатов в борьбе с коррупцией и обеспечить законности и справедливости [3].

Доказательства играют ключевую роль в предварительном следствии по делам коррупционной направленности, поскольку именно доказательства выступают основой для приговора. Правильная оценка доказательств, выявление их достоверности и достаточности — это важные этапы в расследовании преступлений коррупционной направленности.

Первостепенное значение имеет подготовка источников доказательственных сведений. При расследовании коррупционных дел это могут быть финансовые документы, свидетельские показания, запись переговоров, оперативные данные и другие материалы. Однако важно помнить, что доказательства должны быть законными

и собранными в рамках установленных процедур. Недоступность незаконного получения доказательств может привести к процессуальным нарушениям [5].

Проведение экспертиз и назначение специалистов тоже играют важную роль в делах о коррупционных преступлениях. Экспертные заключения могут быть ключевыми для установления фактов и раскрытия механизмов совершения коррупционных преступлений. Например, финансовая экспертиза помогает выявить незаконное обогащение, а компьютерная — раскрыть каналы передачи денежных средств, которые были получены преступным путем.

Следует отметить, что важным аспектом в расследовании дел коррупционной направленности является также сохранение целостности доказательств. Собранные материалы должны надлежащим образом храниться, чтобы было возможно исключить возможность их утраты, подделки или иного вмешательства в содержательную часть доказательств. Только в случае сохранения доказательств можно гарантировать их релевантность и применимость на стадии судебного рассмотрения дела [3].

Оценка достаточности доказательств — это последний этап перед направлением материалов предварительного следствия в суд. Перед направлением материалов в суд служащие прокуратуры обязаны тщательно и объективно рассмотреть все доказательства, собранные следствием, исходя из их значимости и убедительности. Именно на этом этапе определяется, есть ли достаточное количество сведений о фактах для вынесения законного и обоснованного приговора.

Таким образом, роль доказательств в предварительном следствии по делам коррупционной направленности не может быть переоценена. Данные доказательства выступают основой для раскрытия преступлений коррупционной направленности, а правильный сбор и оценка обеспечивают справедливость и эффективность при противодействии коррупции.

В процессе проведения предварительного следствия в преступлениях коррупционной направленности имеется ряд процессуальных особенностей, которые отличают их от других видов преступлений. Одной из таких особенностей является необходимость особо внимательного и тщательного проведения расследования, поскольку коррупционные преступления часто связаны со сложными схемами и могут иметь международных характер.

При проведении следственных действий в делах коррупционной направленности необходимо учитывать особенности доказывания данного вида преступлений. Часто для установления фактов коррупции требуется анализ большого объема информации, финансовых документов, проведение детальных проверок операций и сделок.

Для успешного завершения следствия по коррупционные преступления также необходимо обеспечить конфиденциальность производимых мероприятий. Иногда работа следственных органов по раскрытию коррупционных схем может сталкиваться с сопротивлением со сто-

роны также заинтересованных лиц, которые могут в силу своего статуса оказывать влияние на ход следствия, что также требует особого внимания к обеспечению безопасности сотрудников и свидетелей в рамках дела [7].

Одним из ключевых моментов при проведении следствия в коррупционные преступления является также обеспечение объективности независимости деятельности следственных органов. Для этого следует избегать давления на следователей со стороны различных структур власти или частных лиц и обеспечить прозрачность всего процесса расследования.

Таким образом, процессуальные особенности проведения следствия в коррупционные преступления требуют высокой квалификации и профессионализма со стороны сотрудников правоохранительных структур, а также строгого соблюдения принципов законности и соблюдения прав граждан. Важно учитывать сложность данного вида преступлений и принимать все необходимые меры для эффективной борьбы с коррупцией в обществе.

Проведение предварительного следствия по делам коррупционной направленности является сложным и многоступенчатым процессом, который сталкивается с различными трудностями и вызовами. Одной из основных проблем, с которой сталкиваются правоохранительные органы, является отсутствие сотрудничества со стороны самого обвиняемого или соучастников по делу. Коррупционные преступления часто совершаются с участием высокопоставленных должностных лиц, что затрудняет доступ к сбору доказательственной базы.

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются следователи, является отсутствие прозрачности и открытости во время проведения следствия. В силу своей специфики, коррупционные дела часто оказываются скрытыми и требуют тщательного анализа финансовых потоков, документации и других материалов. Недостаток информации отказ в сотрудничестве со стороны подозреваемых создает серьезные проблемы в сборе улик и доказательств [3].

Кроме того, следователям приходится сталкиваться с трудностями в обработке больших объемов информации и данных о преступлениях. Коррупционные схемы часто сложны и запутаны, требуют тщательного анализа и длительного времени для выявления всех участников и пособников в рамках одного дела, что в целом достаточно проблематично в силу сжатых сроков предварительного следствия. Это создает дополнительные вызовы для следствия и требует высокой квалификации у правоохранительных органов.

Наконец, следователям также необходимо учитывать риск давления со стороны коррумпированных элементов общества, которые могут пытаться препятствовать следствию или выдавать доказательства, которые являются подложными. Угрозы давления могут затруднять проведения следствия и представлять опасности для сотрудников правоохранительных органов.

В целом, проведение предварительного следствия по делам коррупционной направленности является сложным

и непростым процессов, который требует высокой квалификации, профессионализма и настойчивости от сотрудников осуществляющих предварительное следствие. Для успешного раскрытия коррупционных преступлений необходимо преодолеть указанные трудности и вызовы, сосредоточившись на эффективном сборе доказательств, выявлении участников и пресечении давления со стороны коррумпированных структур [4].

Предварительное следствие играет ключевую роль в борьбе с коррупцией, особенно в случаях, когда преступления имеют коррупционную направленность. Этот этап криминалистического процесса представляет собой важную стадию, на которой собираются доказательства, устанавливаются факты и выполняется анализ информации, необходимой для успешного расследования преступлений коррупционной направленности.

Одним из основных значений предварительного следствия в борьбе с коррупцией является возможность своевременного выявления совершенных преступлений и предотвращения дальнейшего распространения коррупции. Благодаря правильному анализу финансовых потоков, свидетельских показаний и других доказательств, правоохранительные органы имеют возможность оперативно реагировать на коррупционные действия и пресекать их [7].

Другим важным аспектом значимости предварительного следствия является возможность выявления коррупционных схем и структур, которые могут быть скрыты и сложны для раскрытия. Благодаря глубокому анализу и изучению финансовых транзакций, связей между лицами и других ключевых элементов, следователи могут выявить механизмы коррупции и выстроить стратегию для их разрешения.

Еще одним важным аспектом значимости предварительного следствия для борьбы с коррупцией является возможность наказания виновных лиц и восстановления ущерба, нанесённого обществу коррупционными действиями. Благодаря правильному проведению следственных действий и сбору достаточных доказательств, суд вправе вынести справедливый приговор по делам коррупционной направленности и применить к лицам наказание в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, предварительное следствие играет значительную роль в борьбе с коррупцией, обеспечивая выявление, расследование и пресечение коррупционных преступлений. Правильное проведение следствия позволяет не только наказывать преступников, но и предотвратить дальнейшее распространение коррупции, что способствует развитию справедливого и законного общества.

Литература:

1. Абрамова Н. Г., Босак Е. Е. О противодействии расследованию особо учитываемых преступлений, совершенных осужденными в местах лишения свободы // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 2.
2. Аверкин С. Д. Организационные и тактические аспекты деятельности следователя при расследовании пенитенциарных преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 3.
3. Георгита М. Трактат по судебно-медицинской методологии. 1-е изд. Кишинёв: КЭП УСМ, 2015. 532 с.
4. Кампос Н., Энгель Э., Фишер Рэнд., Галето-вич А. Пути коррупции в инфраструктуре: Уроки дела Одебрехта // Журнал экономических перспектив. 2021. № 35. С. 171–190.
5. Лимпинский Ф. В. практика взаимодействия следователя СК России с оперативными подразделениями ФСИН России при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами учреждений уголовно-исполнительной системы, и пути ее совершенствования // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 5 (46).
6. Руренко А. В. Профессиональное мастерство следователя по использованию методик раскрытия преступлений коррупционной направленности // Базис. 2023. № 2 (14).
7. Садыкова Э. В. Особенности проведения предварительного расследования по делам о коррупционных преступлениях // Юридическая наука. 2024. № 7.

Проблемы квалификации состава кражи

Чинкова Анастасия Николаевна, студент

Научный руководитель: Чиняков Олег Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

Согласно изучению правовой статистики состав кражи занимает значительный процент от общего числа преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации. Несмотря на это в теории все еще существует множество правовых проблем, связанных с квалификацией настоящего состава преступления: по отношению к имуществу после окончания кражи; порядок установления значительного ущерба; критерии пределов жилого помещения, а также ряд

иных теоретических и практических вопросов. На основе проведенного исследования делаются соответствующие выводы о необходимости изменения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: кража, хищение, тайна, имущество, денежные средства, проблемы.

Problems of qualification of the theft composition

Chinkova Anastasia Nikolaevna, student

Scientific advisor: Chinyakov Oleg Evgenyevich, candidate of historical sciences, associate professor

National Research Mordovian State University named after N. Ogarev (Saransk)

According to the study of legal statistics, theft accounts for a significant percentage of the total number of crimes committed on the territory of the Russian Federation. Despite this, there are still many legal problems in theory related to the qualification of the present corpus delicti: in relation to property after the theft; the procedure for determining significant damage; criteria for the limits of residential premises, as well as a number of other theoretical and practical issues. Based on the conducted research, relevant conclusions are drawn about the need to amend the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: theft, embezzlement, secrecy, property, money, problems.

На данный момент в теории существует множество проблемных вопросов квалификации кражи, в частности следует отметить, что особую трудность вызывает установление общественной угрозы совершенного деяния по отношению к имуществу в уже оконченном составе кражи. К примеру, если лицо осуществляет кражу автомобиля и впоследствии совершает уничтожение чужого имущества, либо каким-либо иным образом причиняет ему существенный вред, то дополнительной квалификации по соответствующей статье по своей сути возникать не должно, так как лицо распоряжается похищенным имуществом.

То есть, состав кражи будет поглощать иные составы Уголовного кодекса Российской Федерации связанные с повреждением имущества, при этом говорить о нарушениях принципа справедливости в данном случае нельзя. Потерпевшее лицо в любом случае может подать гражданский иск на виновное лицо на сумму кражи.

Еще одним проблемным вопросом квалификации кражи является совершение настоящего преступления организованной группой в том случае, когда лицо фактически не осознает организованный характер данной группы, либо выступает субъектом, не уведомленным о предварительных договоренностях других участников группы. В таком случае, в теории возникает дискуссия относительно того, следует ли вменять признак организованной группы или нужно исходить из субъективных критериев — то есть осознания нахождения лица в организованной группе. Законодатель на данный момент идет по упрощенной практике, если среди участников будет установлена организованная группа, то и лицо привлекается к ответственности по соответствующему квалифицированному составу ст. 158 УК РФ без фактической оценки его субъективной стороны.

Следующим дискуссионным вопросом на практике является хищение имущества, лишь условно находящегося в жилом помещении без непосредственного проник-

новения лица в указанное помещение. К примеру, материальная собственность находится на внешнем карнизе окна и имеет абсолютно свободный доступ для виновного лица. Если исходить из позиции постановления Пленума Верховного Суда, то проникновение может происходить без вхождения в соответствующее помещение, однако критерии что будет являться помещением, а что нет в законе отсутствуют. По нашему мнению, необходимо исходить из местонахождения имущества и сложности доступа к нему со стороны окружающих лиц, то есть нахождение предмета на карнизе окна не является жилым помещением и соответственно рассматриваться как кража и жилого помещения не может в том числе если предмет был прикреплен на внешнюю сторону окна.

Трудности возникают при установлении значительного ущерба по составу кражи, необходимо отметить, что признак значительности является крайне дискуссионным там и оценочным по своей сути зависящим не от общественной опасности совершенного деяния, а от материального состояния потерпевшего лица. Законодатель установил критерии что значительный ущерб не может быть менее 5000 рублей, однако совершение тайного хищения в отношении одного и того же имущества, может быть расценена как кража с причинением значительного ущерба, так и мелкое хищение. По нашему мнению, сформированная практика зависимости значительного ущерба от материального состояния потерпевшего совершенно недопустима, поскольку в случае тайного характера кражи виновное лицо может даже и не предполагать о наличии у последнего денежных средств.

В том числе вызывает вопросы и размер указанной суммы, последние тенденции, связанные с высоким уровнем инфляции денежных средств на территории Российской Федерации, негативным образом влияют на самые бедные слои населения, тем самым повышая общественную опасность указанного преступления. По нашему мнению, значительность не должна оцениваться от мате-

риального достатка напрямую, а зависеть в первую очередь от осознания лица совершающего кражу в возможности причинения значительного материального ущерба. Если лицо совершает кражу у пенсионера с низким достатком, даже если эта сумма не превышает 5000 рублей, но является основой жизни данного лица, то в таком случае следует говорить о значительности кражи.

Еще одним актуальным критерием является фактор малозначительности совершенного деяния. На данный момент лицо не привлекается к уголовной ответственности если сумма похищенного не превышает 1000 рублей, по нашему мнению, это допустимо если кража совершается в отношении свободно лежащего имущества, к примеру в магазине. Но если лицо совершает кражу с проникновением в жилое помещение или из одежды потерпевшего,

говорить о малозначительности в целом нельзя, поскольку лицо желало получить имущество, представляющее значительную ценность, но по независящим от него обстоятельствам (например, кража карты без денег на счету) не смогло получить указанные материальные ценности.

Поэтому в субъектах Российской Федерации по-разному решают вопрос о малозначительности. Мы предлагаем при определении малозначительности также исходить из минимального размера оплаты труда, установленного законодательством, или размера прожиточного минимума. Например, малозначительным деянием признать кражу, мошенничество, присвоение и растрату, если сумма похищенного не превышает одну десятую часть размера минимальной оплаты труда или, как вариант, минимального прожиточного минимума.

Литература:

1. Довбня П. А. проблемы квалификации кражи / П. А. Довбня, С. А. Корягина // Студенческий. — 2020. — № 15–3(101). — С. 36–41.
2. Кузнецов Д. Ю. Актуальные проблемы квалификации кражи с квалифицирующими признаками / Д. Ю. Кузнецов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2020. — № 3(84). — С. 30–33.
3. Мурзина А. А. Проблемы квалификации кражи / А. А. Мурзина // Научный электронный журнал Меридиан. — 2021. — № 3(56). — С. 94–96.
4. Петрова В. С. Основные проблемы квалификации кражи / В. С. Петрова // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов / Редколлегия: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. Том 10. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2020. — С. 178–181.

Юридическая ответственность судьи за вынесение неправосудного решения

Чуйкова Ксения Артемьевна, студент;

Зубова Елизавета Максимовна, студент

Научный руководитель: Овчинникова Наталья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются вопросы юридической ответственности судей за вынесение неправосудных решений в контексте уголовного законодательства РФ. Анализируются объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, а также сложности его отграничения от дисциплинарного проступка и судебной ошибки. Предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики для обеспечения защиты прав граждан и укрепления авторитета судебной власти.

Ключевые слова: юридическая ответственность судьи, неправосудное решение, статья 305 УК РФ, судебная ошибка, правосудие.

Вопросы отправления правосудия и защиты прав и свобод граждан являются приоритетными в любом демократическом обществе. Судебная власть, олицетворяя собой гарантию законности и справедливости, призвана обеспечивать не только разрешение споров, но и защиту от произвола, в том числе и со стороны государства. Однако важно понимать, что любой

механизм, реализуемый человеческими ресурсами, в частности в области защиты прав и свобод личности, может давать сбои, которые проявляются в вынесении неправосудных решений. В связи с этим, вопросы юридической ответственности судьи за подобные деяния приобретают особую актуальность и требуют тщательного анализа.

Правовые основы деятельности судей в Российской Федерации закреплены в Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законах. В частности, Закон РФ от 26 июня 1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» устанавливает гарантии независимости судей, их права и обязанности, а также основания для привлечения к дисциплинарной и уголовной ответственности [1].

Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта предусмотрена статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) [2]. Данная статья является одной из самых дискуссионных в главе о преступлениях против правосудия, что обусловлено сложностью доказывания состава преступления, бланкетностью диспозиции и неоднозначностью толкования ряда признаков.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность суда, авторитет судебной власти. Дополнительным объектом могут выступать права и законные интересы граждан и организаций, нарушенные неправосудным судебным актом. Важно отметить, что деяние посягает на конституционные принципы деятельности суда, такие как законность, равенство всех перед законом и судом, обеспечение доказанности вины, состязательность сторон.

Объективная сторона преступления выражается в вынесении судьей (судьями) заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта. При этом под неправосудным понимается судебный акт, который не соответствует фактическим обстоятельствам дела и противоречит требованиям закона. Т. О. Кашаева отмечает, что «неправосудность вынесенного решения по итогам рассмотрения дела в суде означает лишь наличие существенного нарушения материального или процессуального законов» [3, с. 83].

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Судья должен сознавать, что выносит неправосудный судебный акт, и желать этого. Мотивы и цели совершения преступления при этом не влияют на квалификацию, но могут учитываться при назначении наказания.

Субъект преступления специальный — судья (судьи), осуществляющие правосудие. При этом не имеет значения, в суде какой инстанции (первой, апелляционной или кассационной) вынесен неправосудный судебный акт, а также отраслевая принадлежность дела (уголовное, гражданское, административное, арбитражное). Важно отметить, что не могут быть субъектами присяжные заседатели (которые в процессе судопроизводства выполняют обязанности судей).

Квалифицирующие признаки преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 305 УК РФ, — вынесение заведомо неправосудного приговора суда к лишению свободы или повлекшее иные тяжкие последствия. Под иными тяжкими последствиями понимаются, например, самоубийство по-

терпевшего или покушение на него, его психическое или иное заболевание, разорение семьи потерпевшего вследствие банкротства предприятия, причинение ущерба государству или муниципальному образованию в особо крупном размере.

Практика привлечения судей к уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ немногочисленна. Это обусловлено рядом факторов, среди которых сложность доказывания прямого умысла, высокая степень защиты судейского статуса, а также корпоративная солидарность судейского сообщества. Показательным является пример из судебной практики — Приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 5 сентября 2017 г. в отношении бывшего мирового судьи Л., который был осужден по ч. 1 ст. 305 УК РФ за вынесение заведомо неправосудного решения по гражданскому делу [4]. В данном деле суд установил многочисленные нарушения процессуального законодательства, допущенные судьей при рассмотрении дела, свидетельствующие о предвзятом отношении к одной из сторон и игнорировании доказательств, представленных другой стороной.

Сложность доказывания умысла является ключевой проблемой при применении ст. 305 УК РФ. Необходимо установить, что судья сознательно нарушил закон, пренебрег очевидными фактами, искажил доказательства. При этом недостаточно установить лишь факт отмены или изменения судебного акта вышестоящей инстанцией. На наш взгляд, важно сперва доказать, что судья знал о неправосудности своего решения. На практике это сделать крайне сложно, поскольку судья может ссылаться на добросовестное заблуждение, неправильное толкование закона, неверную оценку доказательств.

Еще одним примером из судебной практики делиться Н. И. Верченко и П. С. Метельский (Кассационное определение Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 2 марта 2010 г. № КАС 10–65 по уголовному делу в отношении С-го), где суд кассационной инстанции отменил приговор в отношении судьи, осужденного за вынесение заведомо неправосудного решения, указав на отсутствие доказательств прямого умысла в действиях судьи и наличие оснований полагать, что допущенные нарушения процессуального законодательства явились результатом добросовестного заблуждения [5, с. 96].

Как показывает судебная практика, необходимым условием для признания в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, является «заведомость» и «неправосудность» судебного акта, постановленного с существенным нарушением как материального, так и процессуального законов, влияющим на разрешение дела по существу и препятствующим доступу граждан к правосудию за защитой своих личных, имущественных и других прав.

Особую сложность представляет отграничение преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, от дисциплинарного проступка или судебной ошибки. Судебная ошибка может быть допущена вследствие недостаточной квалификации судьи, небрежности, невнимательности,

неправильной оценки доказательств. В таких случаях отсутствует прямой умысел, что исключает уголовную ответственность.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» [6] разъяснено, что судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за сам факт принятия незаконного или необоснованного судебного акта в результате судебной ошибки, явившейся следствием неверной оценки доказательств по делу либо неправильного применения норм материального или процессуального права.

Представляется, что для разграничения преступления и судебной ошибки необходимо учитывать: наличие прямого умысла (т. е. судья должен сознавать, что выносит неправосудный акт, и желать этого), существенность нарушения закона (нарушение должно быть грубым, очевидным и влияющим на исход дела), мотивы совершения деяния (из корыстных или иных личных побуждений, при этом судебная ошибка является лишь результатом добросовестного заблуждения), а также последствия деяния.

Вместе с тем предполагаем, что предметом преступления следует признать именно неправосудный судебный акт (приговор, решение, определение или постановление). Такой подход к пониманию предмета обуславливает прежде всего необходимость выяснения содержания термина «неправосудный», который имеет межотраслевой характер.

Также предлагаем признать, что «для признания судебного акта неправосудным необходимо, чтобы его неправосудность была предварительно подтверждена вышестоящей судебной инстанцией».

В то же время, учитывая достаточно большое количество законодательных актов, регламентирующих деятель-

ность судебных органов по осуществлению правосудия в государстве, их изменчивость, предметное и процедурное разнообразие, неоднородность используемой в них юридической терминологии, считаем целесообразным закрепить в ч. 1 ст. 305 УК родовое понятие «неправосудный судебный акт» для обозначения предмета исследуемого преступления.

При этом само понятие «неправосудности решения» необходимо разработать и закрепить законодательно. Для этого предлагается пересмотреть и проанализировать разные подходы к определению: «Неправосудность приговора, решения или иного судебного акта означает в юридическом смысле несоответствие судебного акта (в любой его части) фактическим обстоятельствам юридического конфликта, подлежащего судебному разрешению, выраженное в неправильном применении судом норм материального и (или) процессуального права, назначении наказания, не соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления», как пишет Н. И. Верченко, ссылаясь на А. В. Титову.

Таким образом, необходимо дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере привлечения судей к ответственности за вынесение неправосудных решений. Это позволит обеспечить надлежащую защиту прав и свобод граждан, укрепить авторитет судебной власти и повысить доверие общества к правосудию. Представляется, что только комплексный подход, включающий разработку четких критериев отграничения преступления от судебной ошибки, повышение квалификации судей, совершенствование механизмов контроля за их деятельностью, а также повышение ответственности за нарушение закона, позволит эффективно бороться с вынесением неправосудных решений и обеспечивать реализацию принципа справедливости в правосудии.

Литература:

1. Закон РФ от 26 июня 1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. — 1992. — № 170; Российская юстиция. — 1995. — № 11.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; Российская газета. — 1996. № 113.
3. Кошаева, Т. О. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта // Журнал российского права. 2007. № 3 (123). С. 83.
4. Приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 5 сентября 2017 г. // Московская городская коллегия адвокатов. URL: <https://advokat15ak.ru/приговор-по-статье-305-ук-рф-вынесение-за/> (дата обращения: 09.05.2025).
5. Верченко Н. И., Метельский П. С. Уголовная ответственность за заведомо неправосудные приговор, решение или иной судебный акт // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2020. № 3. С. 96.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Российская газета. — 2016. — № 90; Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 6.

Возможность временного ограничения выезда руководителя организации-должника из Российской Федерации при взыскании с него убытков в рамках исполнительного производства

Юмачикова Валерия Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Михалева Дарья Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

В статье исследуется необходимость внесения изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» в отношении установления мер ограничения выезда с территории Российской Федерации для руководителей организаций-должников. Проведен сравнительный анализ законодательства России, Казахстана, Беларуси в указанной области.

Ключевые слова: исполнительное производство, руководитель организации, должник, Постановление Пленума ВС РФ, суд, требование, ограничение выезда, изменение законодательства, взыскание убытков.

Согласно ст. 67 ФЗ «Об исполнительном производстве», судебный пристав-исполнитель может ограничить в выезде за пределы РФ только должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя.

При этом, согласно итоговому докладу о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов, в 2024 году в территориальные органы ФССП России для принудительного исполнения поступило 72,3 млн исполнительных документов (в 2023 году — 71 млн). Какое именно количество исполнительных документов предъявлено в отношении юридических лиц, не указано, однако сумма, взысканная в пользу различных категорий взыскателей, составила 1,3 трлн руб., в том числе в пользу физических лиц — 209,7 млрд руб., в пользу юридических лиц — 607,1 млрд руб.

Согласно теории фикции юридического лица, оно представляет собой искусственную конструкцию, которая является самостоятельным субъектом правовых отношений, но фактически за действиями юридического лица всегда стоят конкретные физические лица. Очень часто статус юридического лица недобросовестно используется в качестве щита — именно для того, чтобы избавить этих физических лиц от ответственности за действия, нарушающие права и интересы других лиц. На этом основании нередко возникает проблема исполнения исковых требований кредиторов при взыскании средств с юридических лиц, если компанию начинают «бросать».

В 2024 году на практике был выделен новый вид убытков — корпоративные, в том числе произошло разделение на корпоративные и кредиторские убытки. Верховный суд в деле № А40–169761/2018 разграничил эти термины, выделил особенности и указал общее правило для разграничения убытков: значение имеет то, чей имущественный интерес нарушен [1]. В отличие от субсидиарной ответственности, которая всегда направлена на погашение требований кредиторов, при корпоративных убытках прямым выгодоприобретателем выступают акционеры должника, при кредиторских — сообщество кредиторов.

На самом деле, Верховный суд привел практику к единообразию, ведь и ранее суды взыскивали с недобро-

совестных руководителей именно убытки, не прибегая к субсидиарной ответственности.

Например, в деле № А56–23377/2019 директор не заботился о сохранности документов о сделках с контрагентами и не пытался взыскать просроченный долг [2]. Суд посчитал такое бездействие противоправным, поскольку в результате компания не получила оплату, и взыскал сумму убытков с директора; сумма убытков равна сумме невзысканного долга.

В другом деле компанию оштрафовали более чем на три миллиона рублей за нарушение валютного регулирования (ч. 4 ст. 15.25 КоАП), оспорить штраф не удалось. Конкурсный управляющий потребовал взыскать установленную сумму с директора. Суд встал на сторону конкурсного управляющего и признал недобросовестное и неразумное бездействие директора: тот должен был проверить правильность перевода денег (презумпция вины) (дело № А53–37386/2019) [3].

В деле № А55–5716/2023 фирма-производитель поставила в Швейцарию несколько тысяч тонн раствора аммиака по заниженной цене. Экономия иностранного покупателя составила более 3,8 млрд руб. [4]. Их и потребовал взыскать с директора конкурсный управляющий. Суд взыскал с директора сумму убытков, равную сумме скидки [5].

Как было указано выше, при взыскании корпоративных убытков прямым выгодоприобретателем выступают акционеры должника, то есть речь необязательно должна идти о субсидиарной ответственности и директор может исполнять обязанности в компании.

В данном случае и при наличии такой судебной практики предлагается внести изменения в часть 1 статьи 67 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и установить ограничение на выезд за пределы территории РФ не только должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, но и руководителя организации, а также принимать указанное ограничение и в рамках обеспечительных мер.

По нашему мнению, указанная норма будет эффективна при наличии любых исполнительных производств

с участием организации-должника. Мотивация руководителя организации-должника будет намного выше, нежели при наличии у него возможности скрыться за «щитом» юридического лица.

Повышение мотивации руководителей организаций-должников — не только при наличии требований в отношении их самих, но и в целом при исполнении требований в отношении иных кредиторов, — будет способствовать принятию иной стратегии развития их компаний, а в случаях снижения эффективности бизнес-процессов — антикризисных мер с целью увеличения активов и капитала, за счет которых будет происходить исполнение требований кредиторов.

Данное исследование освещает лишь малую толику проблем неисполнения судебных решений. В настоящее время учащаются случаи использования «корпоративной вуали» не только учредителями, но и исполнительным органом компаний, причем вред наносится их учредителям.

Сравнив данные аспекты национального законодательства России с законодательством иных стран, отметим: при отсутствии соответствующей судебной прак-

тики возможность ограничить право на выезд за пределы страны предусмотрена в национальном законодательстве Республики Казахстан и Республики Беларусь.

Так, например, в статье 33 закона Республики Казахстан «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» установлено: «Судебный исполнитель обязан вынести постановление о временном ограничении на выезд физического лица, руководителя (исполняющего обязанности) юридического лица, являющегося должником, из Республики Казахстан в случаях неисполнения...».

В законе Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» также предусмотрена мера обеспечения исполнения исполнительного документа в виде временного ограничения права должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, и должностных лиц должника — юридического лица на выезд из страны.

И хотя эта мера кажется суровой, предполагается, что такой подход позволит улучшить показатели исполнения судебных актов. Кроме того, такое изменение должно быть осуществлено системно.

Литература:

1. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС23-22266 от 28 марта 2024 г. по делу № А40-169761/2018. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d475bffe-4c58-41fdb593-f347b3bba9c5>
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А56-23377/2019. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/67300e7a-a652-4288-8457-f2f734486324>
3. Постановление Пятнадцатого Арбитражного Апелляционного суда по делу № А53-37386/2019. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b3eb9c61-5b23-4e61-9630-c329e25cb8db>
4. Постановление Одиннадцатого Арбитражного Апелляционного суда по делу № А55-5716/2023. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e88fc1ee-aba7-47c8-ae5a-d9a7b98ad8ab>
5. Козлов, А. Корпоративные убытки: за что могут наказать директора / А. Козлов. — Текст: электронный // Право. ру: [сайт]. — URL: <https://pravo.ru/story/254343/> (дата обращения: 29.04.2025).

ИСТОРИЯ

Отчеты Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области Трушина А. А. как исторический источник

Амелина Татьяна Владимировна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье исследуются отчеты Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области Трушина А. А. как исторический источник. Автор делает вывод о том, что указанные отчеты помогают составить правильное впечатление о целом ряде аспектов взаимоотношений органов советской власти с епископатом. Среди них — интересные и важные факты, характеризующие религиозную обстановку в Москве и Московской области, о возобновлении работы церквей, количестве прихожан, священников, о работе религиозных учебных заведений, об экономике церковного хозяйства, о деятельности сект и т. д.

Ключевые слова: Москва, Московская область, отчеты, Русская православная церковь, Совет по делам Русской православной церкви, уполномоченный, А. А. Трушин.

В годы Великой Отечественной войны наступает новый период в истории взаимоотношений советского государства и Русской православной церкви (РПЦ). Именно в этот период советское государство, по сути, признает важную роль Церкви в борьбе с внешним врагом, а также начинает взаимодействовать с церковными институтами на постоянной основе. Особенно знаковой оказалась дата 4 сентября 1943 года, когда произошла встреча Председателя Государственного комитета обороны СССР И. Сталина с тремя митрополитами Сергием (Старогородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). Итогом этой встречи стало разрешение на проведение Поместного Собора и выборов Патриарха, возобновление работы церквей и духовных семинарий.

Различные аспекты взаимоотношений и взаимодействия государства и церкви в этот период активно изучаются в современной исторической науке [12] [14] [15]. Одним из следствий интереса к данной теме стала активная публикация источников, раскрывающих важные аспекты данной темы [7].

Однако, целый комплекс важных исторических источников долгое время был практически не востребован историками и только в последнее время стал вводиться в научный оборот. Это — отчеты уполномоченных Совета по делам РПЦ при Совете народных комиссаров (СНК) — Совете министров СССР. Совет по делам РПЦ — это государственный орган с особыми полномочиями, занимавшийся вопросами взаимодействия советских органов власти с институтами Русской Православной Церкви.

В республиках, областях и краях СССР был сформирован аппарат данного Совета в лице уполномоченных Совета по делам РПЦ для взаимодействия Совнаркомов союзных и автономных республик и Обл(Край)Исполкомах с епископом местной епархии.

Конкретные уполномоченные в различных республиках, областях и краях СССР исполняли на местах функции Совета, принимали «всякого рода заявления, как от духовенства, так и от верующих» и формировали отчеты о своей деятельности. В настоящее время эти отчеты находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде Совета по делам религий при Совете министров СССР (ф. Р-6991, оп. 1, 2, 5, 6, более 13000 дел). По оценке О. Н. Копыловой «из более чем 13 тыс. дел примерно 8 тыс. (63 %) — информационные отчеты уполномоченных. Половина их (около 4 тыс. единиц хранения, составляющих опись 5) находится в настоящее время на спецхранении и не доступна исследователям» [9, с. 64]. Отчеты также хранятся в ряде других архивов, в том числе и в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО).

Данные отчеты — огромный пласт документов освещающих церковную жизнь и взаимоотношения Церкви и государственных учреждений СССР в период с 1943 по 1990 годы. Общую характеристику этих отчетов как исторического источника дала О. Н. Копылова в статье «Отчеты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви как источник по изучению истории Русской Церкви во 2-й половине XX столетия» [9, с. 64].

Однако изучение этих источников только начинается, большая часть из них еще ждет своего исследователя.

В данном контексте анализ отчетов конкретных уполномоченных по конкретным республикам, областям и краям СССР может быть очень интересным и важным, позволяющим выделить особенные черты взаимодействия Совнаркомов союзных и автономных республик и Обл(Край) Исполкомах с местным епископатом, о росте религиозного сознания отдельных граждан. Примером подобных исследований может служить статья В. В. Никонова «Отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по Г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозных практик москвичей в 1944–1946 годах» [10].

В настоящей статье мы остановимся лишь на анализе отчетов Уполномоченного по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области А. А. Трушина. Алексей Алексеевич Трушин уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК (Совете Министров) СССР по Москве и Московской области с декабря 1943 года. С 1966 года он занимает пост Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Московский области. На этом посту он остается до 1984 года. По данным приведенным в упомянутой статье В. В. Никонова до назначения уполномоченным А. А. Трушин являлся (и продолжал оставаться им и после назначения на должность) сотрудником Управления НКВД-НКГБ [10, с. 169].

Отчеты о его деятельности, которые составлялись им 40 лет (1944–1984) в настоящее время хранятся в описи 1 фонда 6991 (Совет по делам религий при Совете министров СССР. 1943–1991) ГАРФ и дублируются в описях 1 и 3 Фонда 7383 (Отдел по связям с религиозными организациями) в ЦГАМО. В настоящей статье мы сосредоточимся на анализе документов, содержащихся именно в описях 1 и 3 Фонда 7383 в ЦГАМО.

В описи 1 фонда 7383 в настоящее время хранятся 73 дела. Крайние даты документов — 1944–1963 годы. Среди дел — циркуляры и распоряжения Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР, информационные и инструктивные письма, докладные записки, планы работ уполномоченного Совета по делам религий.

В описи 3 фонда 7383 хранятся 225 дел. Крайние даты документов — 1938–1999. Среди дел — планы работ и мероприятий аппарата Уполномоченного, доклады по вопросам деятельности, статистические отчеты, заявления и жалобы верующих, переписка о деятельности религиозных объединений.

Изначально отчеты Уполномоченного делались ежеквартально и назывались «Докладными». Первая такая докладная была сформирована по результатам работы Уполномоченного в первом квартале 1944 года.

Примером содержания такой докладной может служить «Докладная о состоянии, положении и деятельности Русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в 1-м квартале 1945 года» [1, лл. 5–20] составленная А. А. Трушиным для Председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР товарища Карпова. В данной докладной приводится информация о ходе рас-

смотрения заявлений об открытии церквей в районах области. А. А. Трушин отмечает, что число таких заявлений (с остатком от 1944 года) достигло 50. За первый квартал 1945 года им было рассмотрено 21 заявление, из них по 12 заявлениям ходатайство было отклонено, по одному удовлетворено, 7 заявлений было снято с рассмотрения по разным причинам и по 1 заявлению подписано заключение на открытие и направлено в Совет на решение.

За этот же период было рассмотрено заявлений / жалоб верующих 49, из них отклонено 32, удовлетворено 6, снято с пересмотра в связи с отходом некоторых районов других областям — 4 и написано заключение на открытие 7, они же направлены в Совет на решение. Еще 59 жалоб / заявлений за отчетный период не рассмотрено из-за того, что для «отказа нет основательных мотивов, так как в основном ходатайство заблуждается об открытии церквей незакрытых решениями Советских органов, здания церквей свободны, в районе действует от 3 до 6 церквей, близлежащие из которых рассоложены от 15 до 30 километров» [1, л. 6].

Также в Докладной указывается, что по состоянию на 1 апреля 1945 года в области функционирует 145 церквей, увеличение действующих произошло за счет 7 открытых, при этом зарегистрировано служителей религиозного культа 201 человек, из них священников 179, дьяконов 16 и псаломщиков 6 [1, л. 8].

К Отчету приложены статистические приложения:

— «Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также и недействующих церковных зданиях русской православной церкви по гор. Москве на 1 апреля 1945 года» [1, лл. 14–15];

— «Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также и недействующих церковных зданиях русской православной церкви по Московской области на 1 апреля 1945 года» [1, лл. 16–18];

— «Сведения о духовенстве по гор. Москве на 1 апреля 1945 года» [1, л. 19];

— «Сведения о духовенстве по области на 1 апреля 1945 года» [1, л. 20].

Данная структура была не произвольной, но обусловленной требованиями «Инструкции Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме Союза ССР для уполномоченных Совета при СНК союзных и автономных республик и при обл [астных] (кра [евых]) исполкомах» [8], утвержденной на заседании Совета по делам Русской православной церкви 5 февраля 1944 г.

Анализ имеющихся «Докладных» Уполномоченного А. А. Трушина за другие периоды позволяет утверждать, что их структура сохраняется более или менее неизменной сначала до 1954 года когда они трансформировались в «Доклады» и далее вплоть до 1966 года, когда они стали называться «Отчетами». Однако, при этом в приложениях к «Докладным» появляются новые таблицы, к примеру:

— «Сведения о числе возбужденных в 3-м квартале 1945 года по Московской области ходатайств об открытии церквей» [1, лл. 65–66];

— «Сведения о числе заявлений (жалоб), возбужденных в III-м квартале на Решения Исполкома Мосоblasовета по отклоненным ходатайствам об открытии церквей по Московской области» [1, лл. 67–68];

— «Сведения о числе заявлений (жалоб), возбужденных в III-м квартале на Решения Исполкома Мосоblasовета по отклоненным ходатайствам об открытии церквей по гор. Москве» [1, л. 69].

Появление новых статистических таблиц объясняется тем, что «в августе 1945 г. Совет по делам Русской православной церкви разослал уполномоченным Совета новый вариант «Инструкции», в которой более детально перечислялись аспекты, которые должны были быть отражены уполномоченными в их информационных докладах» [9, л. 65].

Всего таких отчетных документов с 1944 по 1965 год было сформировано не менее 88.

В 1966 году полугодовые «Доклады» были заменены ежегодными «Отчетами». Примером содержания таких документов может служить «Годовой информационный отчет о работе уполномоченного в 1966 году» [3, л. 55]. Данный отчет уже существенно больше ранее заполняемых «Отчетов» (56 листов против 15–20), что объяснимо, так как в нем аккумулировалась информация за год, а не за квартал. Состоит отчет из следующих разделов:

Прембула. «О положении и деятельности религиозных организаций на территории Московской области за 1966 год» [3, л. 2].

1. «Общая характеристика состояния религиозных объединений в области» [3, лл. 2–5];

2. «Мероприятия и результаты по осуществлению контроля за выполнением законодательства о культах» [3, лл. 5–19];

3. «Деятельность религиозных объединений» [3, лл. 19–43]. Данный раздел был разделен на следующие подразделы:

3.1. «Посещаемость церквей и молитвенных домов, их доходы и расходы»;

3.2. «Религиозные и гражданские обряды»;

3.3. «Незаконная деятельность баптистов «т.н. инициативников». Незарегистрированные сектантские группы»;

3.4. «Незаконная деятельность православных священников Эшлимана и Якунина»;

3.5. «Деятельность Троице-Сергиевской лавры»;

3.6. «Деятельность духовных учебных заведений»;

3.7. «Проповедническая деятельность»;

4. «Рассмотрение жалоб и заявлений. Прием посетителей» [3, лл. 44–45].

Такая структура, в целом соответствует структуре ежегодных отчетов других Уполномоченных, которые в целом характеризуются наличием «сведения о религиозных объединениях, о религиозной обрядности, о поступлениях и расходах денежных средств в зарегистрированных религиозных объединениях» [9, с. 65].

Однако в дальнейшем эта структура неоднократно пересматривалась, и Отчеты Уполномоченного различались

по объему и детализации в зависимости от времени написания.

Так, Отчет Уполномоченного А. А. Трушина за 1973 год, изложенный на 40 страницах текста, уже содержал следующие разделы:

Прембула [4, л. 2];

1. «Некоторые аспекты деятельности религиозных объединений в Московской области» [4, л. 2–27]. Данный раздел включал в себя следующие подразделы:

1.1. «Религиозные объединения и их обслуживающий персонал»;

1.2. «Служители культа и их деятельность»;

1.3. «Денежные доходы и расходы религиозных объединений»;

1.4. «Религиозные и гражданские обряды»;

1.5. «Деятельность монастыря Троице-Сергиевской лавры»;

1.6. «Деятельность духовных учебных заведений»;

1.7. «Деятельность епархиального управления»;

1.8. «Деятельность зарегистрированных евангельских христиан-баптистов»;

1.9. Деятельность незарегистрированных сектантских групп и предпринятые меры по пресечению противоправных действий»;

2. «Анализ писем, жалоб, заявлений и их рассмотрение. Прием посетителей» [4, лл. 28–30];

3. «Организация и состояние контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах в области» [4, лл. 30–38];

4. «Выводы и предложения» [4, л. 38–40].

Стоит также отметить и то, что с 1972 г. к ежегодным информационным отчетам уполномоченных должны были прикладываться сведения о монастырях, находящихся в них монашествующих, источниках существования, состояния хозяйства и характере деятельности за год.

Всего ежегодных отчетов было сформировано 20 — вплоть до 1985 года. В 1984 году А. А. Трушин ушел на пенсию и новым Уполномоченным стал Г. Д. Романов. Последние два отчета из фонда 7383 были сформированы и подписаны именно им [5] [6].

В целом, отчеты с каждым годом становятся все более информативными, выверенными и детальными. Во многом, этому способствовало то, что А. А. Трушин занимал свою должность более 40 лет, что, несомненно, свидетельствует о его компетентности, профессионализме, об его понимании специфики религиозных особенностей свойственных Москве и Московской области. При этом, необходимо отметить, что он оставался в первую очередь советским служащим, следующим за политикой партии и советского правительства, что отражалось и на формулируемых им выводах. Тем не менее, в архивах можно найти сведения о том, что между Уполномоченным и деятелями церкви установились не только чисто официальные взаимоотношения, регламентируемые общими циркулярами, но и товарищеские взаимоотношения, которые выражались и в неформальном общении,

к примеру, во взаимном поздравлении с новым годом. Так, епископ Леонид в телеграмме от 31 декабря 1954 года пишет А. А. Трушину «Алексей Алексеевич, поздравляю Вас с новым годом и желаю полного здоровья и полных успехов» [2, л. 13].

Изучая отчеты Уполномоченного по делам Русской православной церкви по городу Москве и Московской области А. А. Трушина, можно составить правильное впечатление о целом ряде аспектов взаимоотношений органов советской власти с епископатом. Среди них — интересные

и важные факты характеризующие религиозную обстановку в Москве и Московской области, о возобновлении работы церквей, количестве прихожан, священников, монахов, о работе религиозных учебных заведений, об экономике церковного хозяйства, о деятельности сект и по многим иным аспектам. Эти документы могут играть важную и, во многом, уникальную роль при изучении состояния Русской православной церкви в Москве и Московской области в середины 1940-х до середины 1980-х годов.

Литература:

1. Центральный государственный архив Московской области. Фонд 7383 «Отдел по связям с религиозными организациями». Опись 1. Дело 5 «Информационные сводки, докладные записки, статистические таблицы и схемы Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по г. Москве и Московской области о состоянии и деятельности русской православной церкви на территории г. Москвы и Московской области. Копии» — Текст: электронный // Центральный государственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025).
2. Центральный государственный архив Московской области. Фонд 7383 «Отдел по связям с религиозными организациями». Опись 3. Дело 25 «Докладные записки, письма, переписка о деятельности религиозных объединений, служителей культа». — Текст: электронный // Центральный государственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025).
3. Центральный государственный архив Московской области. Фонд 7383 «Отдел по связям с религиозными организациями». Опись 3. Дело 55 «Годовой информационный отчет о работе уполномоченного. 1966 год». — Текст: электронный // Центральный государственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025). — Текст: электронный // Центральный государственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025).
4. Центральный государственный архив Московской области. Фонд 7383 «Отдел по связям с религиозными организациями». Опись 3. Дело 78 «Годовой информационный отчет о работе Уполномоченного. 1973 год». — Текст: электронный // Центральный государственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025).
5. Центральный государственный архив Московской области. Фонд 7383 «Отдел по связям с религиозными организациями». Опись 3. Дело 114 «Годовой информационный отчет о работе Уполномоченного. 1984 год». — Текст: электронный // Центральный государственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Центральный государственный архив Московской области. Фонд 7383 «Отдел по связям с религиозными организациями». Опись 3. Дело 117 «Годовой информационный отчет о работе Уполномоченного. 1985 год». — Текст: электронный // Центральный государственный архив Московской области: [сайт]. — URL: <https://arch.mosreg.ru/archives/cgamo/about> (дата обращения: 13.05.2025).
7. Васильева, О. Ю. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова — Текст: электронный // Азбука веры: [сайт]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg/ (дата обращения: 13.05.2025).
8. Инструкция Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме Союза ССР для уполномоченных Совета при СНК союзных и автономных республик и при обл [астных] (кра [евых]) исполкомах. Утверждена на заседании Совета по делам Русской православной церкви 5 февраля 1944 г. — Текст: непосредственный // Вестник церковной истории. — 2011. — № 3–4(23–24). — С. 74–75.
9. Копылова, О. Н. Отчеты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви как источник по изучению истории Русской Церкви во 2-й половине XX столетия / О. Н. Копылова. — Текст: непосредственный // Вестник церковной истории. — 2011. — № 3–4(23–24). — С. 64–92.
10. Никонов, В. В. Отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по Г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозных практик москвичей в 1944–1946 годах / В. В. Никонов. — Текст: непосредственный // Известия Смоленского государственного университета. — 2022. — № 3(59). — С. 168–184.
11. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. Первые годы существования. — Текст: электронный // Богослов: [сайт]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/1415465> (дата обращения: 13.05.2025).

12. Петюкова, О. Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах / О. Н. Петюкова. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. — 350 с. с. — Текст: непосредственный.
13. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штриккер. — Москва: Пропилеи, 1995. — 400 с. — Текст: непосредственный.
14. Шимон Иван Ярославович Отношения Советского государства и Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Шимон Иван Ярославович;. — Москва, 1995. — 427 с. — Текст: непосредственный.
15. Шкаровский, М. «Господь дарует нам победу». Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война / М. Шкаровский. — Москва: Познание, 2020. — 528 с. — Текст: непосредственный.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Влияние мягкой силы Республики Корея на страны Балканского полуострова

Трушин Иван Максимович, студент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Ключевые слова: Южная Корея, Балканский полуостров, славяне, мягкая сила, Халлю.

The impact of the Republic of Korea's soft power on the countries of the Balkan Peninsula

Trushin Ivan Maksimovich, student

Saratov National Research University named after N. G. Chernyshevsky

Keywords: South Korea, Balkan Peninsula, Slavs, soft power, Hallyu.

Республика Корея — уникальная страна в Северо-Восточной Азии, известная не только благодаря такому явлению как чудо на реке Ханган, и его неотъемлемым составляющим, коими являются пятилетки госплана, чеболи, и прочие явления. Не менее важной причиной развития Южной Кореи стало практически повсеместное продвижение так называемой «Корейской волны» или же Халлю. Это уникальный феномен, входящий в список инструментов мягкой силы Южной Кореи и базирующийся на современной корейской культуре и ее популяризации по всему миру. Несомненно, он наиболее распространен именно в Восточной и Юго-Восточной Азии, однако, стоит также признать, что «Корейская волна», так же получила большую популярность в Северной, Южной Америке и конечно же в некоторых частях Европы. Разумеется, это не обошло стороной и славянские страны, расположенные на Балканском полуострове. Практически в каждой из этих стран, будь то Сербия, Болгария, Словения, Хорватия или Северная Македония, так или иначе южнокорейская культура довольно популярна.

Изучая тематику южнокорейской мягкой силы, прежде всего, стоит акцентировать внимание на таком явлении как К-рор. [1] Фактически, это направление в музыке, являющееся основой «Корейской волны», наравне с дорамами, существует с начала 21 в. и, в некоторой степени, отражает не только взгляды населения Республики на путь развития своей страны, но и курс внешней политики государства. В данном случае, имеется ввиду политическая ориентация Сеула на США и в некоторой степени на ЕС. В конечном

счете, именно население стран Северной Америки, Центральной и Западной Европы можно считать основной целевой аудиторией К-рора. Однако, стоит отметить, что хотя и в меньшей степени, но все же у Южной Кореи присутствует стремление к воздействию на страны Балканского полуострова посредством использования своей мягкой силы. В качестве косвенного примера использования этой стратегии в отношении балканских государств можно указать речь участников группы BTS на 76-й Генеральной Ассамблее ООН в 2021 г. [2] Выступление было посвящено поддержке людей во всем мире, которые сталкиваются с кризисом в области здравоохранения. Особенно интересен тот факт, что уже через год, власти Северной Македонии активизировались в плане сотрудничества с ВОЗ с целью разрешения этой проблемы и в принципе увеличить «охват» своего населения медицинскими услугами. [3] Таким образом, Южная Корея продемонстрировала свое стремление к участию в деле разрешения проблем, с которыми сталкиваются многие государства, в том числе и те что находятся на Балканском полуострове. В данном случае, можно сказать, что Южная Корея, вскоре после экономического чуда, активизировалась и в своем политическом развитии. Конечно же она не стала глобальным лидером или хотя бы региональным, однако она смогла привлечь внимание некоторых стран, о которых было сказано выше, на важные современные проблемы, зарекомендовала себя в качестве активного члена международного сообщества и, возможно, мобилизовала некоторые государства для решения жизненно важных задач.

Также в качестве одного из примеров использования мягкой силы Южной Кореи в отношении славянских государств Балканского полуострова можно рассматривать создание образа привлекательного направления для туризма среди граждан этих стран. Как известно, Республика Корея — одна из наиболее перспективных азиатских стран в области развития туризма и формирования благоприятного образа за счет этого. Но увы, несмотря на существование безвизового режима между Болгарией, Словенией, Северной Македонией и Южной Кореей, и некоторыми другими странами, это направление не особо популярно среди граждан славянских государств Балканского полуострова. На настоящий момент, это страна не особенно популярна в плане туризма, как следствие, недостаточно развито и не может быть привлекательнее для них чем, к примеру, Китай. Это так же актуально и для граждан Республики Корея. Страны Юго-Восточной Азии, США и Япония все еще остаются наиболее предпочтительными местами для отдыха граждан РК.

Кроме того, к числу наиболее не очевидных направлений использования мягкой силы, можно отнести еще и экономику. Создание образа процветающего и развивающегося государства, выступающего в качестве надежного торгового и инвестиционного партнера, привлекает ничуть не меньше. Эта мысль нашла свое отражение в отношениях Республики Корея и Болгарии. Так, в 2024 г., Южнокорейская оборонная компания Korea Aerospace Industries (KAI) стремилась расширить свое присутствие на мировом рынке легких боевых самолетов. Тогда созданный образ технологически развитого государства стал одним из факторов, из-за которого в Софии было принято решение о заключении сделки на закупку истребителей FA-50. [4] Вполне понятно, что торговля между этими странами развивается довольно-таки неплохо, чего нельзя сказать о двусторонних инвестициях этих стран. Однако в данном случае причиной отсутствия стремления Южной Кореи инвестировать в экономику Болгарии, и наоборот, скорее всего можно считать банальную незаинтересованность в проектах, которые ведет партнер. Иными словами, при всем желании к построению стабильных

и надежных торговых отношений, для Болгарии азиатское направление для инвестирования нельзя назвать приоритетным, и вряд ли оно станет таковым в ближайшее время, особенно учитывая, что Болгария не входит в число наиболее экономически развитых стран, соответственно у нее нет тех возможностей, которые были бы интересны Сеулу. В качестве еще одного примера можно рассмотреть торгово-инвестиционное партнерство Сербии и Республики Корея. Это славянское государство, что удивительно, оказалось куда более активным инвестиционным реципиентом для Южной Кореи. Так в 2023 г. премьер-министр Сербии Ана Брнабич посетила Сеул. [5] Во время той поездки было подписано двустороннее Соглашение о поощрении и защите инвестиций. При этом, глава правительства Сербии заявила, что Белград хочет использовать потенциал компаний Samsung, LG, Kia, Hyundai и некоторых других. Что же касается торговли, то тут эти два государства пошли еще дальше. В 2024 г. было заключено соглашение о свободной торговле. В данном случае, территориальная удаленность стран не стала определяющим фактором. Кроме того, Сербия оказалась привлекательна для инвестиций благодаря своему климату, территориальному расположению и конечно наличию полезных ископаемых. Таким образом, Южная Корея, не обладая существенными запасами минеральных ресурсов, сумела создать благоприятный образ, с точки зрения Белграда и тем самым открыть себе доступ на рынок этого славянского государства.

Стоит признать, что несмотря на успех Южной Кореи в экспорте своей культуры, и, разумеется, использования ее в качестве инструмента «мягкой силы», все вышеперечисленные страны не являются основной «целевой аудиторией» Республики. Тем не менее, Сеул все же стремится оказывать на них влияние и создавать вид стабильного экономического партнера. Во многом за счет формирования образа РК как финансово обеспеченного, стремительно развивающегося государства, смело смотрящего в счастливое будущее. И Южная Корея делает это с успехом, учитывая те отношения, которые были выстроены с некоторыми вышеперечисленными государствами.

Литература:

1. Яна Полянинова, Дарья Илич. РБК Life. Гид по k-pop: почему он так популярен, как устроен и кого слушать. 2024
2. РБК СТИЛЬ. Группа BTS выступила на сессии Генассамблеи ООН. 2021.
3. Theadora Swift Koller, Jelena Kjetkovikj Janeva, Elena Ognevska, Ana Vasilevska, Simona Atanasova, Chris Brown, Antoni Dedeu & Anne Johansen. BMS — Part of Springer Nature. Towards leaving no one behind in North Macedonia: a mixed methods assessment of barriers to effective coverage with health services. 2024.
4. Эмиль Мирзоев. АРМИЯ.АЗ. Южная Корея может экспортировать в Болгарию истребители FA-50. 2024.
5. Балканист. Сербия и Южная Корея подписали Соглашение о поощрении и защите инвестиций. 2023.

Роль инновационных технологий в реализации внешнеэкономической политики Российской Федерации

Шанин Кирилл Вячеславович, студент магистратуры

Научный руководитель: Лукьянова Валентина Васильевна, кандидат экономических наук, доцент

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

Введение

В условиях глобализации и стремительного развития технологий роль инновационных подходов в сфере внешнеэкономической политики Российской Федерации становится все более значимой. В традиционном понимании внешнеэкономической политики акцент ставился на торговле и инвестициях, однако современные вызовы требуют интеграции инновационных технологий как ключевого фактора повышения конкурентоспособности на международной арене. В данной статье будет проанализировано, как использование инновационных технологий может повлиять на эффективность внешнеэкономической политики России, какие есть преграды для их внедрения и какие перспективы открываются в результате усиленного акцента на инновации.

1. Теоретические аспекты инновационных технологий и внешнеэкономической политики

Инновационные технологии подразумевают внедрение новых и усовершенствованных решений, которые способны улучшить производственные процессы, повысить качество товаров и услуг и, как следствие, увеличить экспортный потенциал. Внешнеэкономическая политика, в свою очередь, охватывает широкий спектр действий государства, направленных на оптимизацию внешнеэкономических связей и привлечение инвестиций. Инновационные технологии охватывают широкий спектр новшеств, которые могут быть внедрены как в производство, так и в услуги. Они включают:

— Продуктовые инновации: это новые или значительно улучшенные товары или услуги, которые удовлетворяют потребности потребителей. Например, создание новых медицинских препаратов, внедрение высокотехнологичных транспортных средств или развитие программного обеспечения для автоматизации бизнес-процессов.

— Процессные инновации: изменения в способах производства или доставки услуг, которые позволяют увеличить эффективность. К примеру, внедрение роботов в производственные линии или использование блокчейн-технологий для оптимизации логистических цепочек.

— Организационные инновации: новые способы управления и организации процессов внутри компании. Это может включать внедрение гибких методик управления проектами, таких как Agile и Scrum, что позволяет быстрее реагировать на изменения рыночной ситуации.

— Маркетинговые инновации: новшества в области маркетинга, такие как использование анализа больших данных для создания персонализированных предложений клиентам, использование цифровых технологий для взаимодействия с клиентами через социальные сети и интернет.

Таким образом, инновационные технологии выступают не только как средство повышения конкурентоспособности, но и как катализатор изменений в внешнеэкономической политике. Главные аспекты этой взаимосвязи включают:

— Создание новых возможностей для экспорта: Инновационные технологии позволяют развивать и выводить на рынок новые продукты и услуги, соответствующие международным стандартам. Это дает возможность российским компаниям улучшить свои позиции на международной арене.

— Увеличение внутренней производительности: За счет внедрения технологий и оптимизации процессов компании могут снижать затраты и повышать качество продукции, что в свою очередь способствует увеличению объемов экспорта.

— Улучшение международного имиджа: Применение современных технологий демонстрирует международному сообществу потенциал России как инновационной страны, что может улучшить ее имидж на международной арене.

— Партнерство с международными компаниями: Внедряя инновационные решения, Россия становится интересным партнером для иностранных компаний, что может привести к новым совместным проектам и соглашениям.

— Обучение и обмен опытом: Развитие инновационных технологий требует обмена знаниями и опытом с международными партнерами, что может привести к созданию совместных исследовательских инициатив и образовательных программ.

2. Влияние инновационных технологий на конкурентоспособность России в международной торговле

В современных условиях глобализации и высоких темпов технологического прогресса, конкурентоспособность стран на международной арене во многом определяется их способностью внедрять и использовать инновационные технологии в различных областях экономики. Для России, стремящейся укрепить свои позиции на ми-

ровых рынках, применение таких технологий становится ключевым аспектом внешнеэкономической деятельности.

Одним из самых значительных эффектов внедрения инновационных технологий является повышение производительности предприятий. Новые методы производства, основанные на применении автоматизации и робототехники, позволяют значительно сократить время на изготовление товаров и услуг. К примеру, российские производители с внедрением современных технологий способны увеличивать объемы выпуска высококомплексной продукции, что особенно актуально в таких отраслях, как машиностроение и электроника. Кроме того, использование инновационных материалов и технологий позволяет улучшать качество конечной продукции. Это имеет первостепенное значение на международных рынках, где требования к стандартам качества постоянно растут. Качество продукции становится востребованным конкурентным преимуществом, способствующим выходу на новые рынки и укреплению позиций на уже существующих.

Цифровизация бизнес-процессов является еще одним важным фактором, влияющим на конкурентоспособность. Современные IT-решения позволяют компаниям оптимизировать свои внутренние процессы, сократить издержки и ускорить время выхода на рынок. Разработка и внедрение облачных технологий, систем управления цепями поставок (SCM) и Customer Relationship Management (CRM) значительно повышают эффективность управления. Применение аналитики больших данных и искусственного интеллекта помогает компаниям принимать более обоснованные бизнес-решения, прогнозировать изменения спроса и адаптироваться к условиям рынка. Эти факторы делают российские компании более гибкими и готовыми реагировать на изменения в международной торговле.

Инновационные технологии также открывают новые возможности для выхода на международные рынки. Использование цифровых платформ и интернет-технологий позволяет российским компаниям предлагать свою продукцию и услуги напрямую зарубежным клиентам, сводя к минимуму традиционные барьеры международной торговли. Например, появление платформ для электронной коммерции, таких как B2B и B2C системы, позволяет малым и средним предприятиям легко выйти на международный рынок. Это также дает возможность развивать экспортный потенциал, повышая уровень конкуренции среди компаний и предоставляя более широкий выбор для потребителей. Кроме того, внедрение инновационных технологий способствует развитию международного сотрудничества. Участие в совместных проектах и инициативах по обмену опытом с зарубежными партнерами позволяет России интегрироваться в глобальную инновационную экосистему. Это важно не только для привлечения инвестиций, но и для повышения уровня технологической компетенции и развития местных инновационных кластеров.

Таким образом, влияние инновационных технологий на конкурентоспособность России в международной торговле является многогранным и многосторонним про-

цессом. От повышения качества продукции и производительности до оптимизации бизнес-процессов и выхода на новые рынки — все эти факторы играют ключевую роль в успешной реализации внешнеэкономической политики. Поддержка и развитие инноваций должны стать приоритетом для России, что позволит не только укрепить её позиции на мировой арене, но и достичь устойчивого экономического роста.

3. Основные проблемы и будущие перспективы

Одной из основных проблем остается недостаток и недоступность финансирования для малых и средних предприятий (МСП), занимающихся инновациями. Множество стартапов и технологических компаний сталкиваются с трудностями при привлечении инвестиций из-за высоких рисков, связанных с внедрением новых технологий. Недостаток венчурного капитала и слишком строгие требования к кредитованию со стороны банков ограничивают возможности для роста и развития высокотехнологичных проектов.

Российская инновационная инфраструктура еще недостаточно развита. Хотя в стране существуют технопарки, инкубаторы и инновационные центры, их сеть не всегда охватывает все регионы и секторы экономики. Это приводит к тому, что многие потенциальные компании не имеют доступа к необходимым ресурсам, знаниям и технологиям, что замедляет процесс внедрения инноваций.

Также, несмотря на наличие образовательных учреждений, существует разрыв между образовательным процессом и потребностями бизнеса, особенно в сфере высоких технологий. Квалифицированные кадры — это один из ключевых факторов успеха для инновационных компаний, и их нехватка может стать серьезным ограничением для роста и развития. Необходима синхронизация образовательных программ с требованиями рынка труда.

Если же говорить о будущих перспективах, то одной из ключевых перспектив для России является развитие венчурного капитала и формирование более благоприятной инвестиционной среды. Это может быть достигнуто через создание специализированных фондов, поддерживающих стартапы и высокотехнологичные компании. Федеральные и региональные власти могут создать условия, способствующие привлечению инвестиций не только из страны, но и со стороны иностранных инвесторов.

Для успешной реализации внешнеэкономической политики России необходимо продолжать развивать инновационную инфраструктуру. Создание сетей технопарков, инкубаторов и ускорителей, охватывающих различные регионы и отрасли, поможет повысить доступность ресурсов и знаний для местных предпринимателей. Это также может способствовать обмену опытом и лучшими практиками.

А сотрудничество с зарубежными партнерами, университетами и научно-исследовательскими институтами открывает новые возможности для переноса технологий

и обмена идеями. Участвуя в международных научно-технических проектах, российские компании могут адаптировать лучшие практики и технологии, что в дальнейшем обеспечит их конкурентоспособность.

Заключение

В условиях современной экономики роль инновационных технологий в реализации внешнеэкономической

политики Российской Федерации становится все более актуальной. Успех страны в условиях глобализации зависит от способности интегрировать новейшие технологии в государственную политику и бизнес-практики. Для достижения высоких показателей необходимо преодолеть существующие препятствия и активно развивать механизмы поддержки инноваций, что, в конечном итоге, позволит повысить конкурентоспособность России на мировой арене.

Литература:

1. Аганбегян В. А. (2015). Социально-экономическое развитие России: итоги и перспективы.
2. Буянов В. С. (2024). Внешняя политика России.
3. Гончаренко Л. П. (2025). Инновационная политика.
4. Игнатова О. В., & Орлова Н. Л. (2022). Мировая экономика и международные экономические отношения.
5. Кузнецов Е. Б. (2017). Проблемы перехода на инновационную модель экономики.
6. Маслюк Н. А., & Медведева Н. В. (2021). Технологизация экономики региона как основа социально-экономического развития.
7. Оболенский В. П. (2016). Внешнеэкономические связи России: современные вызовы и возможные ответы.
8. Ручкина Г. Ф. (2024). Теория и практика внешнеэкономической деятельности.
9. Смирнова О. П., & Чеснюкова Л. К. (2023). Влияние цифровых технологий на устойчивое развитие промышленного комплекса Уральского федерального округа.
10. Шумпетер Й. А. (2007). Теория экономического развития.

ГЕОГРАФИЯ

Современные подходы к графическому и текстовому описанию границ населенных пунктов для внесения сведений в ЕГРН

Архипов Данил Эдуардович, студент магистратуры

Научный руководитель: Поликарпов Анатолий Михайлович, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассмотрены нововведения в законодательстве, регулирующем процедуру регистрации границ населённых пунктов в ЕГРН, проанализирован порядок подготовки пакетов документов для передачи в Росреестр с возможными препятствиями, замедляющими этот процесс.

Ключевые слова: кадастровый учет, установление границ населенных пунктов, эффективное использование земель, ЕГРН.

Эффективное использование земель населенных пунктов во многом зависит от правильной организации их использования, что неразрывно связано с установлением четких границ. Верно определенные и установленные границы населенных пунктов позволяют более активно включать земли в экономический оборот, облегчают процедуры предоставления земельных участков, способствуют определению наиболее эффективных способов их использования и сокращению земельных споров [16]. Кроме того, это обеспечивает поступление налогов в местные бюджеты и повышает инвестиционную привлекательность муниципальных образований, что важно для устойчивого развития территорий.

Установление границ населённых пунктов производится на основе территориального планирования, документов градостроительного планирования, а также проектов землеустройства [1]. Это включает анализ и расчеты для определения резервных территорий, использование данных о площадях земельных участков, инвентаризацию земель, а также проектно-техническую и учётную документацию, связанную с территорией населённого пункта.

Следует отметить, что с 1 марта 2023 года начал действовать приказ Росреестра № П/0292 от 26 июля 2022 года [8] (далее — Приказ), который регламентирует формы графического и текстового представления границ населенных пунктов, территориальных зон, особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и зон с особыми условиями использования территории (ЗОУИТ). Этот приказ также определяет требования к точности координат ключевых точек этих границ и формат электронных документов, в которых содержатся эти данные.

Стоит обратить внимание на то, что графическое описание границ формируется на основании данных из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), единой электронной картографической базы, картографических данных, материалов дистанционного зондирования Земли, а также результатов непосредственных полевых измерений.

Для текстового описания границ населенных пунктов и территориальных зон предусмотрена специфическая форма, которая заполняется по мере необходимости.

Заполняются следующие разделы:

1. Титульный лист

1.1. Сведения о заказчике — в лице заказчика при установлении территориальных зон и границ населенных пунктов выступает администрация муниципального образования, в котором находится объект землеустройства.

1.2. Сведения об исполнителе землеустроительных работ.

1.3. Сведения о согласовании карты (плана) объекта землеустройства — в данном подразделе указывается лицо с кем производится согласование о постановке объекта землеустройства на государственный учет. В данном случае, также является администрация муниципального образования.

2. Сведения об объекте — данный объект не разделен на подразделы, но включает в себя следующий список данных:

- номер кадастрового района (в формате XX:XX);
- название объекта землеустройства (граница населенного пункта аул NNN);
- тип объекта землеустройства (граница населенного пункта, территориальная зона и т. д.);
- статус объекта землеустройства (изменяемый, образуемый, ликвидируемый);

– учетный номер (например, 23:49–4.50, указывается в случае, если это изменяемый или ликвидируемый объект);

- описание местоположения объекта землеустройства;
- список системы координат (например, МСК-23 зона 2);
- и т. д.

3. План границ объекта землеустройства — не подготавливается в связи с актуальными изменениями в законодательстве.

Также для экспорта карты (плана) в XML требуется подкрепить документы необходимые для подтверждения указанной вышесказанной информации. Например, это может быть решение об избрании председателя Городского Собрания.

Точность координат характерных точек границ должна соответствовать точности картографической основы ЕГРН наибольшего доступного масштаба для соответствующего кадастрового квартала.

Электронные документы с данными о границах, которые передаются в федеральные органы исполнительной власти для ведения кадастрового учета и регистрации прав, а также для поддержания ЕГРН, должны быть созданы в формате XML. XML-файлы для удобства передаются в архиве в формате.zip. В XML-файлах хранятся указанные ранее сведения о заказчике, исполнителе, объекте землеустройства. Это обеспечивает возможность проверки и контроля за точностью содержащейся в них информации.

Важно убедиться, что предоставляемые документы не нарушают законодательство, регулирующее кадастровую деятельность, и все устанавливаемые границы соответствуют существующим землепользованиям. К примеру, недопустимо обнаружение пересечений границ населённых пунктов или территориальных зон с границами земельных участков, которые уже зарегистрированы как единые землепользования или многоконтурные участки. Также проблемой может стать пересечение новой границы населённого пункта с установленными границами других недвижимых объектов, особенно если пересе-

каемый участок многоконтурный, например, под опорами линии электропередач [12]. Существует риск, что новая граница может проходить через место, где сходятся границы двух или более участков, что приведёт к реестровой ошибке, требующей времени и ресурсов для исправления.

Пересечения границ населённых пунктов могут происходить не только с земельными участками, но и с границами соседних населённых пунктов или территориальных зон. Это связано с тем, что подготовку документации для кадастрового учёта могут выполнять различные подрядные организации. Часто проблемы с учётом границ населённых пунктов возникают после того, как необходимые документы передаются в регистрирующий орган для внесения сведений в ЕГРН [18]. Проблемы могут возникать из-за уточнения границ земельного участка в период рассмотрения документов, что приводит к их пересечению с границами населённого пункта.

Таким образом, становится очевидно, что задача по формированию границ административно-территориальных образований относится к особо важным в землеустройстве в силу того, что границы играют роль пространственного базиса для организации территории в государстве. Установление границ населённых пунктов является немалой государственной проблемой. Также для минимизации проблем, связанных с кадастровым учётом границ населённых пунктов, необходимо не только реагировать на возникающие сложности, но и стремиться к их предупреждению. Разработка детальной и чёткой инструкции для установления границ поможет предотвратить ошибки до их возникновения. Кроме того, регулярное проведение работ по выявлению и исправлению реестровых ошибок, а также рекомендации по разделу земельных участков в соответствии с административными границами, как указано в приказе, будут способствовать улучшению точности и актуальности данных в кадастровых записях. Эти меры позволят более эффективно управлять земельными ресурсами и уменьшить количество диспутов, связанных с границами земельных участков.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ [Электронный ресурс]: принят Гос. Думой 28.09.2001. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ [Электронный ресурс]: принят Гос. Думой — 22.12.2004. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Налоговый кодекс Российской Федерации часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 11.10.2022) // Система «КонсультантПлюс» [Электрон. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном кадастре недвижимости» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 22.12.2014 № 447-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172518/
5. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/
6. Федеральный закон от 18.06.2001 N 78-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О землеустройстве» // Система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32132/

7. Федеральный закон «О кадастровой деятельности» от 24.07.2007 № 221-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70088/
8. Приказ Росреестра от 26.07.2022 N П/0292 «Об установлении формы графического описания местоположения границ населенных пунктов, территориальных зон, особо охраняемых природных территорий, зон с особыми условиями использования территории, формы текстового описания местоположения границ населенных пунктов, территориальных зон, требований к точности определения координат характерных точек границ населенных пунктов, территориальных зон, особо охраняемых природных территорий, зон с особыми условиями использования территории, формату электронного документа, содержащего сведения о границах населенных пунктов, территориальных зон, особо охраняемых природных территорий, зон с особыми условиями использования территории» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.09.2022 N 70233)
9. Бубнов, Д.В., Рациональное использование земельных ресурсов как фактор устойчивого развития региона, автореф. дис. ... эконом наук: 08.00.05, Бубнов Дмитрий Викторович, Волг., 2015, с. 3;
10. Варламов А. А. Земельный кадастр. В 6 т.Т.2. Управление земельными ресурсами / Варламов А. А. — М.: КолосС, 2004. — 528 с.
11. Варламов А. А. Основы кадастра недвижимости: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / А. А. Варламов, С. А. Гальченко. — М.: Издательский центр «Академия», 2013.— 224 с.
12. Горбунова, А. А. Изменение законодательства в части установления границ поселений и населенных пунктов [Текст] / А. А. Горбунова // Векторы развития законодательного обеспечения государственной земельной политики: опыт XX века и современность / Сборник материалов международной научно-практической конференции (Государственный университет по землеустройству 18 декабря 2018 г.) / Сост. С. А. Липски, Е. А. Позднякова. — М.: ГУЗ, 2018. — С. 85–87.
13. Зарипова А. М., Колчина Н. В., Внесение в государственный кадастр недвижимости сведений о границах муниципальных образований, Инновационная деятельность: Теория и Практика № 7(3), Екатеринбург, 2016, с. 17;
14. Засядь-Волк В. В. Земля и инвестиции: Формирование политики землепользования в регионах и городах./ Засядь-Волк В.В — СПб.:Изд-во С.Петербур. ун-та, 2013. –136 с.
15. Киселева Н. А. Управление земельными ресурсами: региональный аспект: учеб. пособие / Н. А. Киселева, О. В. Тараканов. — Пенза: ПГУАС, 2013. — 148 с.
16. Комов Н. В. Российская модель землепользования и землеустройства [М.: ООО «Институт оценки природных ресурсов», 2001]
17. Непоклонов В. Б. Эффективность применения данных кадастра недвижимости и мониторинга земель: методические указания / В. Б. Непоклонов, И. А. Хабарова, С. С. Дручинин — М.: МИИГАиК, 2017. — 32 с.
18. Севостьянов, А. В. Повышение эффективности использования земель населенного пункта путём установления его границы [Электронный ресурс] / А. В. Севостьянов, А. А. Горбунова // Московский экономический журнал. — 2017. — № 4. — Режим доступа: URL: <http://qe.su/zemleustrojstvo-i-zemledelie/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-4-2017-59/>.
19. Сорокина, Е. И. Анализ проблем при установлении (изменении) границ населенных пунктов на территории Никольского муниципального района Волгоградской области / Е. И. Сорокина, Г. Ю. Нимгирова. — Текст: непосредственный // Науки о Земле: вчера, сегодня, завтра: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). — Казань: Молодой ученый, 2018. — С. 14–17. — URL: <https://moluch.ru/conf/earth/archive/293/14128/> (дата обращения: 12.04.2024).
20. Сулин М. А. Основы землеустройства [СПб.: Лань, 2002]
21. Третьяченко, А. А. Установление границ поселений и населенных пунктов как инструмент эффективного использования земель [Текст] / А. А. Третьяченко // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. — 2015. — № 9. — С. 59–63.
22. Трутнев Э. К., Бандорин Л. Е. Азбука землепользования и застройки [М.: Фонд «Институт экономики города», 2010]

ЭКОЛОГИЯ

Влияние климатических изменений на уровень Каспийского моря и их экологические последствия

Ибрагимли Гюнель Анар, студент

Научный руководитель: Геокчайский Шовгисафа Юсифзия, доктор географических наук, профессор
Бакинский государственный университет (Азербайджан)

Статья посвящена анализу причин снижения уровня Каспийского моря, связанных с климатическими изменениями и антропогенным воздействием. Рассматриваются экологические и социально-экономические последствия, а также подчеркивается необходимость международного сотрудничества и мер по адаптации к происходящим изменениям.

Ключевые слова: Каспийское море, изменение уровня, климатические изменения, испарение, Волга, антропогенное воздействие, международное сотрудничество.

Каспийское море — крупнейшее в мире замкнутое бессточное озеро, обладающее уникальными географическими и природными характеристиками. Оно представляет собой важнейший ресурс для пяти прибрежных государств — России, Казахстана, Туркменистана, Ирана и Азербайджана — и играет ключевую роль в обеспечении пресной воды, поддержании биоразнообразия, развитии рыбной и нефтегазовой промышленности, а также транспортной инфраструктуры. [1] Однако в последние десятилетия Каспийское море сталкивается с устойчивым снижением уровня воды, вызванным совокупностью климатических и антропогенных факторов. [2] Эти изменения уже оказывают значительное влияние на природные экосистемы и социально-экономическое развитие региона, что делает данную проблему предметом пристального внимания как научного сообщества, так и органов власти. [3]

Исторически уровень Каспийского моря неоднократно колебался. Геологические и письменные источники свидетельствуют о значительных подъемах и понижениях уровня воды за последние века. В XX веке особенно заметными стали периоды устойчивого падения уровня в 1930–1978 годах и последующего резкого подъема до середины 1990-х годов. Однако начиная с 1996 года уровень Каспийского моря снова начал снижаться. По спутниковым данным, за последние двадцать лет он опустился более чем на 1,5 метра, и ежегодное понижение составляет от 6 до 10 сантиметров, что вызывает серьезные опасения учёных. [1]

Основной причиной этих изменений являются климатические факторы. Повышение среднегодовой температуры приводит к увеличению испарения с поверхности

воды, особенно в южной части моря, где испарение значительно превышает осадки. [2] При этом распределение осадков становится всё более неравномерным: в одних районах их количество увеличивается, в других — падает. Изменения в количестве снежных осадков и скорости таяния ледников в горных системах Кавказа и Памира нарушают режим стока рек, питающих Каспий. Особое значение имеет река Волга, на которую приходится до 85 % всего притока воды в море. [1] В последние десятилетия Волга всё чаще страдает от маловодья, особенно весной, когда раньше происходило половодье. Сокращение снежного покрова и изменение характера осадков в её бассейне существенно снижают объёмы поступающей воды, усиливая дефицит.

Антропогенное воздействие также оказывает серьёзное влияние на уровень Каспия. В первую очередь это связано с регулированием речного стока с помощью плотин и водохранилищ. Каскад из девяти плотин на Волге сглаживает естественные сезонные колебания и нарушает речной режим. Помимо этого, забор воды из Волги и других рек для нужд сельского хозяйства, промышленности и водоснабжения значительно снижает общий приток в Каспийское море. Интенсивное развитие нефтегазового сектора сопровождается подводным бурением, строительством инфраструктуры и другими вмешательствами в естественную среду. Эти процессы нарушают циркуляцию воды, способствуют загрязнению, фрагментации экосистем и деградации береговой зоны. [2]

Изменение уровня Каспийского моря оказывает серьёзные последствия на состояние экосистемы. При снижении уровня воды осушаются прибрежные биотопы — тростниковые заросли, заболоченные участки

и мелководья, служащие нерестилищами и местами обитания для множества видов. Нарушаются условия для воспроизводства промысловых рыб, особенно осетровых, которые и без того находятся на грани исчезновения. Их миграционные пути прерываются не только из-за изменений солёности и температурного режима, но и из-за искусственных преград в устьях рек. По данным экологических наблюдений, за последние 50 лет популяции осетровых в Каспии сократились более чем на 90 %. Уязвимым видом остаётся и каспийский тюлень — единственное млекопитающее, обитающее в этом море. Его численность за столетие снизилась с 1 миллиона особей до менее 70 тысяч в наши дни. [3]

Наряду с этим, важной проблемой остаётся изменение солёности воды. В северной части моря она составляет менее 1‰, а в южной превышает 13–14‰. Такие резкие градиенты создают неблагоприятные условия для миграции, нарушают работу трофических цепей и снижают продуктивность планктонных сообществ. В южной части моря наблюдается образование анаэробных зон, насыщенных сероводородом и метаном, где отсутствует кислород. Эти так называемые «мертвые зоны» не только угрожают биологической жизни, но и представляют опасность для подводного бурения и судоходства. Дополнительно стоит отметить, что из-за усиления температурных градиентов между северной и южной частями моря активизируются глубинные течения, которые перераспределяют загрязняющие вещества. Это усиливает загрязнение прибрежных вод, особенно у берегов Азербайджана и Ирана, где сосредоточены основные нефтедобывающие районы. [1]

Снижение уровня Каспийского моря оказывает и серьёзное социально-экономическое воздействие. Многие прибрежные порты, включая Актау (Казахстан), Туркменбаши (Туркменистан) и Алят (Азербайджан), сталкиваются с обмелением, теряя доступность для судов. Это ведёт к необходимости проведения дорогостоящих дноуглубительных работ и перестройки логистики. Нарушается судоходство, особенно внутренние и трансгра-

ничные маршруты. Теряют устойчивость целые сектора экономики — от рыболовства и переработки до туризма и торговли. В некоторых районах уровень моря упал настолько, что вода отступила от береговой линии на километры, обнажив непригодные для использования илистые участки. [4]

Для адаптации к изменяющимся условиям необходимо внедрение комплекса мер. В первую очередь это создание эффективной системы мониторинга, включающей как спутниковое наблюдение, так и наземные станции слежения за температурой воды, солёностью, загрязнением и состоянием биологических ресурсов. Требуется модернизация и защита инфраструктуры, в том числе строительство регулирующих сооружений, укрепление берегов, переоборудование портов. Следует проводить реабилитацию природных территорий, восстановление нерестилищ и ограничение промышленного воздействия в уязвимых зонах. Особое значение приобретает сохранение биоразнообразия и защита исчезающих видов, прежде всего каспийского тюленя.

Не менее важной является международная координация. Прибрежные страны уже предприняли шаги в этом направлении, подписав Тегеранскую конвенцию 2003 года по охране морской среды Каспийского моря. Однако для эффективного реагирования на происходящие изменения необходимо углубление сотрудничества, обмен данными, согласованная водная политика и совместная реализация экологических и инфраструктурных проектов.

Таким образом, Каспийское море сталкивается с серьёзными вызовами, обусловленными глобальными и региональными процессами. Комбинация климатических и антропогенных факторов приводит к снижению уровня воды, разрушению экосистем, экономическим потерям и социальной уязвимости. Решение этой проблемы требует научно обоснованного, комплексного и межгосударственного подхода, направленного на устойчивое управление природными ресурсами Каспийского региона и сохранение его уникальной экологической системы.

Литература:

1. Родинов С. Н. Классическое исследование о климатических колебаниях и их влиянии на уровень Каспийского моря. — 1-е издание. — Дордрехт: Kluwer Academic Publishers, 1994. — 241 с.
2. Косарев А. Н. Физико-географические условия Каспийского моря // Окружающая среда Каспийского моря / под ред. А. Г. Костяного и А. Н. Косарева. — Берлин: Springer, 2005. — С. 5–31.
3. The Caspian Sea Status Report 2022. — Тегеран: Временный секретариат Тегеранской конвенции, 2022. — 84 с. (Межправительственный отчёт по состоянию окружающей среды Каспийского моря)
4. Hoogesteger J., Bruns A., Mamedova N. и др. Coping with Caspian Sea Level Decline: Regional Implications and Strategies // Environmental Science & Policy. — 2023. — № 144. — С. 74–83.

Применение золы-уноса ТЭЦ

Меркурьев Дмитрий Игоревич, студент;

Шелякин Роман Андреевич, студент;

Клименко Никита Ильич, студент

Научный руководитель: Айзина Юлия Александровна, кандидат химических наук, доцент

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Данная статья посвящена исследованию и анализу применения зол-уноса в различных сферах. Ввиду актуальности экологических проблем, рассматриваются методы утилизации золы-уноса для снижения вредного воздействия на окружающую среду и повышения экологической безопасности производства. Зола-уноса, которая представляет собой материал, образующийся в результате сжигания угля, находит применение в производстве цемента, строительных материалов, как потенциальный источник дорогостоящих металлов и т. д.

Ключевые слова: зола-унос, ТЭЦ, утилизация, цемент.

Щелочное извлечение

Использование щелочных растворов, таких как NaOH, Na_2CO_3 , NaHCO_3 и NH_4OH , позволяет эффективно извлекать микроэлементы кислой и амфотерной природы методом экстракции. В результате этого процесса получают дорогостоящий металлический скандий из промежуточных продуктов переработки боксита в оксид алюминия.

Суть процесса выщелачивания заключается в обработке исходного материала 5–12 % раствором карбоната натрия или бикарбоната натрия. Эта обработка проводится не менее трёх раз при определённых соотношениях и температуре в течение нескольких часов. В результате в раствор вводится гидроксид амфотерного металлического коллектора (например, раствор оксида алюминия или оксида цинка в гидроксиде натрия). И после завершения процесса выщелачивания осадок фильтруется, промывается, высушивается и прокаливается. Содержание оксида скандия в конечном продукте составляет 26–27 % [1].

Также существуют кислотные способы переработки золы. В данном способе используются растворы минеральных кислот (H_2SO_4 , HCl , HNO_3). Кислотное выщелачивание сочетают с магнитной сепарацией, восстановительно-окислительным и хлорирующим обжигом.

В работах кафедры неорганической химии ОмГУ изучалась возможность извлечения редких и редкоземельных элементов из золы экибастузских углей. При обработке золы серной кислотой степень извлечения редких металлов, таких как церий, галлий и ванадий, изначально низкая: 0,35 % для Ce, 1,2 % для Ga и 4,6 % для V. Однако при увеличении температуры до 85°C наблюдается значительное увеличение степени извлечения: до 82 % для Ce, 16,3 % для Ga и 5,8 % для V. Дополнительно эффективным методом для увеличения извлечения является добавка NaCl.

Также стоит отметить, что обработка золы серной кислотой приводит к выщелачиванию радиоактивных элементов, таких как уран и торий. При этом степень извлечения урана составляет 87 %, а тория — 86 %.

Для повышения степени извлечения редкоземельных элементов из золы в сернокислой среде можно эффективно использовать электрохимическое выщелачивание. Обработку сернокислотной пульпы проводят на медном катоде и свинцовом аноде при определенной плотности тока и концентрации кислоты. В данном случае, при плотности тока 1,5 мА/см² и концентрации кислоты 50–300 г/л, степень извлечения редкоземельных элементов достигает 89 %. Таким образом, электрохимическое выщелачивание является эффективным методом для повышения извлечения редкоземельных элементов из золы в сернокислой среде [1].

Применение зол-уноса в производстве строительных материалов

Является перспективным направлением, которое уже нашло свое применение в создании различных составов и технологий для получения искусственных пористых заполнителей. Эти заполнители, такие как безобжиговый гравий, аглопоритовый и зольный гравий и другие, используются для производства легких бетонов, глинозольного кирпича и различных цементных вяжущих, включая золопортландцемент, известковозольный цемент, портландцементный клинкер с золой и другие.

Зола-унос при производстве цемента

Зола-уноса пригодна для использования в качестве пуццоланы. В присутствии влаги она вступает в химическую реакцию с гидроксидом кальция при комнатной температуре с образованием соединений, обладающих вяжущими свойствами. Зола-унос содержит большое количество кремнезема и оксида алюминия в реакционноспособной форме. Эти реакционноспособные элементы дополняют химический состав цемента при гидратации. При гидратации цемента образуется гель C–S–H и свободная известь, т. е. $\text{Ca}(\text{OH})_2$. Гель C–S–H связывает заполнители вместе и укрепляет бетон. Вода, сульфаты и CO_2 , присутствующие в окружающей среде, разрушают свободную известь, вы-

зывая разрушение бетона. Технологи цементной промышленности заметили, что реакционноспособные элементы, присутствующие в золе-уносе, превращают проблемную свободную известь в прочный бетон. Разница между золой-уносом и портландцементом становится очевидной под микроскопом. Частицы золы-уноса имеют почти полностью сферическую форму, что позволяет им свободно течь и смешиваться в смеси. Это свойство делает золу-унос желательной добавкой для бетона [2].

Использования золы уноса в качестве укрепления грунтов

Как показывают опыт и специальные исследования, в качестве одного из наиболее эффективных решений для укрепления или осушения глинистых грунтов при сооружении земляного полотна автомобильных дорог может быть использование золы-уноса тепловых электростанций.

Для оценки возможности осушения глинистых грунтов в условиях Кемеровской области были проведены лабора-

торные исследования по укреплению тяжелого пылеватого суглинка золой-уноса Назаровской ГРЭС.

Испытания укрепленных грунтов производились в возрасте 7 сут. Поскольку, как известно, зола-унос относится к медленно твердеющим вяжущим, можно ожидать существенного улучшения таких свойств, как прочность, морозоустойчивость, в процессе эксплуатации дороги. Введение золы-уноса в тяжелый суглинок со степенью переувлажнения до 1,4 ведет к снижению общей влажности на 7–11 %. Уменьшение влажности, в свою очередь, улучшает технологические свойства суглинистого грунта. Грунт уменьшается в липкости, становится более рыхлым. При введении золы уноса до 10 % оптимальная влажность грунта практически не изменяется, при введении 20 % золы-уноса оптимальная влажность уменьшается на 2 %, при введении 30 % золы-уноса — на 3 %. Максимальная плотность незначительно уменьшается [3].

Таким образом, зола уноса обладает многосторонними применениями и может быть использована в различных отраслях промышленности, что подчеркивает ее значимость как ценный ресурс.

Литература:

1. Adeyeva L. N., Borbat V. F. Zola TETS — perspektivnoye syr'ye dlya promyshlennosti. // Vestn. Om. Un-ta. — № 2. — 2009. — 141–151 s.
2. <https://iescivilengineering.blogspot.com/2014/12/fly-ash.html>
3. Афиногенов, О. П. Применение золошлаковых отходов для укрепления грунтов в условиях Кемеровской области / О. П. Афиногенов, Р. Н. Малыхин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 11 (249). — С. 20–23.

Административная ответственность за экологические правонарушения

Минина Ксения Юрьевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Согласно статье 42 Конституции Российской Федерации, каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, получение достоверной информации о её состоянии, а также на компенсацию вреда, причинённого его здоровью или имуществу вследствие экологических правонарушений.

На сегодняшний день Россия относится к числу государств с неблагоприятной экологической обстановкой. Рост числа экологических правонарушений и увеличение тяжести их последствий вызывают обеспокоенность не только научного сообщества, но и широкой общественности. Возросла социальная опасность деяний, посягающих на экологическое благополучие общества, а характер наносимого ущерба стал более сложным и многогранным. В ряде случаев негативные последствия могут проявиться спустя значительное время не только в месте совершения, но и в других регионах.

Актуальность рассматриваемой темы объясняется тем, что экология сегодня представляет собой важную часть жизни каждого человека. Качество окружающей среды напрямую влияет на здоровье и благополучие населения. Это подчёркивает необходимость эффективного законодательного регулирования и введения мер ответственности за экологические правонарушения.

Основная цель данной работы — исследование ключевых аспектов административной ответственности за нарушения в сфере охраны окружающей среды.

Согласно Федеральному закону «Об охране окружающей среды», за несоблюдение требований экологического законодательства предусмотрены имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность [1]. На практике чаще всего применяется административная ответственность, включающая штрафные санкции, компенсацию причинённого ущерба,

а также приостановление или прекращение деятельности нарушителя.

Понятие административного экологического правонарушения служит теоретической основой для анализа как нормативных, так и практических аспектов регулирования в данной области.

Наука административного права традиционно выделяет ряд характерных признаков, присущих институту административного правонарушения. Рассмотрим основные из них:

1. Административное правонарушение представляет собой форму поведения, выражающуюся как в действии, так и в бездействии. Действие — это активное поведение лица (например, мелкое хулиганство, кража незначительной стоимости и т. п.), тогда как бездействие — это пассивное невыполнение обязанностей (например, неявка в суд).

2. Общественная опасность заключается в том, что такие деяния могут причинить вред личности, обществу или государству, нарушая установленные нормы и интересы.

3. Противоправность означает, что правонарушением может быть признано только такое поведение, которое прямо запрещено действующим законодательством.

4. Наказуемость указывает на то, что деяние квалифицируется как административное правонарушение лишь в случае, если за него предусмотрена административная ответственность.

5. Наличие вины предполагает, что нарушение совершается сознательно и добровольно — это результат осмысленных действий или бездействия лица, способного понимать последствия своих поступков. Действия, совершённые лицом, не отдающим отчёта в своих действиях, не могут быть признаны административным правонарушением [3, с.11].

Субъектами, участвующими в экологических правоотношениях, являются: государственные органы, юридические лица (в том числе иностранные), физические лица — граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, а также индивидуальные предприниматели. Все они вступают во взаимодействие с окружающей средой с целью её использования, охраны или потребления.

Административная ответственность за экологическое правонарушение наступает тогда, когда такое деяние причинило ущерб окружающей среде, человеку, собственнику

или природопользователю, либо создало реальную угрозу его возникновения. Такая ответственность применяется исключительно в случаях, прямо предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а также соответствующими нормами отраслевого законодательства.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит ряд составов, предусматривающих ответственность за посяательства на различные компоненты природной среды. В частности, это:

- земля (статьи 8.6–8.8, 8.12 КоАП РФ),
- недра (статьи 8.9–8.11),
- водные ресурсы (статьи 8.12.1–8.20),
- лесные массивы (статьи 8.12, 8.24–8.28.1, 8.30–8.32),
- животный мир и водные биологические ресурсы (статьи 8.29–8.30, 8.33–8.39),

— атмосферный воздух (статьи 8.21–8.23, 8.40–8.46), а также общие экологические правила природопользования (статьи 7.3–7.11, 8.1–8.5) [4, с. 104–106.].

За правонарушения в сфере охраны природы КоАП РФ предусматривает следующие виды административных санкций: предупреждение, штраф, приостановление деятельности, конфискация средств совершения правонарушения, а также лишение права на осуществление определённой деятельности [2].

Вынесение штрафов за экологические правонарушения входит в компетенцию уполномоченных органов государственной власти, контролирующих охрану окружающей среды и рациональное природопользование. Такие полномочия также предоставлены специально созданным комиссиям при органах исполнительной власти, сотрудникам правоохранительных органов и представителям контрольных и надзорных структур. Административные меры, как правило, применяются в упрощённом порядке, без необходимости обращения в суд. Особенно эффективно эти меры реализуются при нарушениях законодательства о водопользовании.

Важно отметить, что освобождение лица от административной ответственности не отменяет его обязательств по возмещению ущерба, нанесённого окружающей среде. Более того, даже в случае привлечения к административной ответственности, обязанность устранить последствия правонарушения и компенсировать нанесённый вред сохраняется.

Литература:

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст.1.
3. Камолов С. Г., Кириллова Е. А., Павлюк А. В. Институт административной ответственности / моногр. М.: Издательство «Актуальность.РФ», 2018. С. 11.
4. Пирова, Р. Н. Направления совершенствования законодательства об административной ответственности за совершение экологических правонарушений / Р. Н. Пирова // Евразийский экономический журнал. — 2022. — № 3 (166). — С. 104–106.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (571) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 28.05.2025. Дата выхода в свет: 04.06.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.